

ГБУК «Этнокультурный центр Ненецкого автономного округа»

А МЫ МЕЧТАЛИ О СЧАСТЛИВОМ ДЕТСТВЕ

Воспоминания жителей Ненецкого автономного округа
о детстве и юности в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов

Государственное бюджетное учреждение культуры «Этнокультурный центр Ненецкого автономного округа», 166000, Ненецкий автономный округ, г. Нарьян-Мар, ул. Смидовича, д. 20 А, телефакс 8 (81853) 2-16-92, эл. адрес: etnonao@mail.ru

ББК 63,3 (2Рос-6Нен) 622я43
УДК 93/94

А 11

А мы мечтали о счастливом детстве. Воспоминания жителей Ненецкого автономного округа о детстве и юности в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов / Сост. Е. Вергунова. – Нарьян-Мар: ГБУК «ЭКЦ НАО», 2020. – 120 с.

Предисловие: Е.И. Вергунова

Редактирование ненецкого текста: О.Е. Латышева

В основу сборника легли воспоминания жителей Ненецкого автономного округа, которые в годы Великой Отечественной войны были детьми или подростками. Бесхитростные рассказы маленьких и юных свидетелей военного времени позволяют читателям увидеть настоящую, без купюр и прикрас, жизнь глубокого тыла на Крайнем Севере со всеми его тяготами и лишениями, мужеством, милосердием и достоинством. Издание предназначено широкому кругу читателей.

Выпускающий редактор, составитель Е.И. Вергунова
Макет Л.Ю. Широкая

ББК 63,3 (2Рос-6Нен) 622я43
УДК 93/94

ISBN

Все права защищены
©ГБУК «ЭКЦ НАО», 2020
©Л.Ю. Широкая, макет, оформление 2020

Содержание

Апицын Иван Захарович	<i>Со стороны войны</i> 6
Ардеев Егор Васильевич	<i>Боль не проходит</i> 8
Ардеев Михаил Трофимович	<i>Всего не хватало</i> 10
Артеева Ольга Васильевна	<i>Война меня лишила счастья</i> 11
Артеева Пелагея Семеновна	<i>Помните меня, ждите меня</i> 14
Бабикова Анна Терентьевна	<i>Шесть булавочек</i> 19
Бабиков Михаил Прокопьевич	<i>Долгие зимы</i> 20
Батманова Анна Павловна	<i>Слёзные песни</i> 23
Бобрикова Екатерина Никитична	<i>Дети войны и труда</i> 25
Вокуева Алефтина Ионовна	<i>Двенадцать сухариков</i> 26
Ворончихина Парасковья Васильевна	<i>Все живые вернулись домой</i> 28
Выучейская Александра Егоровна	<i>Сохранилась в роду похоронка</i> 31
Выучейская Александра Ивановна	<i>Это тёплое слово Победа</i> 33
Выучейский Иван Васильевич	<i>Я понял: война – это плохо</i> 35
Истомина Ульяна Аполлоновна	<i>Сироты войны</i> 38
Канюкова Мария Ивановна	<i>Войну я не помню</i> 41
Князева Римма Григорьевна	<i>Трудное детство</i> 42
Кокорин Станислав Николаевич	<i>Так мы жили</i> 44
Лаптандер Мария Егоровна	<i>Наши защитники</i> 46
Лаптандер Полина Дмитриевна	<i>В туфлях по тундре</i> 47
Лаптандер Федосья Егоровна	<i>Еды мало, хлеба мало</i> 48
Ларионова Анна Филипповна	<i>Тяжелое время, адская работа</i> 49
Михеев Леонид Владимирович, Михеева Маргарита Владимировна	<i>Радуемся каждому дню</i> 51
Морозова Полина Федоровна	<i>Самое радостное утро</i> 52
Некрасова Ксения Илларионовна	<i>Вся деревня заревела</i> 53
Ногина Тамара Лазаревна	<i>Златые горы</i> 56
Ноготыся Парасковья Акимовна	<i>Вернуться в тундру</i> 59
Ноготысый Николай Васильевич	<i>Мальчики ушли на фронт</i> 60
Паршева Анна Павловна	<i>Судьба и Бог</i> 61
Пономарева Мария Степановна	<i>Люди одной струны</i> 65
Попова Нелли Фёдоровна	<i>Родное лицо</i> 67
Сахарова Елена Петровна	<i>Мой первый год жизни</i> 68
Семяшкина Анастасия Деомидовна	<i>Радости мало</i> 70
Семяшкин Василий Фёдорович	<i>Дель Вась</i> 71

Семьяшкина Марфа Андреевна	<i>Ни одного огонька</i>	73
Семьяшкина Роза Ивановна	<i>Без слез – невозможно</i>	77
Слюсарь Анна Ивановна	<i>Как чайки</i>	79
Сторожик Зоя Павловна	<i>Твори молитву</i>	80
Талеева Клара Петровна	<i>Бывают ли папы?</i>	83
Талеева Мария Александровна	<i>Одни дома</i>	86
Тайбарей Ольга Алексеевна	<i>Куда писать на войну?</i>	88
Телегина Мария Степановна	<i>Красный флаг – это значит Победа!</i>	89
Терентьева Зоя Ефимовна	<i>Черное небо</i>	91
Торопова Аграпина Васильевна	<i>Работа день и ночь</i>	93
Торопова Галина Евлампиевна	<i>Тонны груза на себе</i>	94
Торопова Мария Константиновна	<i>Маленькие радости</i>	95
Федянова Светлана Ивановна	<i>Моя старшая сестра</i>	97
Чупрова Мария Петровна	<i>Нужда заставит</i>	100
Чупрова Татьяна Иосифовна	<i>Завет отца, пример мамы</i>	101
Чупрова Таисья Калистратовна	<i>Полежать бы на траве</i>	104
Чупров Петр Ефимович	<i>Тябышек</i>	106
Чупров Фатей Прокопьевич	<i>Защитники</i>	108
Чуклин Александр Иванович	<i>Колотили целый день</i>	110
Шалькова Галина Ивановна	<i>Юрий Долгорукий</i>	112
Шевелёва Матрёна Федуловна	<i>А мы войну понять хотели</i>	114
Шевелева Тамара Васильевна	<i>Гитлера убили!</i>	115

Предисловие

Идея этого сборника возникла давно, после прочтения повести «Прошла война через Калюш» Тамары Андреевны Дуркиной. В предисловии к повести она написала: «Фронт не дошел до Ненецкого автономного округа. Но разве не прошла война страшным сапогом по нашему нарьянмарскому детству, по нашим душам?! Разве вы не голодали, не теряли карточек, не кормили комаров на сенокосе, на болотах, разве не набивали кровавых мозолей в веслах?! Это мы с вами, полуголодные, полураздетые, делились куском с потерявшей карточки соседкой, пилили дрова и носили воду для больной старушки, собирали подарки на фронт...»

Действительно, жизнь ребенка в самом горниле войны и в тылу несопоставимы, но детские страдания испытали все, и сравнивать или оценивать их неверно. Мы хотели не сравнить, но услышать и сохранить. Поэтому предложили нашим героям написать воспоминания о детстве в довоенное, военное и послевоенное время.

Ровесники Тамары Андреевны – очевидцы того страшного времени, жившие в войну в Ненецком автономном округе, согласились поделиться своими переживаниями. Мы получили разные отзывы: кто-то прислал фрагменты дневниковых записей, кто-то – тетрадь с торопливыми строками (простите, это всё, что удалось вспомнить), кто-то записал рассказы родных и знакомых. Некоторые приходили и рассказывали нам под запись о своих детстве и юности. Эти воспоминания нам кажутся ценными, ведь то, что на что обратит внимание ребенок, взрослый может просто не заменить.

Удивительно памятьвыми оказались наши свидетели! Мы намеренно не стали выбирать из них тех, кто подходит под официальную категорию «детей войны», такой цели у нас не было, поэтому среди наших героев есть те, кто войну встретил подростком.

Мы даже не предполагали услышать столь искренние признания, не были готовы к слезам в паузах и нередко плакали вместе...

Женщина, жившая в Хоседа-Харде в те годы, всплеснула руками: «А что рассказывать? Я ничего, кроме голода, не помню. Мы спрашивали маму, получив паек: а когда нам съесть свой кусочек хлеба – утром или вечером? А мама говорила: вы вечером на хлебушек посмотрите и спать ложитесь. А утром встанете и перед школой скушаете. Мы так и делали. И очень ждали лета – первая травка выйдет – тоненькая кислица и мы ее отрываем, жуем, и ягодки первые зеленые. Все время хотелось кушать. Я и в школу пошла в 10 лет – одежды у меня не было»

Мы были очень тронуты тем, как бережно хранят память о своих отцах наши информанты! Листочки календаря, полустертые треугольнички писем, маленькие фотографии, деревянный чемодан с рабочими инструментами... – ничего дороже этого у них не было! Вместе со своими героями мы словно бы пережили их детство и юность...

Мы постарались сохранить для вас в неизменности, уважаемые читатели, стиль изложения и объем повествований. В этом тоже правда жизни, – каждый сказал или написал, что, что мог и считал нужным. А еще мы прониклись большим уважением к нашим героям. Все они, несмотря на трудности детства, не ожесточились, сохранили веру в добро, выросли закаленными, мужественными, честными, остались верными заветам своих отцов, стали достойными членами общества. Они, рано повзрослевшие и выросшие, вместе с вернувшимися с войны фронтовиками подняли страну из руин, трудясь наравне со взрослыми. Это наши родители – связующее звено между поколением Великой Отечественной и нами. Мы любим их и благодарны за эту память!

Иван Захарович Апицын
п. Нельмин-Нос

Со стороны войны

Я родился в 1929-ом году в местечке Тярцуй, на Черной речке, это в Тиманской тундре.

Жил с родителями в чуме. В чуме и около чума помогал. На оленью упряжку сел рано, лет в пять, самое большое. Самостоятельно стал ездить семи лет. Сначала давали по два олешка. Для упряжи отец выбирал спокойных, а потом, постарше, уже сам выбирал потихоньку. Мы, мальчики, когда маленькими были, олени рога распилим, будто подсанные*, да так и играли. Хореи** делали, сани-нарты. Топором. Потом пользовался отцовскими инструментами.

С тринадцати лет стал работать в оленеводстве как взрослый. Был напарником взрослым пастухам.

Силки ставил на куропаток. На амдалко***. Дробовку-то не мог таскать, дак сестры носили. Положат на бугор, и я стреляю. Они не могут стрелять, тащат мои трофеи - утку ли, куропатку ли.

Учил однажды стрелять старшую сестру Анисью. Она на два года старше. В чуме никто не знал, что я затеял. Аська говорит: «Научи меня стрелять». Ушли в тундру. Зарядил дробовку**** настоящими патронами. Куропатка села. Дробовка как бабахнет! Сама Ася слетела назад, куропатка улетела. И с тех пор Ася стала стрелять.

Дошколенком принимал участие в талрава*****. С двух стойбищ соберемся в один день. Море открытое, льда нету там. В Баренцовом море-то. Делимся на две группы, едем к морю полукругом. Гоним песцов-то. Им уж бедным некуда деваться. Из дробовочки в них стреляем.

Так и жили. Весть о войне дошла, когда я учился чуть ли не в первом классе. Учился в Выучейском, недалеко от Индиги, восемь километров. Учителя нам сказали, что война и всё. Маскироваться стали, свет закрывать везде велели.

На войну ушел мой старший брат. Возили в армию по тундровой дороге. Волонга, Великая, Нижняя Пеша - туда они всё пешком шли. А мы ихнее барахлишко да тобоки***** везли. Лето, олени слабые. Кто слаб, того подкатишь. Вот так шли они.

Наш учитель Малик был, погиб в войну. Его вспоминали. Его жена Хатанзейская (сестра Матрены Андреевны Селяниновой).

В годы войны я учился до четвертого класса. Оленеводов не стало, ушли на войну, дак нас в тундре за кадровых зачислили.

Волки бежали со стороны войны, гром да что да, снаряды да, удирали в тундру, там спокойнее. По двенадцать волков идут стаями. И так бывало. Волки за речкой отдыхают, лежат, пока светло. У нас ведь только два мужика было: я да Тимка Ледков, оба подростки. Женщины просили стрелять по воздуху, сами не умели. Вот мы и палили. Пали - не пали, все равно около грузовых нарт задушили волки быка. Совсем рядом, где дрова около чума. Очень нахальными они были. Видно было, когда волки серые бегут. Аська шапку снимала с головы, махала, навстречу волкам бежала. Надо отогнать как-то. У нас собака Хривко была, тоже помогала отпугивать волков.

Самолет где-то упал. Мы алюминий оттуда взяли. С вечера до утра все бьешь алюминий-то, гремишь. Волк сначала боялся, а потом привыкал. Задирал-то лучших, жирных. Волки крадутся. Сначала ветерок, пурга немножко. Волк лапой, будто бы олень, снег копает. Хитрит. Хвост поджимает, чтоб олени не заметили, подходит всё поближе к

стаду. У оленя тоже глаз-то зоркий. Олени что-то зачужали. Запах волчий прошел мимо. Олени уши наострили, на ноги встали. Я думаю: «Что такое, ничего вроде не видно, а олени беспокоятся». Тут и я беспокоюсь, гляжу в оба. Такая пастушья работа...

...Лето... Дед Елисей да я - у моря с нерпой. Нам надо было в Индиге быть, а мы – у моря. Капитан (фамилию забыл) деду-то говорит: «Я тебя расстреляю на месте». А дедко говорит: «Стреляй, хочешь дак». У моря в форме люди ходят с винтовками. Мы съежились. Дедко Елисей жалел детей. Кто похуже из ребят живут, тех брал в свое стойбище. То камбалу ловит, то куропаток. Подкармливал, кого мог. Жалко дедко нам стало. Мы, малые, испугались. Военный-то пистолет, револьвер-то вытащил. Постращал им, а стрелять не стал. Ой, хосподи, наш дедко живой остался, слава богу.

В Коткино ездили. С Индиги привезли для детских садов сгущенное молоко да что да. Обратно вернулись, а вся деревня плачет от радости. Победа! Митинги!

После войны, в сорок девятом я в армию пошел. Поехал в малице да тобоках. Председатель тунсовета из поселка приехал, говорит: «Иван, давай собирайся, в армию пойдешь». Я говорю: «В какую армию?». Оленей распряг. Сестра Матрена заплакала. В армию. До этого у меня на войне брат Захар погиб. Отец на войне не был, старый был. На войну с седьмого класса брали добровольцев. Старшекласники все ушли воевать.

В Нельмин-Нос приехал по направлению сельхозуправления. Бухгалтерские курсы кончил. Женился. Так и остался работать в Нельмин-Носе.

*Записано Розой Ивановной Канюковой
2007 г.*

Подсанные* - олени для упряжки

Хорей** - шест для управления оленями

Амдалко*** - (ненецк.) – ловля куропаток с помощью приманки (чучела)

Дробовка**** - охотничье гладкоствольное ружье, стреляющее дробью

Талрава***** - (ненецк.) - охота на песцов загоном

Тобоки***** - меховые бурки из камысов взрослых оленей с коротким (ниже колена) голенищем, одеваемые поверх пимов

Егор Васильевич Ардеев
с. Коткино

Боль не проходит

Сейчас уже деревни Сула нет, последние жители покинули её в 1968 году. Но для многих, в том числе и для меня, Сула остается родиной. Здесь я родился в 1935 году, моё детство мало чем отличалось от жизни других сульских ребятишек.

Родители Макрина Ивановна и Василий Андреевич сначала вели своё хозяйство, а после вступили в рыболовецкую артель, в колхоз. У меня были старшие - брат Фёдор, 1921 года рождения, сестра Таисия, 1927 года рождения, а также младший брат Илларион, который родился в 1938 году.

Через полгода после рождения Иллариона, в начале марта, умер наш папа. Зима ещё не думала отступать, был глубокий снег. Люди с трудом шли по этому снегу вслед за гробом, который везла лошадь. Меня усадили сверху на гроб, и так я ехал до кладбища. Гроб был сделан из старых досок – тёса, снятого с одной из крыш. Также из подручного материала был сделан крест. Когда я подрос и стал ходить через кладбище в сульский бор, для того, чтобы расставить силки на боровую дичь, я всегда еще издали искал глазами крест на папиной могиле.

А тогда мать уходила на всю ночь дежурить в конюшне, и я оставался дома с маленьким Илларионом. Он ночью просыпался, начинал плакать, я его никак не мог успокоить и бежал к матери. Вбегал в конюшню со словами «Мама, Ларя плачет!». Мать брала охапку сена, бросала её за кормушками у лошадей в свободном месте и укладывала меня там спать. Затем бежала домой, приносила Ларю и укладывала рядом со мной, укрывая обоих стареньким одеялом. Так мы и спали до окончания маминого дежурства, пока конюх не приходил.

Летом мать пешком уходила вместе с другими на сенокос, в августе возвращались с сенокосных участков уже затемно. Детского сада в деревне не было, наша тётка Гафья Андреевна собирала вокруг себя ребятню и присматривала за нами.

В те годы в Суле было около полутора десятка домов. Наш дом стоял на окраине деревни и был обычным одноэтажным, как и все остальные. Один только двухэтажный дом Бараковых - Апицыных возвышался над другими строениями. Был ещё небольшой магазин – ларёк, где можно купить хлеб, привезённый из коткинской пекарни. Готовой одежды было мало, поэтому наша мама сама шила нам одежду.

Иногда приезжали коткинские артисты и тогда все, от мала до велика, шли на концерт.

В шесть лет (в 41-ом году) я взял в руки удочку и вместе со старшим товарищем Алёшей Ардеевым отправился на рыбалку. Под сульским бором берег реки каменистый, там возвышался зелёный холм, у которого и собирались все пацаны с удочками. Алеша посмотрел, как я закидываю удочку, потом внимательно - на поплавок и вдруг закричал: «Егорка, у тебя поплавок тонет, тяни!». Мне повезло: на крючок попался язь. После я ставил и продольники, и сети, рыбачил в Носовой, в Табседе и на многих других участках, но свой первый детский улов мне не забыть.

Мой старший брат Федор жил и работал трактористом в Великовисочном, Щелино, потом в Коткино, а по выходным приезжал домой. Помогал маме по хозяйству, ведь у нас были корова с телёнком, овцы, огород, который обеспечивал семью картошкой до нового урожая. Фёдор в перерывах между работой баловался с нами – мной, Ларей и соседскими мальчишками. Он брал нас на руки и подбрасывал вверх так, что дух

захватывало, затем ловил на лету и бережно опускал на землю. Фёдор казался нам очень сильным. Переночевав у нас, Фёдор возвращался в Коткино, где занимался заготовкой дров для колхозной парилки и выполнял другие работы.

Всё изменилось с началом войны. Весть о ней привёз рассыльный из райцентра Оксина и, понятно, она никого не обрадовала. Началась тягостная пора ожидания - «ждали», когда придётся расставаться с призванными на фронт родными. Эта пора продлилась до осени. Нашему Фёдору пришла повестка в сентябре 41-го, первому из сульских мужиков. Уезжал он на маленькой вёсельной лодочке из Сулы в Великовисочное, а оттуда на пароходе до Оксина. Потом были от него редкие весточки с фронта, которым мы несказанно радовались. Радовались даже, когда получили письмо из госпиталя, куда Фёдор попал из-за ранения. Мы радовались, что жив, а он снова на фронт рвался. Письма от него перестали приходить, а пришла похоронка – извещение о гибели. Там говорилось, что ефрейтор Ардеев Федор Васильевич в бою за социалистическую родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был убит 20 июля 1943 года и похоронен у деревни Царёвка Моховского района Орловской области. И на этом моё детство закончилось, потому что не стало моего любимого старшего брата.

Сестра Таисия в 41-ом, после четвёртого класса (училась в Коткинской школе) пошла работать на ферму, дежурила коров и жила в Коткино у двоюродной сестры Варвары Егоровны Каневой.

Мой двоюродный брат Изосим Егорович Безумов ушёл на фронт, ушёл прямо с перебинтованной ногой – во время заготовки дров повредил ногу. Изосим погиб во время снятия блокады Ленинграда... Почти два десятка мужиков ушло из нашей деревни, а вернулось только двое.

В 45-ом из Коткино, от радиста, принявшего сообщение, пришла весть о Победе. Так началась мирная жизнь. Я выучился на электрика, в то время эта специальность новая была, и всю жизнь работал. И всю жизнь мне не хватало старшего брата, которого украла у нас война. Его место в моём сердце никто не занял и боль утраты не проходит. А я и не хочу, чтоб она проходила.

*Записано А.Ф. Каневым
2007 г.*

Михаил Трофимович Ардеев
п. Нельмин-Нос

Всего не хватало

Родился в 1933 году в районе Голодной губы. Мать – Ардеева Анна Александровна, отец – Ардеев Трофим Михайлович. Отца я не видел. Наверное, мне было два года, когда он утонул в Голодной губе. Мама переехала жить в Нельмин-Нос. Плохонько жили.

В 42-ом пошел в школу, в Табседу. Учился там до 45-го года. Жил в интернате. Мальчиков было больше, все малы. Старшие ребята ушли на войну. Ходили в малицах*, зимой – в тобоках из оленьих камусов**, а летом – в нерпичьих. Я ходил все в одних пимах***.

Кормили сначала нормально. Хлеба было достаточно. Строганину не ели, вареное мясо ели. Навагу да сайку, оставшуюся около лунок на губе, брали вечерами. Рюжи оставались, не трогали. Брали вечером, перед сном. В наволочки набирали, кто сколько может. Сторожей не было там. В интернате рыбу айбордали****, сырком ели.

В 43 или 44-ом году в столовой варили чаек, мясо нерпы. Голод ощущали. Двести граммов хлеба выдавали в день. Всего не хватало.

Старшеклассники занимались военным делом. С трещотками ходили, словно стреляли. Фанерная доска трещит как пулемет. Винтовки буди деревянные. Мы в это время в интернате были. Если они в деревне поблизости ходили, то мы смотрели на них. На уроках это было. После уроков воспитатели все время с нами были. Играли во всякие игры. Учителя были молодые.

В День Победы меня в школе не было, сбежал, был в Нельмин-Носе. Узнали через взрослых.

После войны я рыбачил, ловили рыбу для сенокосчиков. Выловленную рыбу сдавали на склад. Получали колхозники в счет трудодней. Денег-то не было вообще тогда в колхозе. В 49-ом сперва поднялся в охотничью загонную бригаду. Загоном стреляли песцов. В том году много песцов было. 40-50 песцов каждый день, бывало и 70. В бригаде – человек тридцать. Бригадиром был Аким Петрович Талеев.

Оленеводом я стал позже, в пятидесятые, в бригаду Федора Васильевича Ледкова попал. И вся жизнь в оленеводстве прошла.

Записано Розой Ивановной Канюковой
2007 г.

Малица* - (ненецк.) – верхняя мужская меховая одежда

Камус (камыс)**- шкура, снятая в виде чулка с ног оленя

Пимы***- (ненецк.) - зимняя обувь из камысов оленя

Айбордать****(ненецк.) – употребление мяса или рыбы в сыром виде

Ольга Васильевна Артеева **г. Нарьян-Мар**

Война меня лишила счастья

Мои родители – уроженцы Ижемского района Коми АССР. Отец Василий Иванович Артеев из рода Имай чукарысь (в переводе с коми – из семьи Имая, а кто такой Имай, нам уже неизвестно) родился в с. Мохча. Мама Татьяна Ивановна Терентьева из рода Филько Вань чукарысь (ее дед - Филипп, а отец – Иван, значит, из их семьи), родилась в д. Брика. Оба рода были зажиточными, их потом раскулачили. Один родительский дом отца долгое время (до 2003г.) был занят учреждениями: первый этаж отведен под сельсовет, а второй этаж - под библиотеку. Во втором доме размещались школа-интернат, дом быта и еще одно учреждение, вроде бы училище.

В начале 30-х годов была вербовка людей из Коми АССР на работу в Нарьян-Мар. Отец еще холостой сюда приехал, за ним - его родные братья Антон Иванович и Никифор Иванович. Они устроились работать в морской порт. Папа был сначала приемосдатчиком, потом заведовал каботажным складом. Где-то в эти же годы приехала в Нарьян-Мар моя мама (она устроилась в морской порт разнорабочей). Попали жить в один барак, там познакомились и стали жить вместе. Этот одноэтажный длинный барак размещался за кинотеатром «Арктика» и сгорел во время большого пожара в 1980-е годы.

Моим родителям дали комнатку, и в ней в 39-ом году родился их первенец Антон, который пожил недолго и умер. Вскоре родители переехали в дом с балконами по улице Смидовича (он стоит напротив ресторана «Север»). Из этого дома папа ушел на войну. Он ушел 30 ноября (воскресенье) 41 года. В перекидном календаре мама отметила этот лист, и этот лист хранится у меня.

Как папа уходил на фронт, я не помню, ведь я родилась в 40-ом году и к тому времени была полуторагодовалой. Когда папа уходил, мама была беременной и Юра, который родился уже без папы, вскоре умер. Я осталась одна с мамой. А папа с другими мужчинами попал в оленно - транспортную бригаду, на Карельское направление.

В доме с балконами мы прожили недолго: там сделали ясли и нас переселили в другой дом, на улицу Пырерки.

Себя я помню где-то лет с четырех. Перед глазами стоит картина, связанная со светомаскировкой окон в годы войны. У нас окно было завешено одеялом. На день одеяло снимали, а чаще просто откидывали один угол. Я вижу явственно: угол одеяла откинут, через него проникает свет и в белом туманном снопе света мама стоит у стола, делает тесто. У нас была общая кухня, но мама старалась все делать в комнате. Жили мы очень скромно. Я помню стол у окна и кровать. Мы с мамой спали на одной кровати. У мамы сундук был старинный для хранения верхней одежды да еще небольшая икона. Мама была верующая, утром и вечером молилась.

Мама рассказывала мне про папу, говорила, когда папа приходил с работы, я, только что научившаяся ходить, тащила ему тапки. Папа очень любил детей. Держал меня на коленях...

В 42-ом году мама получила извещение о том, что папа пропал без вести. Она и читать не умела, кто-то ей прочитал. Много позже я нередко видела этот конверт фиолетово-синего цвета. Как только мама брала его в руки, сразу плакала. Например, я бегаю на улице, захожу, а она сидит с конвертом в руках и плачет, а меня увидит – сразу слезы утрет и – за дело. Я уже потом осознала, что она свою печаль не хотела мне показывать... Спустя долгие годы мама говорила мне, что кому-то из женщин пришло

письмо и там было сказано, что 13 наших местных человек направили на задание в очень тяжелые условия, есть нечего, зима... и после этого пришло извещение о гибели сразу нескольких человек, в том числе и извещение на нашего отца. Много тогда детей без отцов остались. У меня, у Лиды Татарской, у Вали Артеевой - мы в одном доме жили – отцы погибли.

...Всю войну мама работала в морском порту. Мной ей было заниматься некогда: она уходила на работу, закрывала дверь на ключ, я оставалась одна. Просыпалась и видела - у изголовья кровати на столе стоял хлеб с маслом, сахар. Хлеб был пышный, высокий, ноздристый, ароматный. Мне кажется, иногда я этот аромат чувствую. Я наливала чай из самовара и пила его. Больше про еду ничего не помню.

В годы войны было очень много нищих, они ходили по домам, просили милостыню. Однажды летом я гуляла на улице, мне было года 3-4. Ко мне подошла нищенка, увидев у меня в руках калач, испеченный мамой. Нищенка попросила: «Девочка, дай мне этот калач, а я тебе дам игрушку». Это была глиняная самодельная курочка. Я с удовольствием с ней поменялась. Прихожу домой, а мама строго спрашивает, что это, откуда взяла. Я отвечаю: тетенька попросила калач, а дала взамен курочку.

Когда мама была дома, то отпускала меня к соседям Сметаниным; я садилась у них на сундук и сидела, пока мать меня не забирала. Я была очень спокойная и малоподвижная. Однажды было: у тети Поли Сметаниной на столе лежали маникюрные ножницы, я сидела тихонько и нарезала край скатерти в мелкую бахрому. Меня не ругали.

...Мне почему-то помнится (или кажется, не знаю), что в детстве лето было долгим и теплым. Мы играли возле сараев - дровяников. Помню, что в то время очень много было стрекоз – значит, был чистым воздух. Очень много было жуков-дровосеков – крупных, черных. Мы их ловили на иголку, сушили и прикалывали на стенку или клали в коробок спичечный...

Однажды мне захотелось помыть посуду, и я помыла свою глиняную коричневую чашку и как делала мама – опрокинула ее вверх дном, а на нее – блюдец, но как-то неудачно... Чашечка упала на пол и разбилась. Я в рев. Мама возвращается с работы и слышит через окно плач. Испугалась – что случилось с ребенком. Заходит – а я услышала поворот ключа в замочной скважине и залезла на кровать, с головой под одеяло. Мама подошла ко мне, я боялась, но созналась. Мама меня не ругала. Но мне было обидно и больно, что она работает, зарабатывает деньги, а я не смогла уберечь чашку, а маме надо снова зарабатывать. Я хорошо помню эти чувства. Цену денег и чувство ответственности за свои дела я рано начала ощущать.

Мать моя была добрая, никогда меня не обижала. Дома до 1-го класса мы с мамой говорили на коми языке, но она говорила и на русском. В 45-46-х годах были ликбезы, люди ходили по домам и учили читать. И мама научилась читать, хорошо считать, умела расписываться. Мама всю жизнь ходила в коми сарафане.

После войны появились в Нарьян-Маре власовцы, они жили на свободном режиме. Были даже семьи. С одной семьей маму познакомили и упросили, чтобы мама их обшивала, она была хорошая мастерица.

В 46-ом году нас с мамой выселили в барак – из лучших условий в худшие. У соседа было две комнаты, а ему захотелось третью, он свою мать прописал к себе и потребовал расширение. И получил его за наш счет. Мама была скромной и сопротивляться наглости не смела. Что могла женщина против мужчины?! И семью Лиды Татарской из нашего дома переселили в барак – у них после гибели отца под Мурманском тоже одни женщины остались.

Наш барак был на 25 комнат, 42 семьи там жило. Я 21 год жила в бараке! Условия были ужасные. И люди были, ой, какие разные – но никогда не ругались. Я до сих пор удивляюсь - у всех были добрые отношения. Все в гости ходили друг к другу. На улице старшие ребята делали качели – гиганты, карусели и все ими пользовались. Летом дети и взрослые из нескольких домов выходили на улицу – играть в лапту, в «10 палочек», в прятки. Мы играли на улице Полярной, а прятаться бегали в Кармановку! Один раз залезли в какой-то частный сарай – оказался козлятник - и ждали, притаившись, пока нас не найдут!

Мама всю жизнь хранила в большом сундуке отцовские пожитки. Периодически протягивала в комнате веревку и проветривала две папины косоворотки - нательную хлопчатобумажную и синюю из рубчика. Я очень любила смотреть, как она перебирает папины вещи: самодельный большой фанерный чемодан, сундучок, рабочий чемоданчик, который он сделал для инструментов. Сохранились грифель, которым папа маркировал товар на складе, складная метровая деревянная линейка, профсоюзный билет, пропуск на работу в морской порт. И несколько фотографий. Вот и все, что от папы осталось. Все эти вещи я храню. А тот фиолетово-синий конверт, наверное, забрали в военкомат, потому что нам назначили пенсию по утере кормильца.

Родные собирались, обсуждали заботы при нас, но аккуратно. Иногда скажут: «Ой, комар-то там опять прислушивается». А я себя и выдам: «Какой комар?». Они понимали, что не все разговоры можно детям доверить.

Где-то в 50-х годах стали возвращаться из тюрем наши солдаты (может, были у фашистов в плену и за это их потом в тюрьме советской держали) и возникли разговоры среди тех, у кого родные пропали без вести – а, может, и наши так же, в тюрьме... И мы с подружкой Валей Артеевой долгое время жили ожиданием, что, может, наши отцы тоже в тюрьме и скоро вернутся.

Папин брат Антон считался без вести пропавшим. Моя двоюродная сестра Платонида в 70-х годах получила от дяди Антона письмо - он писал о своей жизни, о новой семье, но просил племянницу об этом не говорить даже своей матери, жене и дочери. Эту правду близкие дяди Антона так и не узнали. Платонида никому не сказала, а, спустя много лет, под большим секретом показала мне это письмо.

В этом году я ездила в Мурманскую область в надежде что-то узнать о своем отце. Была на местах боев, в Долине Славы. Я ничего о нем не узнала. Но живу надеждой – может, найдут что-то поисковые отряды. И отношу себя к детям войны прежде всего потому, что не имела счастья знать своего отца. Этого счастья меня лишила война.

*Записано Еленой Ивановной Вергуновой
2007 г.*

Пелагея Семеновна Артеева (Ануфриева)
г. Нарьян-Мар

Помните меня, ждите меня...

Я родилась 9 мая 1934 г. в деревне Диюр Ижемского района Коми АССР. Родители мои - Семен Никифорович и Анфиса Ивановна Ануфриевы.

Я очень, очень люблю всех своих предков, всегда восхищалась тем, какие они были добрые, ласковые, в то же время строгие. Семья была большая, сначала в одном доме жили 24 человека, пока дядюшки строили себе избы. Жили очень дружно и весело. Одних детей было 14.

Изба состояла из очень больших двух помещений, называли половинами. На одной половине жили мы, на другой – семья дяди Якова (брат моего деда Никифора). Они были не разделены, жили как одна семья, одним хозяйством. Имели 3 коровы, 3 лошади, овец много, огород большущий. Вместе с взрослыми работали и дети, помогали во всем. В каждой половине избы были полаты, большие русские печи и голбечи (чуланы). Дети спали на полатах, старики на русских печках, остальные на кроватях деревянных, которые тоже сами сделали.

Помню, кровати были такие красивые, широкие, украшенные разными узорами. Вокруг каждой кровати – красивые занавески. Летом спали на сеновале, в куме (кладовка большая с окном) или на чердаке. Дышали свежим воздухом.

Мылись в большой светлой чистой бане. За баней была большая яма с водой. Детей загоняли сначала на большой полоч, парили вениками. После этого загоняли в эту яму, чтобы окунулись, а потом снова на полки и парили, обливали теплой, а затем прохладной водой и отправляли домой. Так закаливали нас.

Я была первым ребенком, дали мне имя в честь бабушки Пелагеи, которую все уважали за ум, сердечность, доброту, ласку. Она всех называла «мада» (любимый) - это самое ласкательное слово по коми. Я всюду и всегда ходила с бабушкой.

Помню свое детство примерно с трёх лет. Вот однажды бабушка Пелагея сшила мне красивую коми куклу. Один раз с этой куклой и с бабушкой пошли в гости к бабушке Анне (бабушкиной сестре). На обратном пути деревенский мальчишка схватил мою куклу и убежал. Я заплакала. Бабушка успокоила: «Не плачь, мада. Я тебе сошью новую куклу, еще красивее». Она так и сделала. Я куклу очень любила, берегла, вместе с ней спала.

Мы, дети, и взрослые тоже, любили слушать рассказы дедушки Никифора о своих предках, о прежней жизни. Заберемся на русскую печку, сядем вокруг деда и слушаем. Дед тоже лежит и рассказывает очень интересно. Я до сих пор помню его рассказы. Старые люди учили нас, как надо правильно жить, ценить каждую минуту. Сами трудились много и нас учили трудиться.

Наши предки умели проводить праздники красиво и весело. Собирались на праздники в нашей старой избе, где места было больше, да и жил самый старый человек рода – дед Никифор, чтобы не только петь, играть, плясать, но и послушать его умные речи о жизни. Родни было много, приходили и соседи. Посидят, поговорят о жизни, о новостях, попьют чаю, бражку свою, а потом начинается веселье. Играют, пляшут, поют, шутят. Некоторые родственники играли на баяне, гармошке, гитаре и балалайке. А кто не умел, играли на медном тазе, пиле, каталках (которыми белье гладили) и т.д.

Дети вместе веселятся до поры, потом лягут спать. А взрослые начинают говорить

о планах дальнейшей жизни: что и как кому надо делать, помочь. Никакого шума, скандала, ссоры никогда не было.

До войны детство было очень счастливым. Но вот начался 1941 год.

16 января, день морозный. Утром дед сам обрядил лошадей Оксану и Амура. В 12 часов дня зашел домой и лег на печку со словами: «Что-то я замерз». Бабушка пекла шаньги. Ведь дедушке Никифору сегодня день рождения, 99 лет. Он не пил вино и не курил. Но на этот день он велел сварить брагу и сказал: «Я прожил очень долго. До 100 лет год остался. Хочу узнать, за что мужики готовы даже умереть. Стоит ли это делать? Пригласите гостей к 7 часам вечера, днём пусть работают».

Все готово к празднику. Деду жарко стало на печке, спустился на кровать. А в 3 часа дня дед попросил его спустить на пол, на оленью шкуру и позвать всех родных, сказав: «Я буду умирать». Все собрались. Дед Никифор говорит: «Я буду умирать теперь. Слушайте внимательно мои наказы. Мужики, дайте слово, что бросите пить и курить. Не будете обижать своих жен и детей. Семен, твои дети не должны остаться в этой старой избе. Сороковой мой день справите, а на сорок первый день сразу же начните строить дом. Гитлер близко уже. Он и на нас нападет. Война будет. Вы все должны быть готовыми к этому. Я не пил и не курил. Чудаком меня звали. Пусть я чудаком, но чудаком я был умный. А теперь сидите тихо и думайте, как будете дальше жить. Прощайте». Дед закрыл глаза и «уснул». Нас, детей, отправили к тётке Клавдии, а взрослые начали готовить деда к жизни в ином мире.

Вечером собрались все за «праздничный» стол. Деду 99 лет. Он так и не успел попробовать брагу. Дед лежал, взрослые сидели в одной комнате, а нас посадили во внутренней комнате. Взрослые говорили о жизни деда, а мы плакали, даже кушать не хотели. Очень жалко было деда. Все слова деда Никифора были законом жизни для всех нас. Что он раньше говорил, все сбылось, светлые и черные слова.

Мужики начали строить избу, но довели только до крыши. 22 июня 41 года колхозники ждали зарплату. Папа работал счетоводом, но был в отпуске и отправил меня сбегать в правление, узнать, не привезли ли деньги из Ижмы. Народу в правлении много собралось, сидели на лавках, разговаривали. Тут же был председатель Яков Андреевич Ануфриев. Вдруг прибежала женщина с почты и позвала председателя к телефону. Он вернулся, молча сел за стол и руками голову обхватил. Люди стали его расспрашивать, и он сказал, что началась война. Потом он поспешно начал давать указания, кому оповестить население, чтобы всех у правления собрать. Я быстрее побежала домой. Отец обтёсывал бревна. «Дядя Яков сказал, что война началась, и всех мужиков заберут», – сказала я. Папино лицо резко стало серьезным, а взгляд – тревожным. Именно тогда я поняла, что война – что-то плохое и побежала сообщать страшную весть дяде Ване, дяде Фирсу, тете Ульяне, дяде Якову – всем родственникам, жившим недалеко...

7 сентября 1941 год, в день рождения мамы, папа ушёл на фронт первым из деревни. Незадолго до отъезда отца - 22 августа - у меня родился братик Коля. Мама рожала тяжело и её отпустили из щельяюрской больницы только на одну ночь – попрощаться с папой. Мама горько плакала. Папа взял Коленьку на руки – а Коленька был очень похож на папу - и сказал: «Не плачь, Анфиса, я тебе живой портрет оставляю. Смотри на него и жди меня. Ничего со мной не случится. Я вернусь». А старшему сыну Феде было 4 года. Федя говорит папе: «Отец, я плакать не буду. Я же мужчина. Ведь ты живой вернешься?». Отец сказал: «Не плачь, ты теперь в доме остаешься за старшего. Я вернусь».

Отца провожали всей деревней, и с грустью, и весело: одни плакали, другие песни

пели. Кто на гармонии играл, кто на балалайке. Когда подошли к дому тети Ульяны (он был крайним в деревне), остановились около березок, и папа сказал: «Давайте здесь попрощаемся. А чтобы зря этот день не стерся из памяти, споемте все вместе песню». Он взял в руки полубаян, заиграл, и все запели «Со вчерашнего похмелья». Это была последняя песня, услышанная мной от отца... В Щельяюре он еще успел купить и выслать мне ботинки...

Папа 12-14 октября был в Архангельске. Оттуда он написал письмо своему брату Степану, чтобы он помог достроить дом. Написал маме, чтобы не беспокоилась. Мама училась всего 2 месяца в ликбезе, за хорошую учебу ее наградили пуховым платком. Сама писала письма папе, сама читала... Последнее папино письмо пришло вслед за извещением о том, что он пропал без вести. Поэтому бабушка отказывалась верить в смерть сына, считала извещение ошибкой, тем более что оно было адресовано Ануфриевой Августе (а не Анфисе) Ивановне.

Последнее письмо папы было написано на клочке газеты: «Милая Анфиса. Пишу кровью друга. Пишу на спине убитого друга это письмо. Бой очень тяжелый. Если выйду из этого боя живым, напишу. Если нет, значит, всё, я погиб. Помните меня, ждите меня. Как могу, отомщу за вас, за ваши несчастья. Бить будем до конца гадов. Берегите детей».

Матери исполнился 25 год, отцу 26 год. Они расстались навсегда. Отец пропал без вести в мае 43-го года. Отец и мать мечтали о счастливой жизни. Молодые, любящие друг друга. Отец успел выучиться на прораба – строителя, на бухгалтера – счетовода, на мастера для работы на маслозаводе, а до этого закончил офицерскую школу в Ленинграде... Четверо детей, старая мать и жена остались одни. Легко ли было? Мы остались жить в старой избе и прожили там до окончания войны. Много мерзли, но спасала нас русская печка.

Ох, и досталось же трудностей женщинам, старикам и детям! Все мужские работы легли им на плечи. Везде висели плакаты «Всё для фронта!». Люди все силы отдавали, чтоб скорей победить грозного врага. Вся деревня стала как один род, помогали друг другу, чем могли. Много голодали, мерзли, болели. Но до чего же жилисты оказались наши мамы, бабушки и дедушки! Все, что надо было делать - делали, хоть как не было трудно. Ночами не спали и делали. Не сломили их ни трудности, ни болезни, ни горе. Все вынесли. Женщины пошли работать доярками, конюхами, телятницами. Сеяли, пахали, косили сено, возили, растили детей – все смогли. Вот уж действительно показали волю, терпение, мужество, трудолюбие, великую народную дружбу. Мой дядя Николай Иванович был кузнецом. Одному в кузнице не справиться, пришлось взять двух женщин, чтобы ремонтировать технику. С первого дня мы были помощниками тете Ульяне на ферме.

На все время полевых работ в колхозе организовывались детские ясли. Самому старшему ребенку в яслях было 6 лет. Меня, семилетнюю, взяли туда на работу, но детей не доверяли, и я полоскала пеленки малышам. А на второй год уже нянчилась с малышами, заслужив доверие взрослых.

Но еще надо было помогать маме в конюшне, утром рано и поздно вечером, и бабушке дома. Она не могла ходить, болели ноги. Мама была конюхом и обряжала 16 кобылиц. Они рожали жеребят тоже для фронта. Их надо было очень беречь, вырастить. Я с другими ребятами носила лошадям корм, воду, убирала навоз, с наступлением весны пастушили.

Я самая старшая, мне больше всех и доставалось. Голодали почти все в деревне, да и в других тоже. Одежды и обувь изнашивалась. Питание слабое. Особенно страдали

дети. Стали царствовать болезни: чесотка, корь с осложнением (воспаление легких), скарлатина, тиф (сыпной и брюшной). Не только люди болели, а и лошади, коровы... Вот беда-то какая настала!

От болезней стали дети и взрослые умирать. Все лучшие дома в деревнях заняли больными. Совсем ослабли дети. Многие (особенно почему-то мальчики) умирали. Мой братик Ванюшка тоже умер.

Многие не могли ходить в школу, просто лежали от голода. Те, кто что-то имели, делились друг с другом. Кто мог ходить, носил лежачим похлебки, лепешки картофельные или травяные. Мама готовили, дети носили по домам. Настал момент, дети многие лишались сил, попадали в больницу. Наши учителя дорогие пришли на помощь. После уроков брали лошадь, одноколку, тару и собирали еду у тех, кто что-то мог дать. Дома все это варили, готовили, привозили в больницу и кормили нас, детей, в сутки один раз, настоящей пищей. А сами завтра снова шли в школу учить остальных детей.

Матери, учителя забили тревогу. Врачи, медсестры свои и приезжие тоже включились в борьбу с болезнями, начальство тоже.

В Красноборе открыли интернат для учащихся из ближних деревень, чтобы их изолировать от больных. Держали под замком, не пускали на улицу, где лечили, там и учили. Каждый день обрабатывали лекарствами (обливали нас каким-то раствором). Выстригли всем волосы. Но самое главное – кормили почти досыта, укрепляли организм, чем могли. Каждый день три раза перед едой давали по столовой ложке рыбий жир, иногда ворвань (жир морского зверя). Постепенно болезни стали отпускать.

На колхозных огородах не обходились без детских наших рук. Сажали картофель, капусту, лук, морковь, репу, редьку. Вместе со взрослыми пахали, сеяли, окучивали, убирали сорняки и собирали урожай. Когда вспахивали поля для посадки ржи и ячменя, женщины толкали плуги, а дети подгоняли и тащили лошадей (лошади были слабыми и плохо ходили). На колхозном огороде я потеряла мамино золотое кольцо – самый дорогой мамин подарок.

Все, что выращивали на колхозных полях, сдавали государству. Карточек на хлеб не было, потому что и хлеба не было. На домашних огородах разрешалось садить только картошку.

Использовали в пищу все, что давала земля. Собирали грибы и ягоды. Листья рябины, стебли Иван-чая толкли, делали муку, которую добавляли в молоко и пекли хлеб. Чай заваривали из листьев черной смородины, Иван-чая, лиственницы. Собранные свежие листья морили в печке, потом сушили на солнце и измельчали. Иголки лиственницы мы, дети, очень любили есть свежими.

Весной пили березовый сок. Очищенные от коричневой кожицы молодые веточки березы мы сосали и сжевывали до ниточек. Это было настоящим лакомством. Из березовых листьев, почек, корней делали настойки. Бересту брали на растопку, луб (то, что под березой) скребли и пекли лепешки, смешивая с разными травами.

Ели олени, коровьи, овечьи шкуры, из них варили суп и студень. А в самые тяжелые годы (с 44 по 47-ой) ели даже водяных крыс.

Тетя Лидия приютила в своей бане мужчину из западной Белоруссии. Мы звали его дядей Андреем. Он помогал всей деревне: заготавливал веники, точил топоры, ножи, ножницы. Ребята ловили крыс (ондатр), а дядя Андрей снимал шкурки. Эти шкурки дети сдавали государству по рублю за штуку. Дядя Андрей и посоветовал тете Лидии кормить детей крысиным мясом, испробовав его сам. Тетя Лидия наварила супа, позвала детей. Прибежали и свои, и чужие дети, ели с удовольствием, обсасывая все

косточки и не подозревая, из чего сварен суп. А тетя Лидия кусала уголочек белого головного платка: она-то знала, что это за мясо и ее тошнило.

Дары природы и закаливание помогали бороться с болезнями. Мыло заменяла зола. Ее замачивали в воде, отстаивали и щелочной водой стирали и мылись. Чтобы крепить наше здоровье, мама закаливала нас в бане.

Лечились с помощью лесных трав, собранных летом. Тетю Ульяну вылечили с помощью муравьев, ведь из-за больных ног она не могла ходить. В ведро с муравьями ставили ноги так, чтобы муравьи кусали их, а потом натирали муравьиным маслом.

Вокруг школы имели большой огород, на котором работали учителя и дети вместе все лето, не думая об отдыхе. Я помню всех своих учителей, но особенно тех, кто учил нас в начальных классах. Василиса Васильевна, Домна Захаровна, Нина Григорьевна, Владимир Ильич. Все они умерли уже давно. Но я их помню. Какие они были все внимательные, добрые, но где надо, строгие. Мы очень любили их. После уроков не хотели уходить домой, вместе читали, смотрели кино привозное, играли, пели. Человеческая дружба и взаимная выручка помогла нам выжить в это трудное время.

Старухи и женщины на коленях шли по деревне с образами в руках к правлению колхоза и молились за спасение близких и за мир в нашей стране. Постепенно появилась надежда жить!

С 42 по 46-ой год я училась в Диюрской начальной школе, после – до 49 год – в Красноборской семилетней школе. Училась я всегда хорошо, до 7 класса была отличницей. За учебу была награждена настоящими валенками, отрезом (3 метра) на платье и катушкой черных ниток.

В 1949-ом тяжело заболела мама, и мне надо было ухаживать за лошадьми вместо нее, так как не сразу нашли конюха. Помогал мне брат Федя, ученик 5-го класса. Наконец, назначили конюхом одну бабушку. Мы ей помогали. Болезнь мамы затянулась. Родственники забеспокоились, стали мне говорить «Полина, вся надежда на тебя. Поезжай, выучись на кого-ли. Из колхоза уезжай. Осенью тебя хотят на лесозаготовки отправить». Вот мы три девчонки убежали тайком из Диюра в Щельяюр, на пароходе добрались до Нарьян-Мара, чтобы поступить в педучилище (мечта моя с детства). Но поступила я в культпросветшколу, училась хорошо, получала сталинскую стипендию.

Мама умерла в 1952 году. Нас осталось четверо: брат Федя – 12 лет, брат Коля – 9 лет, сестра Рита – 1,5 года и я.

Пока я училась, братьев и сестру воспитывала тетя Рочева Ульяна Ивановна, сестра матери. У нее у самой было четверо детей. Муж тоже погиб на войне. А потом умерла у тети дочь, оставила сирот 6 детей, старшей было 15 лет, младшей – 2 года. Их тоже воспитала тетя Ульяна Ивановна, простая неграмотная женщина. Труженица, работала телятницей в колхозе. Никого не отдала в детдом! 14 детей – все выучились, получили образование специальное, создали семьи, работают и живут нормальной жизнью. Вот это подвиг! Я все жизнь восхищаюсь тетей. Какая она была волевая, сильная, добрая, в меру строгая, терпеливая. Стараюсь подражать ей в жизни, хотя у меня не все хорошо получается.

Культпросветшколу закончила в 53 году с отличием. Я очень благодарна всем учителям, которые меня вывели в люди! Лучших выпускников направили в тундру организовывать Красные чумы – очаги культуры для тех, кто работал в оленеводстве. Так я оказалась в Канинской тундре, но это отдельная и очень интересная история.

Я исполнила свою мечту и закончила педучилище, до пенсии работала в школе. Награждена медалью «Материнство» 2-ой степени и знаком «Ветеран труда».

2007 г.

Анна Терентьевна Бабилова
г. Нарьян-Мар

Шесть булавочек

Я родилась в деревне Смекаловка в 1932 году.

В 1935 году наша семья Кисляковых переехала в Нарьян-Мар, построили дом на берегу Качгортского озера, где и жили во время войны и после.

В 1941 г. началась война. Отец сначала был на брони, потом снялся по желанию. Он шёл по линии фронта, писал редко. Однажды в письме всем шести дочерям по булавочке послал.

Во время войны люди жили трудно. Мы ездили на сенокос в Макарово, там я научилась ездить на лошадях. На сенокосе ели белые ягоды, незрелые, варили их. Паек на хлеб был маленький. Покупали по карточкам. Мама меняла свои красивые сарафаны шелковые, бархатные на хлеб. Пекли из рыбной муки лепешки, ходили пешком в Ёкушу, где в пекарне работала двоюродная сестра Анастасия Семеновна Попова. Она нам давала немного от хлеба, который в продажу не шёл (корочки отошли).

Мама всех нас увозила на рыбалку, где по 10 тонн выкинем без еды. А рыбы попадало много. Поэтому на всю зиму солили её. Молока было много. Мы с сёстрами Олей, Дусей продавали молоко. Пойдём в школу, до уроков продадим его. Жили мы все дружно вместе.

В 1945 году, когда окончилась война, мы ждали отца, встречали каждый пароход. Но получили похоронку. Эта была трагедия, ведь до этого пришла похоронка на брата. Мама металась по стене, еле её отводились. В похоронке было указано, что погиб под Кенигсбергом. Долго искала его могилу, но впоследствии нашли точный адрес захоронения в Польше, съездили туда.

Отец очень любил нас. Увезёт на старый аэропорт, сам грузит в лодку коренья после корчёвки аэродрома, а мы играем в «чурни», «лапту». А мама нас строго воспитывала. Гулять отпускала по часам, научила трудиться. Мы вязали сети. Сестра Мара была пионервожатой в семилетней школе, в здании, где сейчас выставочный зал. Записаны были мы в этой школе в библиотеке, читали книги, любили мероприятия пионерские, которые организовывала Мара. Я любила читать стихи на мероприятиях.

...Всё пережито, всё перестрадано. А жизнь продолжается.

Записано Ириной Михайловной Селиверстовой
2007 г.

Михаил Прокопьевич Бабиков
г. Нарьян-Мар

Долгие зимы

Родился я в 1929 году в большой семье, в деревне Тельвиска. В 1941-ом закончил четвёртый класс. Семье и до войны жилось тяжело, а в военные годы и того хуже: хлеба давали по 200 грамм, уже доходило до того, что ели отруби, которые были предназначены для скота - комбикорм, заваривали в кипятке и хлебали как пустовару, похлёбку, а вместо чая заваривали пакулу* с деревьев. Иногда в колхозе забивали лошадь, варили суп из конского мяса, он был наваристый и вкусный, а из крови пекли блины, ели вместо хлеба и продолжали учиться. Летом ягод насобираем, мать на квасит простокваши деревянную кастрюлю, ягоды туда бросим и хлебаем.

Ходили в город, стояли большие очереди в магазинах, где торговали хлебом. А весной делали силушки** (петелку) на плашке из волосков у лошади, крошили крошки и ждали птичек. Налетят пуночки, дернем, наловим и варим вкусный суп. Но, несмотря на это, от истощения умерли два брата и сестра.

В школе появилось новое занятие - военное дело. Помню, в нашу школу был направлен военком Федурин - боевой военный после тяжёлого ранения. Потом он снова выпросился на фронт. Проводили эти занятия потому, что не знали, когда закончится война, и могли понадобится новые силы. Поэтому детей учили рыть окопы, воевать.

В 42 - 43 годах, точно не помню, я был отправлен, как хороший ученик, в пионерский лагерь в село Оксина, там тоже учили воевать. Ходили в походы, довольно неплохо нас кормили, мы отдыхали. При учёбе в 6 классе я был зачислен на готовое государственное питание в интернатской столовой. Помню, в то время сестра Нюра работала заведующей клубом, и я на кусок хлеба, принесённый из столовой, выменивал у неё клубную гармошку поиграть вечерами дома. Я закончил 7 классов, старший брат Николай вообще не ходил в школу, а брат Петро кое-как окончил 4 класса.

С мамашей мы возили почту в Пустозерск, сдавали в отделение заведующей бабушке Шайтановой. Там Аграфена Кожевина держала постоянный двор. Мы приедем, отдыхаем у нее, из самовара чай пьем. Женщины болтают, а я сплю на полатах часа два, и едем обратно. В свободное время мы, ребяташки, играли в «Чижика». Это деревянный брусок с запиленными концами длиной 10 см, толщиной 2 x 2. Лопастухой, широкой как лопатка, били по «чижику», кто дальше.

Интересные случаи помнятся с войны. Мы, ученики, зимой учились в школе, а летом с родителями помогали по своим силам на сенокосе колхоза, возили кучи сена к стогам, трамбовали силос в силосных ямах верхом на лошади. Так вот, летом 43-го со своей мамой я был в сенокосной бригаде на участке Мойбичер, что по Кудрину шару. Во время обеденного перерыва мы находились в маленькой избушке, как вдруг со стороны Нарьян-Мара послышалась стрельба из орудий, гул самолётов, взрыв оглушительной силы. Все женщины и подростки, конечно, перепугались и сразу побежали в лес. Позже выяснилось, что над Нарьян-Маром пролетал немецкий самолёт. Военные сразу стали обстреливать его из зениток, но сбить не смогли. А он улетел, сбросив одну бомбу, которая упала на Городецкий шар напротив деревни Ёкуши, так говорили старики.

Другой раз зимой сидим мы, ученики, в школе за уроками (я уже учился, наверное, в 6 классе). А школа была та, что и теперь стоит в нижнем конце деревни, только больше расстроена. Слышим рёв самолёта, потом крики: «Падает самолёт военный

со звёздочкой на хвосте!». Все с уроков бросились на улицу, а это было как раз напротив школы, на виду через реку - шар Городецкий, в районе рыбного озера за сенокосными лугами. Мы все, ученики, побежали напрямую к самолёту, а самолёт сделал вынужденную посадку на брюхо, не выпуская колёса в снег, пробуравив за собой длинную углублённую полосу. Когда туда мы прибежали, пилотов уже увезли. У командира покалечило ноги при посадке, а один лётчик остался охранять самолёт. Помню, в лётной форме военной, со шлемом на голове, с наганом в руках ходил вокруг самолёта и не подпускал нас близко. Я рассказывал этот случай после войны, уже своя семья была, как вдруг Павел Савельевич, мой свояк, встал из-за стола и расхохотался: «Так это же я там был, бегал вокруг самолёта с пистолетом!», и рассказал, что он был бортмехаником. Прилетели они в Нарьян-Мар по заданию, забарахлил мотор, а самолёт был двухмоторный типа ЛИ-2.

Был и смешной случай. Как-то сидим вечером дома с керосиновой лампой – вся семья. Вдруг на площади в Тельвиске, где была праздничная трибуна возле сельсовета, загремели взрывы, огненные вспышки, стрельба из стрелковых оружий, световые вспышки. Мы, конечно, все перепугались, подумали, что напал на деревню немецкий десант, выброшенный с самолёта. Загасили свет, схватили на себя, кто что смог, и побежали из дома в баню. А баня в то время была у нас на песках позади. Сидим в темноте в бане, через некоторое время слышим – стало тихо. Вышли, пришли домой, зажгли лампу и расхохотались, увидя свои одеяния. У мамы на голове вместо платка оказался надет половик с пола. Хохотали до слёз, после долго вспоминали. А когда прояснилось, то оказалось, что ученики педучилища Нарьян-Мара придумали военные учения - нападение на населённый пункт в ночное время, а управителей деревни не предупредили. А дело получилось всерьёз. Кто-то, не помню, сорвал замок с почтового отделения, так как телефон единственный был только там, и позвонил в Нарьян-Мар. Подняли боевую тревогу. В Нарьян-Маре располагалась воинская часть в каркасном доме, что на месте старого здания КБО (впоследствии в этом здании был посудо – хозяйственный склад). Так вот эту воинскую часть подняли по тревоге, и чуть было не направили на нашу деревню. Ложная тревога вовремя прояснилась.

5 июня 1944 г. я окончил седьмой класс, сдал все экзамены в один день, и сразу зачислился в рыбацкую бригаду колхоза имени Кирова. Так, с пятнадцати лет началась самостоятельная рабочая жизнь. Труд был очень тяжёл. Лодочных моторов не было, приходилось ездить на веслах. Сети были не капроновые, как в настоящее время, а из простой хлопчатобумажной нитки. Приходилось часто менять их, сушить, очищать от ила и грязи. Пойманную рыбу шкерили, мыли, солили в бочки и увозили на лодках на приёмный пункт в Афониху. В осенний период рыбачили неводами по шарам в низовьях реки Печоры. Неводы были большие, клещ (верёвка) длинный, течение воды сильное. Приходилось упираться через силу, живот от натуги ныл и тело крутило.

В первую зиму я работал трясельщиком, – из льдинной проруби вытаскивал сети и из них вынимал попавшую рыбу. Рыба попадала хорошо, по тридцать-сорок рыб в сетку. Меняли сети, долбили лед, вынимали рыбу – и так целый день на морозе от темна до темна. С утра выезжали на собачьих упряжках на проверку сетей, а поздно вечером возвращались на базу. Так прошло четыре зимы.

Случались и неприятные неожиданности. С осени поставили рыбаки сети, а потом пошла оттепель, ветер задул. Продолжался он день, два, три, а может и больше. Согнал весь снег со льда, лед стал как стекло. Рыбаки никак не могли пройти до сетей. Тогда старики сделали специальные подковы, чтобы ноги не скользили: из бочечных железных обручей нарезали куски, вырубали в них шипы и привязали каждому

человеку на валенки поперёк ступни. Так и шли рыбаки против ветра к сетям. А почти всю выловленную рыбу отправляли на фронт: «Всё для фронта! Всё для Победы!».

В тылу трудились все: дети, старики, женщины. Героически борясь с усталостью, голодом, холодом, приближали День Победы как могли.

После войны я был награждён медалью «За доблестный и самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны».

*Записано Ириной Михайловной Селиверстовой
2007 г.*

Пакула* - (коми) чага – наросты на березе

Силушки** (силышки, силки) - ловушки для дичи

Анна Павловна Батманова
п. Хонгурей

Слёзные песни

Я родилась в 1934 году, в селе Большое Галово Ижемского района Коми АССР. Там нас и застала война. Помню, как дядю провожали, тогда не один он уходил, много людей уходило воевать. Все плакали и песни грустные пели. Мода такая была, если что плохое случится, например, похороны, то песни пели. Песни те не то, чтоб весёлые какие, нет. Песни очень грустные были, если и не хочешь плакать, а заплачешь. Вот с такими песнями и провожали мужиков на войну. Отца из-за слабого слуха на войну не взяли, его отправили в тюрьму, охранять заключенных.

После уже мы слышали, как взрослые говорят: там похоронка пришла, там пришла, кого-то убили, кто-то в неизвестности.

Мужчин в деревне не стало и у колхоза дела пошли туго. Остались, понятно, одни женщины и подростки. Скот голодный, люди голодные. И скот с голоду умирал, и люди тоже. Хоронили и детей.

Многие просто не могли держать корову и картошку. Картошку надо было держать, чтоб сажать, а как держать будешь, если есть хочется.

В нашей семье чая, сахара и в помине не было, а молоко, простокваша и картошка у нас были. Мама еще посторонним, тем, кто совсем голодные, немного помогала... картошечки немного даст, куда уж там много-то помогать. Потом, когда жизнь немного наладилась, маме говорили: «Ты ведь, Маша, нас спасла...».

Хлеба тогда ни у кого не было, считалось, что если есть на земле хлебородные поля, значит, и хлеб есть, поэтому карточек на хлеб не давали. Просушенные стебли колоса намнем как муку, просеем, смешаем с картошкой, чтобы заклеило, да и запаха соломы меньше было, и лепешки напечем. То и ели вместо хлеба.

На полях работать некому было. Те, кто остался, много работать не могли, слабые были, голодные, но все ж убирали поле, и тот колос, что оставался на полях, мы собирали после школы. Не разрешали, конечно, но нам как-то удавалось собирать хоть какие-то зернышки.

Мама у нас боевая да работающая была, картошку выращивала крупную такую. Пойдет на работу, а нам план с сестрой даст – собрать по ведру после школы, а огороды тут же, прямо под окошком были.

В селе некоторые семьи были совсем голодавшие, их дети не могли даже в школу приходить. А те, кто приходили, страшные такие были. Вот помню, пришли в начальную школу опухшие, голодные, а дети есть дети, смотрят на них, как на диковинок каких и кидают им на пол кто картошку, кто лепёшку из соломы, а те подбирают – и в рот. Нам с сестрой так неприятно от этого было, жалко их. Потом после школы маме рассказываем, а она наказывает никогда не смеяться над голодными. Но мы бы и не стали, конечно, нам, девочкам-то, самим их жалко было.

Было даже такое, что хоронили в один день четверых сразу. Мы сидели за партой, а дорога на кладбище мимо школы проходила.

Ещё помню, женщина в нашем селе была, маленькая такая, Ириной звали, а по мужу Тихониха. Она на гумне* печь топила. Мы, дети, гуляем, а она нас позовет, даст нам снопы, а сама, видать, колос несет и заставляет нас: «Песни-то пойте». Сама встанет среди нас, роста небольшого, как ребенок, ее и незаметно. Мы не знаем, что к чему, поем. На улице темно, никто ее не видит, идут дети да идут, песни поют. Маме дома рассказываем, а она смеется: «Ну и Тихониха!» Мама-то понимает, а мы, дети,

не понимаем. Велели петь, значит, поем. Но мама нам ничего не говорила, что нельзя делать так. Она же понимала, что голод. Ну, не в амбар же под замок залезла.

Еще один случай хорошо помню, но он уже, наверное, после войны был. Пошли мы с мамой на колхозные пожни** за речку Ижму весной. К тому времени сено уже вывезли, но где-то вокруг зарода*** немного оставалось, где-то, может, клочок по дороге упал, пока везли. Так вот, мы пошли собирать это сено для своей коровы. Ну, и насобирали сколько-то, может, охапку, да на саночки положили, тащим. А председатель Максим Кириллович нас увидел, кричать стал, что вот, воруете колхозное сено. Хотя сено уже вывезено было. Мама испугалась, я плачу – ой, что теперь будет?! Потом он к нам домой пришёл, дома начал кричать: «Под суд пойдёте! Сено колхозное воруете, а скот голодает! Для себя собираете с колхозной территории!» А у отца рядом сестра жила, Дросида Васильевна, мы ее Дросьтет называли по-коми. Так вот у неё муж тут рядом оказался, он председателю по коми говорит: «Вы, пожалуйста, потише, так ведь ребенка можно напугать» (у меня брат маленький в зыбке спал). Тот потише стал говорить, не так орать. Не помню, взял он сено или нет. Конечно, председателя тоже можно понять, в колхозе скот голодный, он же отвечает за это, и работать некому. Сейчас часто фильмы про то время показывают, так вот такой же, как в фильмах, председатель и был.

Муж тети Дросиды тоже воевал. А сама тетя Дросида очень рабочая была. Боевая такая. Она и плясунья, и певунья, никогда не унывала. Люди друг другу всегда помогали: соберутся вместе и пока у одной к празднику, например, все вымоют, потом у другой. Так легче и быстрее. Эту тетю Дросиду посадили на два года. Спела она частушку:

Понаехало начальство,
Все в суконных пиджаках.
Пятилетку выполняют
На голодных мужиках.

Так вот вы представляете, ее муж на войне, у нее двое детей да еще свекровь-старушка, а ее посадили в Воркуту. А дома хоть что! Хоть умри старуха! Я не знаю, ну что за законы-то это? Но выжили как-то, наверно, соседи помогали, вот как собирались избы мыть, так и тут, наверно, помогли. Муж тети все возмущался: «Это что такое? Я Родину защищаю, а жену мою за пустую частушку в тюрьму посадили!»...

*Записано Людмилой Александровной Рочевой
2007 г.*

Гумно* - открытое или крытое место для молотьбы, провеивания зерна и установки хлебных скирд

Пожня**- луг, место покоса

Зарод*** - стог сена

Екатерина Никитична Бобрикова
г. Нарьян-Мар

Дети войны и труда

Я родилась 3 августа 1938 года. Мой отец, Вылка Никита Васильевич, был инвалидом по слуху. Его 2 раза призывали и не взяли на войну из-за плохого слуха. Потом его оставили охотником и рыбаком в заготовительной организации.

Детство провела на берегу Баренцева моря, между п. Варандей и Медынским заворотом (80 км). На Медынском завороте был маяк. Мимо Медынского заворота проходили морские суда Северного морского пути на Дальний Восток. Мы, дети, собирались на берегу и смотрели на суда. Суда везли танки, оружие, лошадей, коров, продукты (бочки). Иногда суда сопровождали самолёты.

Летом на Медынском у нас было 4 чума. Один чум нашей семьи, 3 чума занимали невестки отца с детьми, жёны двоюродных братьев, ушедших на войну. Из мужчин были: мой отец, очень старый дед (едва ходил), 4 подростка 12-13 лет, много маленьких детей.

Наши родители уходили ловить рыбу неводом в каждый отлив. Моторов не было, лодки приводили в движение вёслами. Мне тогда было около 4-х лет, моей младшей сестре было 2 года. Я должна была нянчиться с сестрой, наполнять бочку воды для питья, собирать плавник* на дрова. Воду носила маленькими вёдрами.

Родители каждое утро будили нас с братом. Мы должны были бегать по берегу моря и отмечать своим знаком мёртвых тюленей и морских зайцев, вынесенных прибоем. То же самое делали дети других семей. Потом родители разделывали эти туши. Мясо солили, жир затаривали в железные бочки. Женщины после рыбалки разделывали рыбу, солили её в бочках. Мальчики отстреливали птиц (чаек). Птиц теребили, вынимали внутренности, также солили в бочках. Каждую неделю приходил бот с представителем из МРС и увозил все бочки. Мы иногда совсем оставались без ничего. За все сданные бочки начисляли трудодни и давали карточки на муку, сахар, масло, ткань, чай. Чтобы всё купить, не хватало денег, и отец продавал русским женщинам карточки на чай, масло, ткань.

В выходные дни, когда на море был шторм, мама кроила рукавицы, липты, смётывала их. Эти изделия я должна была сшить. Мама учила меня шить с пяти лет.

Старшая сестра Настя не жила с нами во время войны. Вся молодёжь, с 16-17 лет, работала в молодёжных бригадах: ловили рыбу летом, собирали морошку осенью, собирали шерсть оленя весной в стадах, собирали плавник на берегу моря, пилили его, складывали, зимой отвозили на собаках в Варандей.

Несколько раз подходили к берегу немецкие подводные лодки. У нас на берегу были вырыты ямы, где мы прятались.

Война, может показаться, не слишком коснулась тундры, но на самом деле крепко прошла - многие семьи она разделила или уничтожила. Нас же, детей войны, в полной мере можно называть и детьми труда — мы никогда не оставались без дела.

2007 г.

Плавник* - (печорск.) – бревна, принесенные водой на берег и собираемые жителями на дрова

Алефтина Ионовна Вокуева
г. Нарьян-Мар

Двенадцать сухариков

Я родилась в 1931 году Мезенских лесах, там же, где и мой папа Иона Егорович Выучейский. В лесах его родители кочевали с оленями. Таких людей даже называли лесовиками, то есть жителями леса. А мама Галина Николаевна, в девичестве Ванюта, родилась в районе Яжемских озер на полуострове Канин. Когда они поженились, тоже были лесовиками, а потом перебрались на мамину родину, уже в конце 31-го года стали жить на Яжемских озерах. Мама очень скучала по родным местам, по родителям, вот они и переехали на Канин. Там детство мое и прошло. В тех местах очень красиво, чудесные, удивительной красоты места, столько дичи, лебедей, гусей.

Мы жили в чумах – родители, старшая сестра, я, младшая родилась в 41-ом. Мы с маленькой нянчились, ведь маме с папой нужно было выполнять трудовой план. Они рыбу ловили и в колхоз сдавали. План был большой, а папа в возрасте, на 10 лет старше мамы, было ему тяжело, но работать было некому.

Где-то в октябре 41-го мы выехали с озёр, и только тогда узнали о начале войны. Приехали в Чижу, хозяйева какие-то грустные, суетятся. А хозяйка Клавдия говорит: «Война». Меня не это испугало, а испугало то, что люди все грустные и не разговорчивые.

Меня отдали в школу. Учительница была приезжая, высокая, косы ниже пояса. Так мы ее любили, она нам истории интересные рассказывала и про войну тоже. А потом где-то в середине года ее не стало, мы засуетились, стали спрашивать, где она, а нам сказали, что она на фронт ушла. Её звали Надежда.

Сначала я училась в Неси, а потом папу отправили на Канин оленей пасти (до самого мыса со стадами проезжали) и мы переехали в Шойну. До войны, когда народ с тундры приезжал в Чижу или в Шойну, всегда шум такой стоял, все встречались с друг другом, рассказывали новости. А с войной как-то скованно себя вели, тяжесть войны была на душе. Мужчин забирали в армию, пасти стада было некому и этой работой занимались женщины и девушки. Вот и сестра моя после окончания седьмого класса стала пастухом. Через два года ее отправили учиться в Нарьян-Мар в колхозную школу, на счетовода. Вот они с Феей Филипповой, где-то с Щелино до Нарьян-Мара шли пешком.

Я помню, когда 5 класс окончила, родители снова остались на озерах, недалеко от Чижы. Я-то в Шойне училась. У тетушки жила, было голодно, норма была маленькая, мы сухарей насушили, чтобы как-то дотянуть до Канина. До Канина носа никакого населенного пункта не было, норму могли получать только в Камбальнице. Это рыбоприемный пункт, там жило несколько семей, и там пекли хлеб.

Какое-то время я совсем не могла есть мясо, у меня была дикая изжога. Помню, тетя Таисья сказала, что осталось 12 сухариков. Она их никому не давала, только мне. У нее были сын и дочь младше меня, но она берегла для меня и по сухарику каждый день давала. Брат двоюродный брал бутылочку, за пазуху прятал, когда пасти оленей шел. Надоит оленьего молока, и мне привезет, напоит меня. Быть может, поэтому и перестала страдать желудком.

Помню, надо было ехать на оленях за нормой - продукты набрать. Талоны тогда были, ну и деньги, конечно. У тетушки был такой мешок - на берегу моря тогда много чего находили – и нашли материал наподобие брезента, из него мешочек был сшит тетей. Туда сложили талоны тети Таисии и тети Марии. Меня отправили в Камбальницу. Приехали,

а хлеб еще не испечен, и муку еще не завезли со склада. Сказали, хлеб испекут завтра. И все стали собираться обратно, ну а я сани развязала и этот мешок - то положила к саням. Видимо, я что-то поправляла в санях и этот мешочек забыла. Наверно, положила его не с той стороны, где оленей направляют, а с другой, он и свалился. Когда приехали в бригаду, тетя Таисия разбросала сани, а мешка и не нашла. Ой, как я испугалась! Тетя Мария у нас была такая крутая, она меня ругала, готова была сильно наказать. А тетя Таисия только сзади подходила, как сейчас чувствую: «Вöляэн, вöляён аддисся вед» (Потихонечку, потихонечку найдется). В чум я не заходила и плакала, плакала, конечно. Две семьи на два месяца оставить без еды! Это страшно подумать! А через день приехал мужчина из другой бригады к нашему дядюшке - крестному, маминному брату. И он отдал этот мешочек дядюшке, а дядюшка сразу принес к нам. Не пропало ничего, все в целости вернул! Вот насколько народ был честен в такую трудную минуту! Ой, сколько радости - то было! Я помню, на шею к нему бросилась и целую, целую. Я до сих пор благодарна этому человеку.

Я училась в 5 классе, в п. Шойна. С фронта пришел директор Анатолий Петрович Анашкин (он и до войны был директором). Удивительный был человек! Он был тяжело ранен и контужен, но много сил отдавал детям. С его появлением мы стали жить лучше. Он сумел организовать так, чтобы все родители оставили по оленьей туше в интернате. Поэтому зимой суп из мяса мы ели всегда. Вечером печки топили, а дрова сырые, много не натопишь. Чтобы в ледяную постель не ложиться, директор нам давал команду быстро одеться и выбежать на улицу. Мы три круга бежали вокруг интерната. Согреемся, отряхнемся, быстро заходим - и в постель. И всех он проверит, к каждой кровати подойдет, одеяло поправит.

8 мая утром, еще до подъема, услышали голос Анатолия Петровича. Не помню, что точно он кричал, что-то о войне, что-то такое хорошее, радостное! Мы соскочили с кроватей, одеваемся, торопимся. В деревне уже поставили трибуну. Мы все туда помчались, на митинг. Все уроки отменили. Мы в песчаные сопки побежали, долго и шумно гуляли, баловались, катались с сопки по песку.

Я учиться не хотела, по родителям скучала. План по лову рыбы был большой, а папа болел сильно, хотелось помогать. Когда я седьмой класс закончила, классная руководительница Анастасия Игнатьевна велела написать заявление в педучилище, а я отказывалась. Она закрыла меня в комнате, сказала, что не выпустит, пока я заявление не напишу. А пароход-то уже завтра придет, на котором я к родителям могу попасть. Заявление я не написала, поехала домой, а летом мне вызов пришел в педучилище на ненецкое отделение и деньги послали на билет. Оказалось, что Анастасия Игнатьевна сама за меня заявление написала. Родители меня насильно отправили. В середине сентября я приехала в Нарьян-Мар. Выучилась, поехала в Шойну работать. Через год в институт Герцена уехала, закончила его. Почти 28 лет трудилась педагогом. Потом без дела не сидела, помогала детям и внукам. Работала и почтальоном, и техничкой, народным заседателем, вырастила 4-х чужих детей. А теперь вяжу и дарю. Да еще первая правнучка появилась и радуется меня. Тем и живу.

*Записано Ольгой Михайловной Коцюбанской
2007 г.*

Парасковья Васильевна Ворончихина
г. Нарьян-Мар

Все живые вернулись домой

Война... Она не обошла стороной никого. Помню нашу деревушку на берегу речки Захребетная. В 1941-1942-е годы в нашей деревне не осталось мужчин. Одни женщины и дети.

Для многих уходящих на войну это был последний путь. В 42-ом, зимой, ушел на фронт мой папа Осташов Василий Егорович. В бане мужики вымылись, малицы одели, совики и пошли до Ираеля. Остались мама, брат и я. Плохо помнили с братом своего папу, ведь в то время мне было три года, а брату немногим более пяти лет.

Воевал папа на Калининском фронте, в стрелковой дивизии 28, полевая почта 1653. Сначала приходили от него письма (я до сих пор берегу эти пожелтевшие весточки с фронта). Потом писем не стало. Мама все надеялась, что отец жив и успокаивала себя и нас: «Может, вернется наш папа». Получили извещение, что пропал без вести в декабре 42-го. А письма все время напоминают нам с братом о папе, о его нелепо прерванной войной жизни, о разрушенном семейном счастье.

Письма... И слова в них такие простые: «...Сообщаю о своей жизни. Я пока жив, здоров, сыт, живем хорошо, увидел бы вас всех, но я теперь нахожусь за много тысяч километров. До свидания. Ваш муж и папа Василий. С приветом к вам В. Осташов».

Мой папа – уроженец деревни Денисовка Усть-Цилемского района Коми АССР. В 1937 году он с нашей мамой Степанидой Илларионовной и маленьким сыном (моим братом) приехал в Нарьян-Мар. Здесь работал в магазине на Угольной, обслуживал портовиков, которые строили первый причал в Нарьян-Маре.

Мы жили сначала на Угольной, в родительском доме. Папа работал продавцом, мама в этом же магазине техничкой. Папа стал строить дом, но не успел. Уйдя на фронт, оставил нас с одной комнатой и железной печкой. Печку из кирпичей он не успел сделать. Всю войну жили в этой комнате.

Бабушка с дедушкой раньше нас переехали в Нарьян-Мар из Климовки. Когда дедушка умер, бабушка стала жить с нами. Сами делали кирпичи, глину на них брали с Ёкуши. Бабушка и печку сама клала. Раньше этим не занималась, а вместе с мамой осилили. Война вынудила. И пристройку стали делать – из коридора – кухню, потом вторую печку сложили. Потом хозяйство заводили – в первую очередь коз и овец. Покупали их у людей. На одной картошке трудно было жить, а тут все же молоко и мясо. Мы уже подрастали, брат на 2,5 года меня постарше, его брали сено заготавливать.

Жили хозяйством. Еды не хватало. По карточкам выкупали хлеб, продукты кое-какие были свои. Мама с бабушкой занимались рыбалкой. А надо было еще выполнять налог. Помню такой случай: еще овца не обьягнлась, а сборщик уже приезжает, спрашивает, сколько будет овечек. Скажет, должно быть 3-4 овечки. А мы боялись против сказать. И маму расстроенную видим. Налог - то опять надо выполнить. Стали потом курочек заводить, но я не помню, вроде бы с яйца налог не сдавали, все шло детям. И мама нам объясняет – ведь теперь война, солдат надо кормить. Мы и успокоимся.

Молоко носили в город, на конечную остановку, на лесозавод, - в неделю три раза.

За одну выть* четыре литра наберем. В день – восемь. А им чем больше сдашь, тем лучше. Им хоть все сдай. Мама беспокоилась – а как же дети, они растут, их подкреплять надо... Мы с братом сметану квасим, масло мешаем. Брат скажет: солдат много на фронте, всех надо кормить. И дальше работаем. Нас рано приучили к труду.

Маме-то ведь некогда было, у нее свои заботы. Работа, рыбалка, картошка, грибы-ягоды... Попробуйте-ка по 30 километров на лодке вручную грести. А наши мамы гребли! А нас, маленьких, оставляли одних. Брат мой нянькой мне был.

А было много цыган, – ходили, воровали. Мама да бабушка наказывали** закрываться. Но нас все-таки два раза обворовывали. Забирали продукты, одежду (ведь у нас рукава устьцилемские были!) В основном, в Захребетной жили неплохо, потому что много работали. У мясокомбината был дом двухэтажный, там жили власовцы. Они строили в Качгorte дома. Среди них были разные люди, некоторых боялись, они могли и картошку отобрать.

День Победы совпал с папиным днем рождения. Мама сказала: «Вот, День Победы и день рождения вашему папе». Мама с бабушкой плакали. Тогда день рождения не праздновали, не отмечали. Из маминых слов впервые услышали, что папа 9 мая родился. Мы его все ждали...

Из Захребетной 12 мужчин на войну ушло, один остался на броне. Вернулось всего пятеро. И им радовались все вокруг. Первый вернулся Чупров Исак Федорович. Это уже 45-ый год, осень. Идет в шинели, шапке, в сапогах по деревне. С рюкзаком и котелком. Он жил за ручьем в Захребетной. А мы гуляли в это время, увидели его и все побежали. Мы не к нему бросились, побежали домой за продуктами, каждый ребенок что-то принес к ним домой, и сделали хороший стол. За столом сидели взрослые и нас взяли. Мы ведь первые известили и гостинцы принесли! Дети его целовали, и он детей целовал. Взрослые говорили. И мы говорили: война кончилась, наш папа тоже придет. И другие дети тоже ждали своих пап. Но мы были все рады за тех, у кого папы вернулись, искренне рады.

Когда Кисляков Николай Александрович вернулся с войны, из Германии, многим детишкам раздарил губные гармошки.

Детство у нас было, было. Жили мы с родителями – мамой и бабушкой, они ничего от нас не скрывали, все объясняли. Бабушка говорила: «Скупой платит дважды», что видишь – надо купить. А иногда и пошутит: «Скупость – не глупость». Папину маму мы тоже к себе перевезли, она тоже жила с нами. Они были очень верующие, в доме были иконы. И мы крещеные, в старой вере. Крестил нас на Угольной очень грамотный старообрядец Носов Фоментий Алексеевич.

Мы молились за отца, пусть бы пришел, хоть какой-нибудь, без руки или ноги, но живой. Тропари читали, Каноны, молитвы. Старушки собирались меж собой, женщины, молились Николаю Чудотворцу, Алексею – человеку Божьему. Поминали тех, кто погиб, просили за спасение тех, кто воюет. Молитвы творили дома у кого-то, мы тоже туда ходили, прислушивались. Иногда и готовили еду, чтобы людей накормить – картошку, грибы, ягоды. Варенье не варили – сахара не было. И чая не было, заваривали мяту или пили кипятком с молоком. Много-то ведь молока не было.

Мама все говорила: «Война, война...» Все успокаивала нас, себя тоже. Иногда кто-то говорил, а вдруг они где-то живы, остались жить в другом городе. Мы даже мысли такой не могли допустить. Мама говорила: «Как он может где-то остаться в другом городе, если здесь у него мать престарелая, я, двое детей». У нас, в Захребетной, не было такого: все живые вернулись домой, только погибшие – не вернулись.

Потом, уже в 47-ом году, стали пенсию по утере кормильца получать – 100 рублей. До этого времени пенсию и не получали. Чупров Прокопий, он вместе с папой призывался, рассказал, что был очевидцем того, как папа был убит.

Время потихоньку шло, мы подросли, жить стало полегче, бабушка – папина мама – стала жить в Абрамовке и мама перевела ей пенсию за папу. Бабушка была очень

довольна.

После войны мама все пела старинную песню «Было времечко баско – прекрасно». Гости собираются, мама запекает и плачет. В песне поется, как Он ушел на войну, а Она овдовела. Конец печальный. Я эту песню люблю и тоже сейчас пою.

Часто я бываю в Новом Бору (Усть-Цилемский район) и хожу к обелиску, чтобы почтить память отца. А сколько таких обелисков на нашей земле...Они как память о тех, кто продолжает жить в наших мыслях и делах.

2007 г.

Выть* - дойка

Наказывать** - давать наказ

Александра Егоровна Выучейская п. Индига

Сохранилась в роду похоронка

Я, Выучейская Александра Егоровна, родилась в Тиманской тундре в 1931 году в семье оленевода Апицына Егора Елисеевича. Моя мама, Ольга Егоровна, девичья фамилия Лагей, родом из Большеземельской тундры. Родители поженились в самом начале 30-х годов, маме было в ту пору 17 лет. Отец Егор Елисеевич был единственным сыном Апицына Елисея Степановича, оленевода - середняка Тиманской тундры.

Когда началась война, мне было 10 лет. О войне я узнала из разговоров взрослых, но не придавала этому значения, так как не понимала, что это такое.

В декабре 1941 года отца призвали на фронт, а я с сентября была в школе, училась во 2 классе в поселке Выучейский. Ко мне приехал отец и забрал с собой в чум. Он хотел перед уходом на фронт пожить с семьей. Он забрал меня домой, в чум, вместе со старшей сестрой Анной, которая на два года была старше меня.

Анны не стало в 1942 году, умерла в чуме. Лежала-лежала и умерла. Похоронили на тундровом кладбище на берегу речки Лямчи. В ту пору мы жили на едоме* в губе Васькино – ловили рыбу для фронта. Пошли с мамой в оленеводческую бригаду пешком, чтобы сказать мужчинам, что у нас есть умершая. А в 1943 году в той же Васькиной губе умер самый младший брат. Его звали Валентин. К моменту ухода отца на фронт ему было около года.

Тогда в декабре 1941 года нас с Анной отец привез из чума обратно в школу. Сам с другими демобилизованными – на фронт, ушли с няпоем** в Нижнюю Пешу (в ту пору районный центр). Из Пешы - санно-оленним няпоем с оленеводами других тундр через Ому, Мезень отправились на Архангельск.

Не помню, были ли письма от отца, он был малограмотным, не знаю, умел ли даже расписаться. Но жена моего брата Саши Ольга Алексеевна сохранила его маленькую фотографию, присланную с фронта – этой фотографии более полвека.

С первого класса меня учила Ирина Андреевна, сама ненка, а замужем за русским, фамилии ее не помню. А потом была Ястребкова Ирина Яковлевна, родом из Неси. Мы, дети тундры, плохо знали русский язык, нам помогала Ирина Андреевна.

Жили в интернате, иногда ловили пунушек и обменивали их на хлеб. Варили их в консервной банке. Очень вкусно. Повар готовит еду на печке, а мы, девочки, ставим свои банки рядом, готовим в качестве лакомства.

В 1944 году закончила 4 класс, и мой дедушка Елисей Степанович в школу больше не отпустил, а так хотелось учиться дальше! Не привелось...

В стадах мужчин не осталось, все на фронте. Деда не взяли, он по возрасту не подлежал призыву. Так в 13 лет стала пасти оленей, выполнять мужскую работу с 1944 года. Дед возил партии экспедиций, в основном в них были девушки, они что-то измеряли. Я постоянно ездила с дедом. Возили по сопкам. У нас была девушка Ира. Например, нашу Иру мы везли в Пешу. Этих девушек в приказном порядке отправляли в тундру. Было так – либо на фронт, либо – в экспедицию, в тундру.

Очень хотелось, чтобы скорее кончилась война, и тогда можно было бы учиться дальше. Это была самая заветная мечта! Но отец погиб в бою. Он с другими оленеводами на Карельском фронте подвозил боеприпасы на передовую, а с передовой на оленях увозил раненых. Мама осталась одна с маленькими детьми. Я стала работать наравне с взрослыми.

За хлебом ездили в поселок Индига, выкупали норму – 400 гр. на человека. Дед возил рыбаков, у них были талоны на продукты. Деду полагался пай. Деду платили за работу деньгами. Приедем с дедом в поселок, идем в контору, чтобы получить деньги за грузы, которые мы возили. Дед в конторе сам считал количество перевезенных грузов. Он сам считал на счётах, а директор рыбозавода пересчитывал, окончательный итог подводил бухгалтер. Получив деньги, шли в магазин на отоваривание нормы. Нормы были на хлеб и другие необходимые продукты. А сама я покупала книги, которые продавались тут же. Ни дед, ни бабушка никогда не запрещали читать. Только бабушка иногда ворчала: «Только в книжки и смотришь». Приходилось читать украдкой, особенно зимой, при сальнике, иногда при лампе. Зато летом, когда светло круглые сутки, читала запоем.

Про Победу в 1945 году сообщили приехавшие в тундру из поселка люди. Особых эмоций не было, жизнь в тундре размеренная, тяжкая, некогда было радоваться...

Была зима, возили почту из Волонги в Индигу, через оленбригады. Вернулись некоторые оленеводы из колхоза «Едэй ты». Двойников Николай Савельевич после ранения вернулся раньше. Выучейский Николай Николаевич (Хаси ири) вернулся летом на пароходе. Большинство мужчин погибло на фронте, возвратились только единицы, и почти все вскорости умерли от ран.

Я, как и другие мои земляки, всю жизнь трудилась. Имею много благодарственных писем, почетных грамот, звания «Ветеран труда», «Ветеран Великой Отечественной войны».

В 1967 году от пионеров города Мурманска пришло письмо. Пионеры ухаживали за могилами погибших в годы войны на аллее Славы в г. Мурманске. Там на обелиске высечено и имя моего отца Апицына Егора Елисеевича.

Все, что осталось от погибшего отца – фотография на стене, увеличенная с той самой сохраненной маленькой карточки. Рядом фотография сына Павла, очень на деда был похож. У нас в поселке есть памятник, на нем имена всех погибших наших земляков. Есть там и имя моего отца. Очень жалею, что не сохранила письмо пионеров из Мурманска. Они ведь тоже хранили память о нем, других наших земляках. А еще в нашем роду Апицыных сохранилась похоронка...

*Записано Ольгой Семеновной Терлецкой
2007 г.*

Едома* - плохое угодье. Едома, сесть на едому – местные выражения, обозначающие оседлое проживание бедных обездоленных ненцев в населенных пунктах Печорского края.

Няпой** - (мяпой – ненецк.) – небольшой аргиш (санно-оленный обоз) с малой группой людей, выполняющих определенные сезонные работы. Создавались и для извоза в годы Великой Отечественной войны – перевозили почту, военнослужащих, рыбаков на промыслы, по хозяйственным делам.

Александра Ивановна Выучейская **п. Нельмин-Нос**

Это тёплое слово Победа

Я родилась в 1932 году, в районе Три Бугры, в семье Лаптандер. Наша семья жила в колхозе имени Чапаева. Родители пастушили оленей, летом рыбачили. Сетки ставили. Я, старшая в семье, ходила сетки проверять. Я тяну веревку. Отец руку поднимет, я останавливаюсь, значит, отцу надо сетку подправить. Махнет, опять тяну дальше. Пять-шесть лет мне было. Однажды он рыбу-то положил под шкуры, а я села на шкуру. Поехали. Я вдруг упала. Лежу, слышу голоса «Товарища своего потерял!» Сама до чума дошла, ведь рыбу-то ловили недалеко от чума.

Помню, это было зимой. Сумерки. Съямдали на новое место. Поставили чумы свои. Мать латы* положила на снег в сторонке. Какой-то дяденька, городской, в валенках ходит по нашим латам туда-сюда. Я гляжу, он пошел к другому чуму. А я, как он, заложила руки за спину и стала тоже ходить туда-сюда. Мама увидела и говорит «Нынче Сандра - начальник».

Зимой на санках катались. Играли: мы, девочки, были оленями, а мальчики нас ловили. Еще один случай вспоминаю. Было тоже до школы. Ужинать кончили. Обычно мамы нам говорили «Сходите перед сном на улицу». Я вышла. О! Небо! Звезды мерцают, мигают, падают. Одна звездочка прямо в прорубь упала. Я туда побежала, гляжу вглубь проруби, а звездочки нет. Обратно вернулась. Мать говорит «Где была? Вся в снегу». Я говорю «Там в прорубь звездочка упала, что-то ее нету. Растаяла, наверное». Мама отвечает «Погода назавтра будет».

Еще один случай. Тоже зимой было. Три чума. Жили со стариком Оси. В чуме Романа, отца Валентины Романовны, патефон появился. По вечерам ходили в их чум слушать патефон. Пел мужчина таким низким голосом. Женщины говорили «Есявна вариторнга» (По железу скоблит). И долго все смеялись. Патефон хохочет и все смеются. Потом узнали, оказывается, патефон отец Валентины получил в премию за хорошие показатели. Потом-то когда рассуждали, это пел Шаляпин. Так что я в детстве слышала Шаляпина. А на другой стороне пластинки пела женщина. Пела писклявым голосом, мы переживали, чтоб у нее голос не сорвался.

В школу пошла в сороковом году, в Табседу. Няпоем возили детей туда. От няпо я отстала, и привез меня дядя Роман. Старшие девочки на улице сушат постели, зашивают дырки, а я плачу. Домой хочу. Сани недалеко завязаны, Роман еще не уехал, хочу вместе с ним вернуться домой. Но пришлось остаться.

О войне услышали в тундре, мы были на каникулах в Трех Буграх. Николай Марюев садился около чума и всегда газеты читал. Однажды он читать не пришел. Я пошла в их чум. Он сидит в передней части чума на лукошке. Все родственники собрались. Сидят, молчат. Че-то молчат, провожают, оказывается. Проводили его на войну.

Чем мы занимались? Солили рыбу для отправки на фронт. Вечерами в чуме вели беседы о событиях на фронте, ведь радио не было. Новости узнавали, только когда приходила почта. А чтобы письма приходили – не помню такого. Наверное, наши родные малограмотные были, разговаривали-то только на ненецком языке, куда уж там писать...

Отец в 42-ом году простудился и умер в тундре. А мать постоянно рыбачила. Жили мы худо – не хватало сахара, чая, муки, жили голодно. Ребята болели цингой. У двоюродного брата Петра часто кровь текла. Я часто мучилась животом, часто

болела и много пропустила. В табседской больнице лежала. Мать говорит «Полненькая была, а вернулась – одни кости». Больные в палате говорили «Пахнет, опять пахнет». Постоянно мучил понос.

Еще помню. Мы учились в младших классах, а у старших было военное дело. Мы ходили военный урок смотреть. Ребята ползали, маршировали с деревянными ружьями.

Приехала в школу работать молоденькая учительница, которая была на войне. Ее звали Зоя Петровна, не то Котлова, не то Козлова. Идет она по коридору военной походкой, а мы тоже за ней идем, маршируя, особенно мальчишки.

Рыбаки ловили навагу на Черной. Мы наполним наволочки и едим так. Я не помню, чтобы учителя запрещали ходить за рыбой. Пунушек еще варили. Во время урока слышен голос «Ой, тебе в силки попала пунушка». Силки ставили иногда прямо под окнами школы и интерната.

В Три Бугры ходили гулять. Я, Ока да Катя часто речку переходили, играли потом. Затем идем к кресту. Чтобы увидеть макушку креста, я запрокидывала голову. Говорили «Божий крест, Нумгад пере – связан с Нумом». Мимо креста никогда не проходили, обязательно подойдем к нему. Рассказывали, что много рыбы кому-то из русских попало, вот и поставили крест. Потом вместо старого креста поставили новый. Он намного ниже старого. Уже не трогает душу.

Помню, мы все время мерзли. В интернате было очень холодно. Мы вообще не раздевались. В какой одежде бегали (в малице), в такой и спать ложились. Завернемся в малицу и спим.

Однажды слышим, старшие ребята говорят, что война кончилась. Победа! От этого слова «Победа» так тепло стало, так светло... И первый раз дали к чаю белый хлеб.

Помню, карантин был. Это было уже после войны, в сорок восьмом году. Из Нельмин - Носа и Трех Бугров в город в школу не поехали. Ока, я и тетка Марфа летом на сенокос ходили. Тогда дров не было. Однажды еру** рубить для конторы на лодке поехали. Холодно, льды вокруг. Мы же не в сапогах, а в тобоках. Снимали пимы и босиком вброд ходили толкать лодку, наполненную ерниковыми полешками. Приходилось так работать. Потом полгода прошло, дак привезли в город, обратно в пятый класс. Война-то кончилась, нашу школу перевели из Табседы в город. А наш класс перевели в Тельвиску. Мои одноклассники постепенно все удрали в город. После двух недель я одна осталась там. Брат Павел звал меня, но я не тронулась с места. Одна осталась. Он в педучилище поступил, семилетку-то кончил.

В санаторную школу перевели меня в 1946-ом году, а потом – в базовую школу, к Торкову. Я педучилище закончила, работала в поселке Выучейский, с 63-го – на родину, в Нельмин - Нос поехала. Все учителем, воспитателем работала. Вела активную общественную работу.

*Записано Розой Ивановной Канюковой, Анисьей Егоровной Апицыной
2009 г.*

Латы* - (ненецк.) – настил для чума из широких выкрашенных досок
Ера** (ерка, ерник) - карликовая береза, мелкий кустарник в тундре

Иван Васильевич Выучейский с. Оксино

Я понял: война – это плохо

Когда еще мама была жива, я до мельчайших подробностей воспроизводил события тех дней. И мама, после небольшой паузы, глубоко вздохнув, произносила: «Да-а-а, сынок, так было...».

Ранняя зима 1943 года. Озёра, маленькие речки, болота замерзли. Снегу на мёрзлую землю выпало мало. Около замёрзшего озера стоит одинокий чум. К чуму с шумом подъехали олени упряжки. С ними пришло много оленей, которые после небольшой передышки стали искать ягель. Немного поговорив, люди стали неторопливо заходить в чум. А мне мама велела поиграть около чума, пока не уедут гости. Мама у меня была строгая, к тому же по нашим обычаям, дети не должны вступать в разговоры старших, даже слушать о чем они говорят...

В открытый полог чума мне видно, как весело горит костер, выкидывая в макодан игривые искорки. В чуме пьют чай, ведут непринужденный негромкий разговор. До меня долетают незнакомые слова «война», «убивают», «умирают». После этих слов гости переходят почти на шепот, а периодами и вовсе замолкают...

Оказалось, гости были командой, которая по всей Малоземельской тундре собирала оленей для фронта. В этой команде был младший брат мамы Николай Явтысый, который по поручению тунсовета привез похоронку на отца.

После отъезда этих людей я заметил, что с мамой происходит что-то непонятное. Много раз по ночам просыпался от всхлипа и плача мамы. Был в недоумении, думал, вроде в чуме темно, никто не шумит, чего же плакать? Почему дети плачут – понятно, а взрослые? Ответа нет. Так в этих думах и впадал в сон.

Закончив трапезу, быстро сделав все дела, гости снова отправились в путь. Оленей погнала вдоль озера, они бежали, оставляя за собой цокот копыт да гул мёрзлой земли. А у нас был свой путь. Мы кочевали до своего конечного пункта – рыболовецких участков Янгутей и Ханувей. Это участки оленеводческого колхоза имени Чапаева с базой в посёлке Три Бугры.

На этом участке наша бригада жила всю войну. Бригадиром был дедушка Матвей Марюев, членами бригады – бабушка Настя, моя мама и мы со старшим братом Егором. Летом неводили, ставили рюжи. Жили в чуме, который стоял на берегу небольшой речки. Часто в рюжи* попадались небольшие тюлени и морские зайцы. Рыба ловилась хорошо. Порой целыми днями приходилось её обрабатывать. Не обработаем – испортим улов. Женщины шкерили и мыли рыбу. Мы с братом деревянной палочкой скоблили и смывали кровь. Дедушка Матвей солил рыбу и тарил (заполнял) бочки. Шкуры тюленей и морских зайцев, рыбу сдавали в приемный пункт Хабуйко. Он находился в 18 километрах от чума. Продуктами нас снабжали там же.

18 километров пройти пешком по тундре непросто – по мягкому ягельному настилу, по кочкам. А мы ведь не собачки, чтобы бежать легко. Вот и идем: впереди дед Матвей шпарит, за ним бабушка Настя идет – нам задору дает, потом мама и мы с братом. Я устану, кушать хочется, спрячусь за кочку. Брат говорит тихонько: «Ваня, зачем спрятался?». А я отдохнуть хочу, иногда и вздремну. Мама заметит пропажу, ищет спокойно, а как найдет, трепку задаст, за шиворот трясет. Говорит: «Дед Матвей уже пришел, уже чай, наверное, пьет». А дед и вправду нас не ждал – был строгим.

Когда кончались продукты, в хорошую погоду ездили в Хабуйко на вёсельной

лодке, при попутном ветре шли под парусом. А когда берег хороший, или когда мелко (прилив – отлив), взрослые тянули лодку бечевой. А я в лодке сидел, представлял, что рулевой. Пешком же шли по тундре до Хабуйко и обратно в осеннюю пору, во время долгих штормов.

Мы почти полностью разделяли жизнь взрослых. Играть приходилось редко, да и не с кем было играть...

Бабушка Настя была доброй, ласковой, улыбчивой. Любила угощать печёным, делилась едой. Дедушка Матвей был молчаливым. Детей у них не было. И мы им родственниками не были, но жили как родные. Я никогда не слышал, чтобы дедушка по душам разговаривал с женщинами. Что спросят – ответит и всё. Не слышал я, чтобы он говорил «Сегодня поедем туда-то, будем делать то-то...» Если он оделся по-походному, то мы знали, что всем надо собираться и идти за ним.

Когда дедушка чинил невод, рюжи, я около него плёл верёвки из пеньки. Тайком смотрел, учился мастерству починки рыболовных снастей. Снасти были не капроновые, а из простой нитки, их сушили на вешалах. Иногда с дедушкой смолили и конопатили лодку.

Женщины вели хозяйство – ремонтировали одежду, обувь, готовили еду (в том числе пекли шаньги, кулебяки). На долгую зиму запасались рыбьим, тюленьим жиром, жиром морского зайца и белого песка для освещения чума сальником. Лампами пользовались только в посёлке, где по норме выдавали керосин.

Когда взрослые ездили осматривать рюжи, меня не брали, ведь в случае удачного улова я был лишним весом. Зато, оставаясь в чуме, чувствовал себя хозяином и очень этим гордился... Ходил за водой к небольшому озерку, оно располагалось в пятистах метрах от чума. Вода в речке была солёной. В отлив – только в ямках оставалась вода. Часто задумывался – каждый день пьем воду из маленького озерка, а когда вода в нем кончится, как будем жить без неё? А иной раз пойду за водой не по тому маршруту, а там птичьи гнезда. Птицы – тарбявы** их защищали, такие агрессивные становились, так дружно пикировали надо мной, мне приходилось руками прикрываться да бежать. На взрослых они не нападали, даже и собак не трогали, а на меня – пожалуйста! Маличный капюшон, бывало, до дырки проклюнут.

Еще в мои обязанности входили заготовка дров, разжигание костра и кипячение чайника к приходу бригады. С такими заботами и трудовыми буднями проходили летние и осенние дни военных лет... Поздней осенью и зимой были другие хлопоты.

С наступлением зимы нашей бригаде выделяли быков, грузовые сани и вывозили няпоем: сайку, навагу, рыбу разных пород, морского зверя с приемного пункта Хабуйко, через тундру в Костяной Нос. Оттуда обозами на лошадях доставляли до Нарьян-Мара.

Дедушка Матвей, бабушка Настя и мама по очереди ходили на дежурство к оленям. С наступлением весны оленей и грузовые сани сдавали тем бригадам, которые нам их передавали во временное пользование. Среди оленей был авка***. Он постоянно находился возле чума, был такой смирный. Я его запрягал в грузовые сани и ездил за дровами. Заготавливал снег (его растопляли и употребляли в пищу). Иногда дров, еры, снега надо было заготовить много, на случай долгой пурги. В такие дни взрослые из чума выходили редко, а мне вообще запрещали. Шесты чума гнулись от ветра. Каждый раз, когда запасал много снега, дров, воды, взрослые в шутку упрекали: опять малый старается – ворожит пургу. Действительно, через некоторое время погода портилась. Сейчас не могу ответить на вопрос, какое чувство – предчувствие руководило мной тогда?

Когда дедушка уезжал на несколько дней, то женщинам приходилось в любую

погоду быть у оленей. Мне одному нужно было в холодном чуме сутками ждать. Бабушка и мама рассказывали, что во время пурги им было очень трудно управляться с оленями. Порой пурга зарядит на неделю, а то и больше. Места открытые, оврагов мало, кустарники – ерки низкие – оленям негде укрыться. Да еще в те годы волков было много; возможно, испуганные грохотом войны, они уходили на Север, а может, чувствовали безнаказанность, ведь пастушили, в основном, женщины.

Волки свои набеги делали под пургу. Что может женщина без ружья? Постучит медным тазом – и всё. А волки делали своё дело и уходили.

Когда кончался корм оленям, часто приходилось ямдать. Световой день короток. Порой лунный свет лучше, чем дневной недолгий день. Луна освещала окрестности ярче, чем был свет в пасмурный день. И мы всегда радовались этому явлению природы, ведь луна светила всю ночь, до утра.

Мы с братом таскали легкие вещи и хозяйственную утварь. По приезду на новое место, как только распрягали оленей, мы наматывали на головки саней упряжь. В конце, после установки чума, я огребал (укрывал) снегом полы нюков****, чтобы в чуме было тепло, не гулял ветер.

С прибытием в какой-нибудь населенный пункт, когда взрослые уходили по делам, я караулил няпой.

С открытием зимнего охотничьего сезона наша бригада помогала вместе с другими охотниками в талрава.

Так проходили дни за днями, год за годом... Об окончании войны мы узнали от Выучейского Егора Филипповича, который первым вернулся с фронта. Вслед за ним пришёл Михаил Иванович Талеев, который осенью этого же года сыграл свадьбу. Невеста Явтыся Мария всю войну ждала его, работала пастухом в 3-ей бригаде колхоза имени Чапаева. Это первая свадьба в моей памяти. В ней были соблюдены все ненецкие ритуалы... Было весело: играли, соревновались, пели песни, всюду были улыбки, смех, а кто-то и плакал... Так подходил к концу 1945 год. Я был в надежде на возвращение отца. Часто маме задавал вопрос: когда вернется отец? Ответа не получал.

К началу 46-го к нам приехали агитаторы по выборам в Верховный Совет от Малоземельского тунсовета Ледков Алексей и от ВЛКСМ молодая Лаптандер Федосья Егоровна. В марте 1946 года состоялись выборы. По их окончании было чаепитие, где взрослым давали по кружке спирту. А я впервые от души покушал там хлеб с маслом и чай с сахаром...

2007 г.

Рюжи* - (печорск.) - ловушка в виде цилиндра для ловли рыбы (семги, сига и т.д.)

Тярбав** - (ненецк.) – птица из породы чаек

Авка*** - (ненецк.) - ручной олень

Нюки**** - покрытие чума из оленьих шкур, сшитых между собой

Ульяна Аполлоновна Истомина
г. Нарьян-Мар

Сироты войны

Весть о начале войны в деревню доставили нарочные, так как телефонной связи не было.

В ясный, теплый июньский день взрослые, как ежедневно, ушли на берег Печоры, чтобы ехать на пожню*. Однако вскоре все вернулись, но почему-то пошли не домой, а в клуб. Там и узнали, что началась война. В газете «Нярьяна вындер» крупными буквами было написано: «Наше дело правое, победа будет за нами». Хорошо помню эту страницу газеты.

Жизнь быстро перестраивалась. Все мужчины были организованы в ополчение, и после работы на лугу представитель военкомата проводил с ними строевые учения. Отсутствие фотоаппаратов не позволило запечатлеть их маршировку. Люди все как-то построжили, но паники не было. Стало заметно ограничение товаров в магазине. Хорошо помню последнюю свободную покупку ткани. Родители были на работе, а я купила 10 метров фланели и большой платок и очень боялась, что получу нагоняй за расход денег без разрешения. Но мама Анна Петровна уже поняла, что это последняя роскошь. Началось снабжение по карточной системе. Уже взрослой, изучив исторические документы, я поняла силу государственной организации жизни общества в критические моменты. Рыбакам карточки на продукты не давали, они получали талоны за сдачу рыбы государству. К сожалению, не помню, да и не нашла в документах, на какую сумму денег за сданную рыбу давался талон на 1 кг муки. Следует сказать, что при хорошем лове рыбаки снабжались лучше, чем остальные.

7 ноября 1941 года в день 24-ой годовщины Октября состоялся митинг, на котором наши отцы и братья в форме ополченцев с ружьями стояли у трибуны и залпами приветствовали выступающих. В их числе от имени учеников школы произносила речь и я. Потом бабушка Матрена хвалила меня за то, что я хорошо ругала Гитлера.

Перед ледоставом мужчины, как всегда, уехали на рыбоучастки в осеновку**, то есть до зимней дороги.

Повестки на мужчин пришли в декабре. Проснувшись ночью, я удивилась, что топится печь, а мама шьет на машине. На мой удивленный вопрос она ответила, что пришли повестки на фронт, а за мужчинами на рыбоучастки уехали нарочные: утром надо уже ехать на место сбора. Кто был на ближних участках, дома побыли ночь, а с дальних участков приехали рано утром, быстро помылись в истопленных ночью банях и поехали догонять товарищей. Мама проводила отца до Месино. На прощание сказала: «За любимой птицей не утонишься». В один день жены остались без мужей, дети без отцов.

В колхозе место мужчин заняли женщины и дети. Тяжелейший труд по забиванию кольев для ставных неводов*** на Печоре в районе Месино выполняли наши матери – солдатки, старшие из них – 30-ти летние.

Мы, выпускники начальной школы, осенью поехали в 5-ый класс, в Никитцу. Но с ледоставом все, кроме 5-ти человек, ушли пешком обратно домой и включились в колхозную работу наравне с взрослыми. В числе оставшихся учиться была и я. Отпустить меня на учебу, несмотря на семейные трудности (в семье я старшая из семи детей) в письме с фронта матери велел отчим – отец. «Выучи детей...» - такой наказ маме

давал папа. Вечное спасибо ему за это! Но летом, конечно, все дети работали. Работала на рыбопутине и я, ездила на весенний лов в Хобуйку, была на поплави в Месино, ставила рюжи на Волочке. С начала 1942 до сентября 1943-го я работала колхозным почтальоном, так как поехать учиться в Никитце не могла из-за родившейся летом 42-го года сестры – надо было нянчиться. Так что я официально имею трудовой стаж военных лет и документ труженика тыла, то есть статус ветерана Великой Отечественной войны.

В 42-ом году при сельском медпункте открыли детскую молочную кухню – младенцам выдавали по булочке и чайной ложке манной каши. За этой порцией для младшей сестры ежедневно ходила я, ведь маме на третий день после родов пришлось поехать на путину в Месино. А папа в письме наказ дал: «Сохраните младшенькую».

Особое место в памяти военных лет оставила работа почтальона, когда приходилось приносить в дом трагическую весть. В свои двенадцать с половиной лет я уже понимала, что несу письмо казенное. Однажды такое письмо принесла в дом жены моего учителя Ивана Дмитриевича Лебедева. Вручив письмо, стояла под окном дома, слушала рыдания его жены. К счастью, весть была ошибочной: Иван Дмитриевич вернулся после Победы в Андег и работал в школе.

В День Победы я была ученицей 6-го класса в Никитцынской семилетней школе. Помню, что день был ясный, морозный. Поскольку жила я не в интернате, то узнала об окончании войны раньше ребят интернатских, куда и побежала с радостной вестью. Все, кто мог двигаться, собрались в клубе. Я никогда не забуду возгласы радости и рыданий в час объявления о Победе. Потом мы сидели в классной комнате и вспоминали своих погибших отцов.

Моя младшая сестра Галина в 2007 году в составе делегации от нашего округа побывала в Мурманске, на местах сражений. Она родилась через несколько месяцев после ухода папы на войну и его, конечно, не помнит, но помнит солдатские треугольнички, приходившие с войны. Отец Фатей Яковлевич Вокуев навсегда остался для нас примером и мерилom ценностей, был добрым, любил детей, не пил, не курил, не сквернословил. На фронте был санитаром 31-ой оленно-транспортной бригады, раненых вывозил с поля боя на повозках. Снаряд угодил прямо в обоз с ранеными... Случилось это 25 сентября 1943 года в районе высоты 264,2, расположенной юго-восточнее Печенги Мурманской области. В этой день на этой сопке погибло еще четверо наших земляков. Спустя 45 лет Галина рассыпала землю с маминой могилы у обелиска погибших на той высоте с номером 264,2.

Считаю, что дети войны – это не только рожденные в 41-45-х годах. При определении прав детей войны необходимо учесть многие факторы.

Одна из групп детей войны – те, кто жили в полных семьях, чьи отцы не были призваны на фронт из-за возраста, болезни или имели бронь. Понятно, что детям из этой группы жилось полегче, из этой группы наибольшее количество могло своевременно закончить семилетнюю и среднюю школы, а, повзрослев, получить престижную работу. Другая группа детей – чьи отцы погибли на фронте. Многие из этих детей не видели своих отцов. Эта группа детей должна иметь статус «сироты войны». Они были вынуждены (особенно старшие в многодетных семьях) после окончания семилетки работать, да и всю жизнь нести бремя не престижного труда. Кроме пенсии, они ничего от государства за своих отцов не получили. Есть третья группа детей войны, чьи отцы вернулись с фронта, к счастью родных. Через социальную поддержку отцов эти дети защищены государством лучше.

Теперь, когда поколение участников Великой Отечественной войны и тружеников тыла быстро уходит в мир вечности, первой категорией на право социальной защиты должны быть «сироты войны».

2007 г.

Пожня* – луг, место покоса

Осеновка** - (печорск.) - лов рыбы, при котором рыбаки заезжают на участок летом и остаются там до зимы.

Ставной невод*** - стационарное рыболовное орудие, принцип действия которого основан на установке на пути рыбы неподвижного препятствия – «крыла», которое направляет её в ловушку.

Мария Ивановна Канюкова (Ледкова)
п. Нельмин-Нос

Войну я не помню

Родилась я в 1940 г. в деревне Коткино. Родители жили в тундре. Они занимались оленеводством. Отец, Иван Михайлович, был из состоятельной семьи. У них было довольно-таки много оленей и жили они безбедно.

Перед войной отец был председателем колхоза имени Максима Горького в Хонгурее. По тем временам, может быть, грамотным был. Мама, Федосья Николаевна, была из рода Выучейских Большеземельской тундры. В свое время училась в Нарьян-Маре, а потом послали в Ленинград. Не знаю, сколько она там проучилась, приехала на каникулы и вышла замуж за отца. Уехали жить в тундру. Жили они в достатке, хорошо жили в тундре. Отец был коммунистом, на совещания ездил, на пленумы да что да.

Войну я не помню, мне ведь годик был, поэтому я не знала, что такое война. Помню только, как мама показывала на дорогу и говорила: «Вот по этой дороге папа уехал на войну». Папа умер в 1943 году в госпитале от тяжелого ранения. Мама пастушила в тундре.

Играли все время в ненецкие игры. В куклы уко. У нас игрушек было очень много. Хранили в лукошке и в большой сумке-пад. Если играли в чуме, то открывали лукошко, вынимали юлу, жужжалки, а если на улице, то выносили пады с куклами уко и одеждой.

Так прошло мое детство.

2007 г.

Римма Григорьевна Князева
г. Архангельск

Трудное детство

Я, Князева (в девичестве Коткина) Римма Григорьевна, родилась в 1935 году.

В свидетельстве о рождении, в графе «Место рождения» у меня написано «Перепусток». В 1930-х годах на берегу Баренцева моря, в районе деревни Вижас, был рыбацкий стан с таким названием.

Примерно в 1933-34 годах четверо мужчин из деревни Несь уехали туда, чтобы не вступать в колхоз. Это были: мой папа Григорий Петрович (1905 г.р.), два его двоюродных брата и друг. Они построили два дома и перевезли семьи, жили там более четырех лет, но дед сообщил, чтобы срочно уезжали, так как их хотели раскулачить.

Мой папа после вступления в колхоз «Северный полюс» много лет ходил на «зверобойку» на ледоколе «Сибиряков». За хорошую работу папа был приглашен на сельскохозяйственную выставку в г. Москву, чему у меня хранится свидетельство. Папа ушел на фронт в сентябре 1942 года, а в октябре родился седьмой ребенок. Папа погиб в п. Шапки Мгинского района Ленинградской области 27 января 1944 года, в день рождения нашей мамы. Никогда не забуду, как принесли похоронную. Мама поднимала утром перину, зашла секретарь сельсовета, мама сразу все поняла, упала на постель и стала громко рыдать. Я побежала по мосточкам к почте, в конец деревни, и тоже плакала.

В августе 1944 года старшему брату Леониду (1927 г.р.) исполнилось 17 лет, а в декабре его взяли на войну. Они шли пешком через Пинегу. Когда мы молодых ребят провожали, то очень далеко с ними шли, а мама так плакала, что упала на снег и ползла, так как идти у нее не было сил. Брата направили в Читу учиться на офицера, воевал он с Японией, летал на самолетах бортрадистом.

Брата Германа (1929 г.р.) в 1943 году взяли на бот ловить рыбу для фронта. Ему было только 14 лет.

Сестра Ангелина (1931г.р.) с дедом с 13 лет ловила рыбу для фронта, им давали карточку на хлеб. Хлеб они нам весь оставляли, а сами жили на одной рыбе. В 1945 году дед ослеп, и она пошла летом работать в колхоз. Сначала пасла телят, а потом коров.

Мама была в колхозе на самых тяжелых работах, чтобы больше заработать трудодней. Звали маму Нина Степановна (1908 г.р.) Лет двадцать она ухаживала в колхозе за телятами, о ней даже писали в газете, что у нее самые большие привесы у телят в округе. Летом мама работала на сенокосе, домой ездила только в дождливую погоду, чтобы истопить баню, нас помыть, постирать белье. Бабушек у нас не было. Бригадир разрешал маме ночью в кустах косить своей корове траву на сено. Все лягут спать в 23 часа, а она идет косить до трех утра. Поспит три часа и возвращается на колхозный сенокос. А я оставалась дома. С 12-ти лет доила корову, поила овец, теленка, вставала в 5.30 час.

Иногда уеду к маме и ее попрошу ехать домой (на лодке или телеге), а сама лягу с девушками в балаган и слушаю, как они поют песни. Мама иногда с сенокоса посылала нам гостинцы. Положит во флягу из-под молока дедильниц (пучок), веточек ягод и нам пошлет.

Были у меня и радости, когда поспевал дикий лук; нас собиралось очень много детей и ездили мы вниз по реке километров за 6-7. Иногда набиралось по 6 лодок. Нарвем мешка по три и играем, пока нет прилива. Лодки были деревянные, большие, гребли по одному веслу. Мама или мы сами этот лук рубили, солили в бочки, а зимой

мама поставит в печь с картошкой, а мы прибежим на перемене и едим.

Брат Юрий (1938г.р.) с семи лет летом возил кучи сена к стогам. До армии подростком с девушками на карбасах* ходил в море и ловил для колхоза рыбу. Когда приходил один раз в год пароход «Профсоюз» и привозил продукты и др., то он с девушками (ребят и мужчин почти не было), был на разгрузке. По сходням с судна на берег носили мешки. Девушки подросткам не давали тяжелые мешки с солью носить (весили почти 90 кг.), сами носили, а давали с мукой (по 50 кг.). После армии и до пенсии брат проработал в колхозе механизатором.

Был у меня и брат Александр (1942 г.р.) Помню, как мимо нашего дома проходил один дед и нес хлеб («кирпичик» и «кусочек» – норма). Саша был маленький и просил у деда «недовесочек». Дед всегда давал. А сестра, когда обедали, отломит от своего кусочка хлеб и под столом передает Саше. Мама ее всегда за это ругала.

Во время войны мы брали на рыбоприемном пункте навагу (зимой), чтобы ее высушить. Чистили мороженую, чтоб легче, мыли. Мама сама делала противни из лучин, сплетала проволокой - и в печь на кирпичи в два ряда. В избе пахло и на потолке сыро, хорошо, что потолок был крашенный. А воды нужно было занести 6 ушат каждый день. У реки очень высокая гора, а дома на 2-ой этаж зайти – 13 ступеней. Я иду спереди и сил у меня мало. Мама почти на себе несла.

Мама ездила на море собирать лес, потом его плавил. Приедут женщины, а на руках кровавые мозоли. Лес катали, пилили, мама колола. Про нашу семью говорили, что у Нины Грининой (Гринины - прозвище, потому что прадеда звали Григорий, Гриня) дети научились ходить и сразу стали работать. Про маму один старик всё говорил ей: «Сколько ты будешь мучиться, мученица?».

А как мы ходили в школу? Сестра Ангелина вместе с одноклассниками шли пешком 180 км. в село Нижняя Пеша в среднюю школу. Ориентиром у них были телефонные столбы. Шли через болота, по ерисеям**. Один год шли к 1-му сентября, и подморозило, обморозили пальцы, так как у кого не было сапог, шли в носках, чтобы не ободрать ноги.

А я с сестрой и все, кто учился в городах, кому надо в отпуск, добирались таким путем: через реку, затем 18 километров пешком, без дороги через борки, болота (мы с сестрой шли в носках, чулках шерстяных) до деревни Мгла через реку (у самого моря) и 40 километров по отливу моря до деревни Семжа Мезенского района. Нужно успевать, пока нет прилива. Идти – горе: песок мокрый, холодный, иногда няша. Однажды мы попали – стоим почти на островке и не знаем, что делать – лодок нет, назад нельзя, вперед – уже вроде поздно. Хорошо, увидели мужчину, и он нам показал, по какому месту еще можно перебраться воду. Кричит, мол, идите скорее, а то утонете. И мы прошли почти по грудь в воде.

Самое сложное – каким-нибудь морским транспортом пересечь Мезенскую губу и попасть в п. Каменка, чтобы сесть на пароход до Архангельска. Иногда это было пассажирское судно, иногда грузовое (тогда ехали в трюме). Билет покупали палубный, так как на каюту денег не хватало. Меня море укачивало, и я валялась 1,5 – 2 суток.

Вот такое у нас было детство.

2007 г.

Карбас* - парусно-гребное промысловое судно (большая деревянная лодка с высокими бортами) для морского и речного прибрежного плавания. Использовалось для рыбного промысла, перевозка грузов.

Ерисей** - (ерсей – ненецк.) – сплошное болотистое, топкое место

Станислав Николаевич Кокорин
с. Великовисочное

Так мы жили

В Нарьян-Мар мы приехали из села Усть-Уса Коми АССР. Жизнь наша до переезда была страшной: отец и мать были репрессированы, оба сидели в тюрьме, мы, дети, выживали, как могли (я, например, собирал милостыню). Но судьба позволила нам собраться вместе. В Нарьян-Мар мы прибыли вшестером: четверо детей (двое, уже взрослых, с нами не поехали) и родители. Дали нам жильё на улице Красная площадь, рядом с конторой морского порта, в бараке с общим коридором: одну комнату длиной 4, шириной – 3 метра, с одним окном и печкой - плитой. Через дорогу была портовская столовая. Папа устроился на работу в морской порт плотником, а мама – посудомойкой в портовскую больницу, что за Калюшем.

Мы все ходили в школу: Лена в 3-ий класс, а Фрося, я и Вася – во второй. Начальная школа была на том месте, где теперь новый универмаг. А новую среднюю школу по улице Выучейского ещё только строили. Мы от своего дома, где жили, бегали к новой школе играть, а по пути носили домой щепки топить печку. Зимой у нас было очень холодно: опилки, которые когда-то были между двумя рядами досок, высыпались, стены промерзали, ветер продувал насквозь...

22 июня 1941-го года мы играли на улице, было воскресенье. Увидели, как от конторы морского порта колонна людей без флагов и знамён идёт по улице. Мы за ними побежали. Колонна пришла на стадион. Там тогда еще не было Дома культуры. Была небольшая трибуна. Люди поднимались на трибуну, мужчины снимали шапки и говорили: «Фашистская Германия без объявления напала на нашу страну, началась война, мы победим!»

Пришли трудные военные годы. Папа стал работать в горкоопе. По большой воде в Нарьян-Мар по Печоре приводили плоты леса на дрова. Их ставили на берегу Качгортинской курьи. Когда вода убывала, они обсыхали и их пилили на дрова. Мы сразу после уроков с двумя длинными пилами перебирались с отцом через курью и допоздна пилили брёвна; отец колот и по краям выкладывал клетки, а мы помогали ему: в середину охапками складывали поленья. Поленницы были по 5 и 10 кубометров. Так работали в выходные, в каникулы. Потом отец на лошади развозил эти дрова по заявкам жителям города.

Когда наступало время сенокоса, надо было для лошади горкоопа на зиму заготовить сено. Отец брал всех нас на сенокос, на Киселичное, что находится на той стороне реки Печоры. Садил нас в большую деревянную лодку, брал весло и на корме правил и подгрёбал нам. А мы по два человека гребли одним веслом; вёсла были большие, бывал ветер и большие волны, а переехать Печору против Угольного и лесозавода было трудно. На руках у нас были мозоли.

С едой было плохо: хлеба мало, были карточки. На плотях и на сенокосе удили рыбу. Много попадало ершей. Мы их варили прямо нечищеными и хлебали ложками вместе с ухой, как кашу. Чаю не было. Заваривали листья черной и красной смородины и гузана.

Были такие дни, когда отец брал нас с собой за ягодами: моршшкой, голубелью, черникой. Ходили мы пешком за Калюш (там не было раньше никаких построек), и на те места, где потом стали строить аэродром и дальше в тундру. А когда аэродром построили, наш папа поступил туда на работу: охранял закрытые брезентом грузы (раньше они были просто под открытым небом), выстилал в стороне от площадки букву «Т» для посадки самолётов. Мы часто приходили к нему, приносили еды и помогали выстилать «Т». В плохую погоду он выстреливал из ракетницы – как садиться самолёту. Гильзы от стреляных патронов давал нам играть.

Отец в свободные от работы дни ходил в портовскую столовую или в какой-нибудь магазин поколоть дров. Ему за работу давали в столовой кости от мяса. Мы обгрызали эти кости и выколачивали мозг. А из магазина приносил немного уценённых конфет – карамели. Они были растаявшими и смешанными с обертками. А мы были очень рады! Еще отец приносил откуда-то тюлений жир. На нём можно было пожарить немного хлеба или картошки.

В 1943 году нам пришло извещение о том, что 26 мая под старой Руссой погиб мой старший брат Алексей...

В 1944-ом мы с братом Василием закончили 7-ой класс. Хотя была весна и трудное время, у меня в аттестате было только две четверки: по русскому и немецкому языку. По остальным предметам всё были пятёрки. Нашу сестру Фросю еще из 6-го класса забрали в ФЗО, и она стала плотником. Потом строила дома из бруса по улице Смидовича.

Брат Вася поступил в Нарьян-Маре в рыбный техникум. А я пошёл в 8-ой класс. Проучился сентябрь, и нас заставили платить за учебу. Во время войны был такой закон - за учебу в 8-10 классах надо было платить. И с 1 октября я поступил в педучилище, там не надо было платить за учёбу и ещё давали стипендию. После 7-го класса, а потом после 1 и 2-го курсов педучилища каждое лето я работал: одно лето на подсобном хозяйстве морского порта, два лета в сельскохозяйственной опытной зональной станции возил удобрения, окучивал на лошади плугом-окучником картошку, пропалывал грядки, поливал, работал в парниках, теплицах и пр. В теплицах выращивали всё: картофель, капусту, морковь, турнепс, огурцы, помидоры – в годы войны ничего на север не привозили, а без овощей на севере нельзя жить – цинга будет.

На севере тоже была война. Немецкие подводные лодки плавали вдоль побережья моря. Одна из таких лодок потопила винтовой пароход «Комсомолец» и баржу с людьми. Потом «Комсомолец» подняли и привели на буксире в Нарьян-Мар. Мы видели, как он стоял у причала морского порта. На середине трубы у него было большое отверстие от снаряда.

Один раз немецкий самолет пролетал над районом морского порта. У причала стояли тральщики, на которых были зенитки. Зенитки стали стрелять по самолету. Мы с ребятами были на улице и видели, как высоко в воздухе разрывались снаряды, но был «недолет» или «перелет». Самолет улетел на запад. Второй раз немецкий самолет пролетал в районе, где были поля морского порта и зональной станции – это от города по дороге в сторону Кармановки. Мы работали на поле и видели, он летел с востока на запад, так не высоко, что была видна свастика на крыльях.

9 мая 1945 года я пришёл на уроки в педучилище. Пришли и другие ребята. Кто-то в коридоре крикнул: «Война окончилась!». У них дома было радио, и они услышали об этом. Мы все были рады: обнимались и плакали от радости. Забегали в нижнем коридоре в комнаты, где жили приезжие из деревень стеденты, всем кричали: «Война окончилась!»

...Я был на втором курсе (1946г.), когда прибежали подружки моей сестры Фроси и сообщили мне, что с нашим отцом что-то случилось...Отец погиб на аэродроме, во время работы, от пропеллера самолёта, который он помогал заводить руками...

В 1947 году я закончил педучилище и был направлен на работу учителем 3-го класса в деревню Сявта Большеземельского района (это за Хорей-Вером и Хоседа-Хардом, на речке Роговая, которая впадает в реку Усу у деревни Петрунь). Я 50 лет проработал в школах округа. Имею благодарности, звания «Ветеран труда», «Ветеран Великой Отечественной войны», «Ветеран Ненецкого автономного округа». Наша семья была признана подвергшейся политическим репрессиям и реабилитирована.

Мы с женой вырастили и выучили семерых детей, у нас 16 внуков и внучек, 10 правнуков и правнучек.

2006 г.

Мария Егоровна Лаптандер
п. Нельмин-Нос

Наши защитники

Родилась в апреле 1926г. у реки Есты (сейчас река Вельт) Малоземельской тундры. Река большая, около нее и жили мы, семья Ноготысых. Маму звали Матрена. Нас было семь сестер, я – самая малая. Жила у дедушки с бабушкой. Бабушка была слепая, я вместе со старшей сестрой Александрой ей помогала. Приходилось пасти быков и пешком ходить.

В детстве играла в куклы уко. Ещё из веточек делали рожки, зажимали в кулачке между пальцами, поднимали над головой и бегали как олени. Оленьи рога использовали в игровой упряжке. Рога да санки – вот и вся упряжка, опять будто едем, ямдаем. С тынзеем* играют только мальчики, девочки только ездят.

Весной оленей освобождали от личинок оводов. Боюсь, но вынимаю, достаю эти личинки. Надо личинку зажать и оторвать от шкуры живого оленя. Из оленьих ноздрей пыталась достать, но не смогла. Боялась.

Летом каждое утро нас будил отец. Мы, дети, иногда и не проснулись окончательно, а с закрытыми глазами брали белые шкуры, палочки-лопаточки и шли ловить оводов. Овод под палочкой только щелкает. Оводов очень много было. Я их не считала, считать не умела. Убитых оводов зарывали в землю. Летом морошку и другую ягоду собираем. Во время забоя помогаем взрослым. Снимаем шкуры, разделяваем туши, брюшину вынимаем.

Училась немного. В Табседе, во время войны. Как эта весть до нас дошла – не помню, но в тундре знали – идет война. Взрослые оленеводы поехали. Из Табседы увезли всех молодых парней и старших учащихся. Из старших остались девочки, их было много. На фронт ушел Федорко, двоюродный брат, и с войны не вернулся. Считается без вести пропавшим.

Еды не хватало. Зимой брали наволочки и шли за камбалой, сайкой на лед. Иногда от мальчиков брали пунушек жирненьких и варили. И опять суп будет. Однажды кормили нас нерпичьим мясом. Я есть не смогла.

Ходили в своей одежде, зимой носили оленьи тобоки, а весной и осенью – нерпичьи. Когда сама стала шить, стала ходить в настоящих женских пимах и одежде.

Однажды в Табседе что-то заметили. Ночью подняли парней. Они ушли сторону маяка «на черную землю». Черная земля – так у нас называли немецкие подводные лодки. Они подходили к берегам Табседы, всплывали, над водой была видна черная поверхность - как земля. Мальчики сами мастерили деревянные ружья и шли туда, ведь мужчин не было. Мальчики ходили по берегу, показывали, что защитники есть, и с ружьями. Но со стороны лодок агрессии не было.

На каникулы отец возил на оленьей упряжке. Я проучилась пять классов и поехала помогать отцу-старика, ведь у него не было сыновей. Вот так и прожили войну.

Записано Розой Ивановной Канюковой, Анисьей Егоровной Апицыной
2008-2009 гг.

Тынзей* - аркан для ловли оленей. Представляет собой веревку, сплетенную из кожи оленя или морского зайца, длиной до 5 м.

Полина Дмитриевна Лаптандер
п. Нельмин-Нос

В туфлях по тундре

Родилась в августе 1939 года в Малоземельской тундре. От мамы, Парасковьи Григорьевны, узнала, что мой отец, Дмитрий Николаевич, от ранений скончался в г. Архангельске в 1942 году.

Очень смутно помню, приехал у матери брат – Талеев Андрей Григорьевич. Служил на Балтийском флоте. Их корабль столкнулся с немцами и серьезно пострадал (то ли подорвался на mine, то ли пережил бомбардировку, точно теперь не помню). Вдвоем спаслись на круге. Простудились в воде, лёгкие заболели. Из госпиталя отправили в 46-ом году домой. Лежал в «чёрном доме» в Трех Буграх. Я его всё боялась. Мама говорила: «Не бойся, он мой брат». Как болел, умер, как хоронили – не помню.

Мама работала дояркой, возила почту, пастушила. Питались молоком, постным маслом, рыбой. Мы, дети, делали мелкую работу. Гоняли телят, собирали ягоду, морошку. Мыли дыльницы (донницы) в сепараторном. Они деревянные. Мы их облизывали перед тем, как мыть. Редко привозили мясо. У отца остались кой - какие олени. Помню, получали какую-то помощь. Шапочки, валенки с калошами, туфельки.

Детьми играли в догонялки, лапту. Однажды в туфельках пошли гулять в тундру. Увидели лося, испугались и побежали домой. Сестра Зоя долго плакала – потеряла свою туфельку. Черную лакированную туфельку с ремешком нашли взрослые. Мы, конечно, были очень довольны.

Первого сентября 1955 года, 16-ти лет отроду, поступила на работу скотницей в колхоз им. Выучейского, где и проработала все время.

Записано Розой Ивановной Канюковой
2007 г.

Федосья Егоровна Лаптандер
п. Нельмин-Нос

Еды мало, хлеба мало

Родилась 15 января 1926 г. в селе Тельвиска. В Тельвиске у бабушки долго жила, в маленьком домике. Учиться пошла в Тельвиске. После первого класса мама увезла меня в тундру. В тундре жила год. Во 2-ой класс пошла учиться в Табседе.

В школу привозили нас няпоем через речку Неруту, а потом на карбасе через Колоколковскую губу. Чаще возил нас Саркы – дедушка. Учились, жили на берегу Баренцева моря. Заготавливали дрова, к интернату и к школе вывозили их лошадкой.

Учиться в Табседе начала до войны. В школе работали Нестор Иванович Безумов, я у него училась. Потом он в Оксино работал. На войну из учителей никто не уходил, большинство были женщины. А учащихся было немного, старших учеников совсем мало. В седьмом классе было только четыре человека. Вместе с нами был Васька Ледков, будущий писатель, бегал по партам.

На карте мы красными флажками отмечали, где война шла.

Один раз была тревога. Нас, всех детей, подняли ночью. Нас, малышей, одели да увезли на лошадях подальше. Нам дали деревянные ружья. Кто мимо нас шел, должен был ответить на наш вопрос: «Пароль?». А прошли мимо только наши мальчишки. Мимо нас они быстро прошагали с деревянными винтовками к маяку. Тревога потом-то подтвердилась. Немецкая подводная лодка прошла к Ходоварихе.

Играли вместе с другими ребятами в «Кошки-мышки» на переменах, а на улице – в «Хайло». Деревянными длинными палками, наконечники которых обливали водой, чтоб покрылись льдом, старались попасть через сугроб в другой сугроб. В «чижика-пыжика» и лапту играли. Вот и все наши игры.

Еды было мало. Суп и второе ели из нерпичьего мяса. Навага на второе иногда бывала. Давали жир, сайку, камбалу, хлеба немного (была норма). В общем, что есть, то и ели. Собирали ягоду, яйца разных птиц. За Самоедским мысом было много яиц разных птиц. Целыми ведрами приносили. Ходили на охоту, рыбалку. После занятий в школе ловили на силки куропаток. Стали подростками, начали работать как взрослые.

В 1943 году я закончила 7-ой класс и пошла работать.

Когда кончилась война, были в Нельмин - Носе. Мать да бабка Василиста ходили пешком за почтой в Андег. В мае снег был уже рохлым, вперемешку с водой. Они принесли газеты и сказали: «Война окончилась». Мы сидели на завалинке одного из колхозных домов, нас в поселке немного и было. Ребята включили репродуктор. Тут диктор сказал: «Отечественная война кончилась». Все от радости прыгали как бешеные. Взрослые Победу отметили в небольшой комнатке правления колхоза, после митинга было чаепитие. Из Нарьян-Мара приезжал Борис Федорович Исаков от редакции газеты, Шельгинский и еще один русский.

После войны рыбачила. Рыбу вывозили в Месино на лодках, веслами.

Записано Розой Ивановной Канюковой
2007 г.

Анна Филипповна Ларионова г. Нарьян-Мар

Тяжелое время, адская работа

Я родилась 26 февраля 1936 года в д. Климовка Усть-Цилемского района. Мой папа, Семенов Филипп Кириллович, 1900 года рождения, вместе с семьей (детей было трое) перебрался из Усть-Цилемского района в д. Носовая и работал в колхозе «20 лет Октября» до ухода на войну: летом – на сенокосе заготовителем сена, зимой – охотником (били пушного зверя). А в Носовую перебрались по морю на самодельном плоту, который смастерил отец: разобрал амбар, собрал плот, перевез семью на новое место жительства, поставил дом и сказал: «Мои дети будут жить в самом теплом доме». И сложил печь с «секретом»: ее никогда не ремонтировали, не перекладывали, а она всегда очень хорошо грела, и мы действительно жили в самом теплом доме. Как-то раз соседка, когда отец уже ушел на войну, даже просила маму разрешить ей разобрать печь, а потом снова собрать, чтобы посмотреть, что за особое «коленце» смастерил печник, но мама не разрешила.

Мои родители жили дружно, мы, дети, не слышали ни ругани, ни ссор. Жили трудом и заботой друг о друге.

Когда началась война, мне было пять лет, и я не помню, как именно пришло в наш дом это тяжелое известие. Знаю и помню только, что отец дважды уходил на войну: в 1941 году его забрали, увезли в Нарьян-Мар, но он вернулся с бронью на один год. А летом 1942 года папа прямо с сенокоса ушел воевать. Ему не разрешили даже проститься с семьей, и мы больше его не видели. Мама ездила в Нарьян-Мар, хотела добиться встречи-прощания, но на тот момент отца уже увезли из Нарьян-Мара, а маме сказали: сделаешь хоть шаг дальше – будем судить. Тяжелое было время. От отца в 1943 году пришло письмо из госпиталя, только вот из какого города, не помню, мала была, а письмо не сохранилось. Отец просил денег на дорогу и теплые вещи, собирался домой, потому что получил ранение в голову и был непригоден для войны. А позже пришло извещение из военкомата, что папа пропал без вести. Что случилось и где его могилка – до сих пор не знаю.

Мама моя, Семенова Евдокия Артамоновна, 1912 года рождения, почти всю жизнь проработала рыбацкой в колхозе. В войну весь этот тяжелый рыбацкий труд упал на плечи женщин, наших мам, да подростков. Я все время думаю о том, что другие-то женщины в войну хоть на земле работали, а наши-то ежедневно, без выходных и праздников, летом и зимой с 5 утра до 12 ночи стояли в рыбацких лодках. Словом, круглый год на Болванской губе. Шторм – ни шторм, ветер – ни ветер, мороз – ни мороз, а надо всю рыбацкую работу сделать: и колья вбить, и сети натянуть, и веревки привязать, и рыбу вытащить, а перед отправкой на рыбозавод в порядок привести, например, зимой навагу отрясти от снега. А уж если погода совсем работать не давала, редко когда бригадир скажет: «Идите по домам, у вас же у всех дети»; чаще другую работу надо было делать, - то сети чинить, то еще что. А в редкую свободную минутку женщины соберутся вместе, выпьют бражки, поплачут, попоют, да снова за работу. Лодка, вода, лед – работа эта была адская. Может, поэтому мама моя и умерла на 58 году жизни, всего-то полтора года пробыла на пенсии. Награждена была мама медалью «За добросовестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

А пока мама рыбачила с утра до ночи, мы с младшим братом Валерой (ему тогда был-то всего годик) хозяйничали дома. Помню, играли бумажными куклами, вырезали

их из газет. Были тряпичные куклы. Играли в «магазин»: крупой были семена какой-то травы, похожей на подорожник, сама трава была тоже каким-то продуктом. Словом, были предоставлены сами себе, ведь маму видели очень редко. Бывало, увидим рыбацкие лодки, а в море далеко видно, бежим домой домашние дела делать, ведь мама возвращается. Потом опять отпрашиваюсь на улицу, а мама только скажет: «Не все дела сделаны». Я глазами туда-сюда, ага, таз помойный грязный, вымою, и получаю разрешение. А одеты были плохо, обуви не было, одни валенки на двоих. Запомнилось, как воду летом носили - а хотелось все сделать побыстрее - вот и воду бегом носили, приносили по полведра домой, ноги мокрые, холодные, красные, как у рака, а воды-то мало, и опять бежим.

Питались почти всегда одной рыбой (семга, омуль, навага вареная, жареная, пареная). Не едали лука, не было картошки, молока тоже не хватало на всех, и хотя отоваривали талоны крупой, сахаром, мукой, готовить-то маме было некогда.

В 1944-1945 годах мама работала дояркой на сенокосном участке Коржи, мы были с нею, я и в школу-то пошла из-за этого поздно, в девять лет. Мама не захотела меня отправлять в Осколково, и я стала учиться в Носовой, когда вернулись из Коржей. Там не было ни радио, ни телефона, и мы несколько месяцев не знали, что война-то уже закончилась. Поняли это, когда увидели в Носовой мужчин-солдат. У моей закадычной подружки Клавы Сметаниной в 1944 году вернулся с войны отец Сметанин Василий, без ноги. Помню, как Клава и другие дети очень испугались, увидев это, ведь для нас было в диковинку: человек без ноги. А потом привыкли.

Война тяжело прошла по каждой семье. У Клавы забрали брата Виктора в 18 лет. Был он худенький, слабенький, мама перед отправкой дала ему малицу. Виктор был на войне долгих семь лет, а вернулся возмужавшим, статным красавцем. У мужа моего погиб на войне брат в 18 лет...

Тяжелое было время, адская работа, маму мою и других женщин, может, и спасал-то только кусок мерзлого хлеба за пазухой: прятали на груди, чтоб хоть не ледяной был, чтоб пилой не пилить, когда прямо в лодке делали короткий перерыв на отдых...

*Записано Надеждой Алексеевной Ярковой
2007 г.*

**Леонид Владимирович Михеев,
Маргарита Владимировна Михеева
д. Вижас**

Радуемся каждому дню

Наше военное и послевоенное детство было тяжелым, как детство многих детей того времени. Но мы ощущали эту тяжесть, может быть, больше других, т.к. рано остались без матери.

Наши родители – Михеевы Владимир Степанович и Евдокия Ивановна поженились в 1930 г. В конце этого же года родился у них сын Вячеслав.

В 1936 г.– я, в 1941– Маргарита, а в 1943 – Аркадий.

С начала образования колхоза «Полярная звезда» родители тут и работали. Папа организовывал колхоз и был его председателем, а мама работала на разных работах. Дома они находились мало, все больше на работе, поэтому мы всегда оставались с бабушкой Манефой Екимовной. Мы были очень благодарны ей за понимание, за ласку, она была для нас и воспитателем, и советчиком. Со своими бедами и проблемами мы всегда шли к бабушке, зная, что она поймет и успокоит.

В августе 1943 г. папу отправили в Карпогоры за конями. Хороших коней забирали на войну, а выбракованных перегоняли в колхозы. Командировка эта была долгой, и когда папа приехал, мамы уже не было в живых, она умерла от тифа. Младшему брату было всего 2 месяца. Тогда бабушка стала заменять нам маму.

В это время с нами в доме жили 2 семьи – переселенцы из Кирова – Пименовы и Скачковы, так вот когда мамы не стало, Скачкова Елизавета Ивановна помогала бабушке, чем могла. По хозяйству мы много делали сами, конечно было тяжело, но старшие учили младших и помогали друг другу.

В мае 1945-го папа женился на Нине Андреевне, она работала сопровождающей почты, которую возили из Мезени в Пешу. Мы хорошо запомнили, что с этого времени наша жизнь стала улучшаться. Нина Андреевна приняла нас, как своих, а ведь младшему из нас было всего 2 года. В доме воцарился уют, появились подвесы на кровати, накидушки на подушках, кухонная утварь, какой у нас не было. Она шила нам одежду, перешивала из вещей своего первого мужа, погибшего на войне. Всегда сама была опрятна.

Обувь у нас тоже была самошитая, папа шил короткие опорочки из кожи. Или на шерстяные носки нашивали кожаную подошву, чтобы не промокали. Когда стали постарше уже валенки носили, папа их тоже катал сам. Он никакой работы не боялся, – мог складывать печи, делать лодки, шить сапоги, катать валенки, был хорошим рыбаком и охотником. А еще мог играть на гармошке и «русского» плясать.

Запомнилось еще, что у нас всегда было много приезжего народу. Приедут с мороза, заберутся на печку, – ни простыни, ни одеяла не надо. Греются, пока самовар закипает. Без чая ни кого не отпускали.

Много к нам ездило оленеводов. Мы были очень дружны с их детьми, надевали малицы, и бегали с ними по улице, а еще катались на оленьих упряжках.

Хоть и тяжелое было время, но небольшие детские радости все же запомнились – куклы из тряпочек, которые помогала делать бабушка, цветные стеклышки от разбитой посуды, редкие сладости, которые тоже выдавала бабушка.

Думаем, что у многих детство было похожим. В эту нелегкую годину не всем удавалось выжить, но мы, слава богу, выжили, выросли и сейчас живем и радуемся каждому дню.

Полина Федоровна Морозова (Бобрикова)
г. Нарьян-Мар

Самое радостное утро

Война! У каждого она оставила свой след. До войны я прожила 7 лет и жила, кажется, беззаботно. Помню, как шла я солнечным днем в добротной белой панице, помню, как отец приехал, видимо, с ярмарки (ярмарки в то время проходили весной в Мезени, Пинеге) и привез каждой из трех дочерей по игрушке: музыкальную шкатулку, пирамидку и мозаику. Как они распределились между нами, не помню, но до сих пор ощущаю нежную заботу отца.

Беда пришла незаметно. В стойбище приехал вестовой. Может, это был сам председатель тунсовета*. В это время я болела цингой после первого года учебы и не могла ходить, но услышала, что многие стали запрягать ездовых оленей, чтобы уехать по велению приезжего.

В нашем добротном чуме стали накрывать столы, и я поняла – отец тоже едет. Ушел на фронт летним июльским днем 1942 года мой отец Федор Иванович Бобриков, последний из известного на Канине рода Лаптеев, оставив сиротами дочерей. На содержание нас взяла его сестра Анисья Ивановна Латышева. Это была женщина строгая, как любая тетя, требовательная, но любила нас по-своему. У самой было два малолетних сына и муж на фронте. Трудно ей было! Но мы были одеты, сыты. Да, сыты. Было мясо, ведь у отца осталось большое стадо. Когда стада подходили к селам, они мясо обменивали на рыбу, молочные продукты, даже хлеб. Кажется, чая никогда не хватало. Мы собирали и сушили иван-чай, сабельник. Отрывали пучками дикий лук и ели прямо на лугу. Заготавливали морошку.

Тетя пастушила в стаде, ведь мужчин не было. Она находила ягодное место, днем отвозила нас туда и мы, очутившись на этом ягодном ковре, наполняли свои ведерки. Если выдавался урожайный год, то бочка морошки у нас всегда была. Так природа кормила и оберегала нас. Тем временем мы ничего не знали об отце.

До сих пор мы не знаем, где он воевал, где погиб, числится без вести пропавшим. Его имя занесено в окружную «Книгу памяти» и высечено на стеле памятника в селе Несь.

Труднее было в школе, там мы ощущали отзвук войны острее. Над Шойной пролетали немецкие самолеты; раздавался сигнал, учительница нас строила, выводила и мы бежали к землянкам. Самолеты пролетали высоко, с каким-то визжащим звуком. В столовой не хватало хлеба, хотелось есть. Тревожные вести слышали по радио.

Известие об окончании войны мы получили в школе, учились тогда в 6 классе. Мы спали, воспитательница пришла на подъем и, разбудив нас, объявила, что кончилась война. Все обрадовались, запрыгали. Было раннее солнечное утро, кругом лежал снег. Это было самое радостное утро в нашей детской жизни.

2007 г.

Тунсовет* - тундровый совет

Ксения Илларионовна Некрасова
г. Нарьян-Мар

Вся деревня заревела

Четыре класса начальной школы я закончила в деревне Бор Усть-Цилемского района в 1940 году. Родители сразу не отправили в пятый класс учиться в Усть-Цильму, подумали, мол, пусть подрастет годик. А в 1941-ом - война. Никого в среднюю школу учиться не повезли, надо работать в колхозе. Всех здоровых ребят, мужчин и даже некоторых девушек взяли в армию.

22 июня выходим днем на улицу, слышим громкий плач. Побежали к правлению колхоза. А там верхом на лошади прискакал гонец из райвоенкомата, сообщил о войне. У нас тогда не было телефонов и радио. Многим ребятам и мужчинам гонец на ходу вручил повестки из военкомата. Вся деревня заревела.

Нашему отцу Иллариону Кирилловичу тогда было 42 года. Ему тоже вручили повестку. Он поехал в военкомат. Его медкомиссия отправила домой. Так несколько раз его вызывали летом в военкомат, но не брали. Отец просил, чтоб взяли. Мол, всех берут, неудобно... В гражданскую войну он воевал и был тяжело ранен в желудок, еле спасли. Рубец в желудке его постоянно беспокоил. Потом отец работал, в 1939 году ему присвоили звание «стахановец». В войну все трудные работы в колхозе свалили на него. Кроме этого, он был мастером сепараторного отделения от маслозавода. Летом возили молоко в отделение 4-го колхоза и много частных. Молоко перепускали на сепараторе. Сливки увозили в механзавод, в Усть-Цильму. Из обраты делали творог. Во время войны делали брынзу (как сыр, но соленую). Ее отправляли солдатам на фронт.

В июле месяце – начало сенокоса. Работать некому, все опытные косцы на фронте. Стали бригады создавать из детей, учить их косить траву и пр. Звеньевой по сеноуборке в 5 часов утра делает подъем, бьет палкой по ведру около домов. Нас он поведет на луг косить траву в кустах - кумпах, куда не может заехать лошадь с косилкой. Косим, пока есть роса на траве. После обеда ведут убирать сено, грести, складывать в кучи – копны. Лето, жара, комары! Еле дотянем до конца! Усталые, потные, голодные бредем домой! Уже темно.

А у правления колхоза «Красная звезда» нас, сенокосчиков, ждет вкусный ужин. Кормят нас на улице. Поваром работает инвалид (еле передвигается – ноги травмированы) Парасковья Васильевна Чупрова, душевный человек. Всегда был суп с мясом вкусный, второе и компот, кисель, редко молоко. Я сама немножко поем, а дома – три сестры на 5, 7 лет моложе и еще 2-х летняя сестричка. Забираю часть еды сестрам. Когда повар увидела, то сказала, чтоб я баночки приносила и часто немного еды давала. Когда я что-то принесу, – счастье в доме.

В дождливую погоду меня, маленькую, худенькую, легкую брали на силосование*. В большую глубокую яму спускали лошадь, а меня садили на нее. Я лошадь погоняла, чтоб она трамбовала – топтала траву, которую сваливали сверху. Пока яму не наполнят, мне выхода из нее нет. Трава в яме до краев. Я выезжаю на лошади из нее. Часто меня с лошади снимали в обморочном состоянии. Это и сейчас для меня как страшный сон.

Много давали тяжелых работ. Отправили нас, двух девочек, пилить двуручной пилой бревна на дрова, чтобы топить овин**, где молотят ячмень, рожь. Пилим, а бревно-то поднять выше не можем! Пилу зажмет, так повозишься. Да те напиленные чурки только колоть топором, а если еще с суком чурочка попадетс...

Осенью 1941 года в наш хлев поставили 15 колхозных телят. Мне работу дали -

возить на лошади сено с лугов. Чтоб напоить коров, надо начерпать воду из колодца, налить ее в колоду-поилку. Чтобы было полезнее и вкуснее, горячей водой заваривала в деревянном ушате ветки ивы или солому с ивовой корой – это выливала в колоду, смешивала с холодной водой. Навоз от хлева надо было отвозить на колхозное поле.

27 сентября 1942 года отец скончался – открылась рана в желудке, а медработников не было.

Мою маму Татьяну Давыдовну поставили мастером маслозавода, меня – работницей. Приходилось поднимать фляги с молоком, творогом емкостью 36, 38 и 50 литров. Летом возила фляги со сливками и творогом в Усть-Цильму. Доедем до реки Печоры. Я снимаю фляги с телеги, волоку за ручку и крышку, затаскиваю в лодку. Приезжаем, к берегу подъезжает возчик на лошади. Загружаем фляги на телегу, потом сдаю работникам механзавода.

Зимой наше отделение только принимало молоко. Я увозила фляги с молоком на лошади в Усть-Цильму. У крыльца своего отделения ставили фляги на сани. А в Усть-Цильме подъезжала к крыльцу механзавода. Всегда работницы завода помогали мне заносить фляги. Они возмущались, что ребенок тяжести таскает.

Мне часто приходилось ездить в Усть-Цильму. Жители деревни меня просили узнавать вести с фронтов. Там я останавливалась у родственников. Часто заезжала к брату отца Шишелову Митрофану Кирилловичу, заслуженному колхознику колхоза имени Калинина. У них я слушала вести - сводки Информбюро. Я записывала, чтоб людям рассказать. Также мы выписывали газету «Печорская правда», привозила газету, всю почту. Иногда мне давали увезти похоронку. В первые годы войны я не могла привозить хорошие новости – их просто не было. Только одно: сдали такой-то город, убито... взято в плен... От этих новостей я сама так реву, что еле успокоят. А ведь это все мне надо было говорить людям!

После окончания 10-го класса 17-летний двоюродный брат (сын маминой сестры) Степан Артемьевич Томилов ушел добровольцем на фронт. Его отправили на передовую, и он погиб в первые дни. Вскоре погиб сын нашего дяди Василия Тимофеевича Торопова, председателя колхоза. Каждый день деревню наполнял плач, стон.

Два военных лета я работала на огороде. До войны у нас в колхозе был грамотный и опытный огородник Кисляков Григорий Алексеевич (он погиб на фронте в начале войны). На огороде его заменила жена Анастасия. Ей пришлось девочек взять в работницы, ведь у взрослых работа была потяжелее. Нам, девочкам, распределили грядки капусты, моркови, лука, чеснока. Мы работали: Екатерина Лешукова (постарше меня), Шишелова Ксения, Носова Анна, Булыгина Евдокия (десяти лет). Надо было следить, чтобы не было сорняков, поливать каждое растение. Всех сложнее было с капустой: одолевала муха, от которой были мелкие белые яички, а из них – злые гусеницы, которые поедали корень. У каждого кочана капусты мы очищали от гусениц корень деревянным ножиком; выкидывали гусениц в борозду, предварительно убив. Три грядки капусты, больше ста растений на одной грядке – и каждый корень надо было два раза почистить.

Чтобы поливать грядки, мы носили воду деревянным ушатом емкостью 40 литров вдвоем на коромысле. Колодец был в низине, на большом расстоянии. Утром носили воду посменно. За день она нагревалась, а вечером мы поливали.

Выращенные овощи выдавали на трудодни колхозникам. Помню, капусту солили на зиму. В теплицах росли огурцы, помидоры, даже подсолнух. Удивлялись руководители райсовета, что у нас подсолнух растет.

Остальные дети были заняты на других работах. Выходные дни давали по

воскресеньям и то, если дождь идет. В дождь ехали за реку на лодке – рвали, ели щавель, лук луговой. Конечно, иногда болел желудок.

Когда работали на огородах, то нас бригадир иногда отпускал искупаться в реке. Мы брали головной платок, двое за углы и так ловили мальков рыбы. Какое вкусное блюдо – сразу живых, с головой, с потрохами! Поедим, иногда домой принесем с собой, доедаем. Чувство голода вообще не покидало. На сенокосе с девочками ломали ветки ивы, чистили от коры и грызли. На огороде выкапывали на межах корни травы, такие белые, чистили и ели.

Нам в годы войны всегда хотелось хотя бы один раз выспаться по-человечески, а нас все будили. Все работали во имя Победы, нить было некогда. Как наши войска погнала фашистов, люди так преобразились, поверили в Победу!

Девятого мая 1945 года – светлый праздник! Это был и праздник Пасхи, все собрались у качели, которая была высотой с двухэтажный дом. Приехали из Усть-Цильмы представители райсовета. Начался митинг. Сообщили такую радость. Кто засиял, а кто заплакал... Мы качались вдвоем с подружкой, мне сразу в голову пришла частушка и я запела:

Гитлер, Гитлер, ты хитер,
Мы тебя хитрее.
Ты задумал нас разбить,
Мы тебя быстрее!

Другие подхватили:

Ты война, ты война,
Что же ты наделала?
Лет семнадцати девчонку
Без миленка сделала.

Вот и кончилась война,
Неинтересно девушке.
Все придут, а мой останется
В сырой земелюшке.

У нас в деревне Бор было 23 жилых дома. На войну взяли из 17-ти домов 24 человека. Не вернулось – 19. У моей подружки Ани Носовой погибли отец, два дяди (мамины братья), двоюродный брат. Мать ее так и носила это горе до конца жизни.

2007 г.

Силосование* - заквашивание, консервирование кормов без доступа воздуха; наиболее распространенный способ заготовки сочных кормов.

Овин** - хозяйственная постройка, в которой сушили снопы перед молотьбой.

От сост.: Ксения Илларионовна Некрасова награждена медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны в 1941-1945 гг.»

Тамара Лазаревна Ногина
г. Нарьян-Мар

Златые горы

Я родилась в Шапкино, в семье Каневых – Марии Николаевны и Лазаря Андреевича. По словам мамы, они приехали в Шапкино в 1929 году из Ижмы Коми АССР. До 1936 года наша семья была в оленеводстве.

Папа работал в оленсовхозе. Когда началась война, папу оставляли в деревне на броне. Но папа сам рвался на фронт и его взяли 19 января 42-го года. Мама меня взяла с собой на проводы из Шапкино. Провожали их до местечка, которое называлось Пригородки. Там несколько домиков стояло. Это примерно за 20 километров от Шапкино.

Старшие сестры Катя и Люда учились, брат Коля был младенцем, поэтому мама их не взяла, а мы поехали в карете на лошадах. Папа мой играл на гармошке, пел. Перед отъездом к нам зашла соседка и сказала мне: «Тамара, пляши! Папа последний раз играет». Я стояла у окна и топала ногой. Мне тогда было 4 года и 6 месяцев.

Я еще запомнила, как папа в Пригородках заводил на конюшню лошадь, чтобы она отдохнула, ведь нам с мамой обратно еще надо было ехать. Как сейчас вижу: папа стоит спиной ко мне – высокий, широкоплечий, здоровый, а лицо его, как ни пытаюсь, вспомнить не могу... Папа работал плотником, пильщиком и о его работе шла хорошая слава. Говорили о нём: «мастер – золотые руки»...

Ушел папа с земляками на войну пешком – пока в Нарьян-Мар на сборный пункт, потом – на станцию Ираэль Коми АССР. Дальше их обучили в Вологде военной специальности, и на фронт отправили. Папа писал письма, но они приходили с большим опозданием. В письмах он беспокоился о семье, о том, как учатся младшие дети, начал ли ходить сынок Коля (он родился в 41-ом), как здоровье у всех. Он писал: «Маша, не отступайся от коровы, дети помогут». Да, мы помогали маме: старшая Людмила по дому, Катя ходила по грибы, ягоды и удила рыбу, а зимой они учились в Тельвиске. Мы подросли – стали хворост собирать (чтобы хорошие дрова экономить), траву рвать телёнку, в магазин ходить, посуду чистить речным песком (самовар медный, рукомойник, таз, кастрюли). Весной с мамой вместе ходили заготавливать дрова на зиму, сучья собирали в кучу, складывали в костёр. К берёзе подвешивали баночку или бутылку, и пили берёзовый сок.

Летом, во время сенокоса мама перед уходом на работу нас будила: вставайте и приходите потом на пожню поворошить сено. Мы приходили. Высохшее сено гребли – и в кучу. А когда мама к нам приходила после казённой работы, мы таскали с братом Колей кучи, а мама метала в стог. Домой мы возвращались уже поздно.

Служил папа в 106-ом артиллерийском пулеметном батальоне 22 укрепрайона Ленинградского фронта (в/ч 13812). В 1942-ом нам пришло извещение, что папа пропал без вести. Это потом, когда папину смерть подтвердили прибывшие с войны, нам пенсию назначили, а сначала мама её не получала. Вроде бы брат разговаривал с папиным сослуживцем Григорием Заморовым, и тот сказал, что папу ранил в живот снайпер во время затишья, в мае 42-го. В перерыве между боями Григорий пошел в госпиталь, а там ему сказали, что мой папа умер и похоронен на кладбище в районе поселка Осиновая роща. В 1986 году мой брат Николай Лазаревич ездил в этот поселок, но на кладбищенских плитах папиной фамилии не нашел.

А еще в 1963 году на Тельвисочный сельсовет поступило письмо от какой-то

пионерской дружины. Пионеры просили разыскать родственников погибшего на фронте смертью Героя Канева Лазаря Андреевича. Пионеры писали, что найдена его могила и медальон, указан адрес погибшего: Ненецкий округ, Большеземельская тундра. Пионеры сообщили, что они ухаживают за могилой. Письмо без всякой проверки отправили обратно, а семье только позже и устно передали эту информацию. Мы писали письма везде, но безрезультатно...

Я помню День Победы: на лошади мчался мужчина с флагом и кричал «Победа!». Все вышли на улицу и заплакали от радости и от горя (у кого мужа, сыновья не вернулись). Ещё помню, мы с Колей достанем из сундука рубаху папину, пимы и целуем, обнимаем, плачем и поём песню «Златые горы». Нам мама говорила, что папа любил ее петь.

Мама была у нас очень красивая, хорошая, добрая, пекла очень вкусные шаньги, калитки. А когда телёнка забивали, у нас был праздник – чего только на столе не было: кровяные блины, каша на крови, кишки жареные, лёгкие печёные, жаркое... А суп какой вкусный, заправленный черной мукой!

...Я вспоминаю своё детство с любовью. Как снега сойдут, мы все босиком и так до поздней осени. А на сенокос ходили в тюрках - мама шила из нерпы тапочки высокие со шнурками. Тюрк – это шнурок по коми. Она сошьёт тюрки оленьими жилами, а потом нальет туда сирвы (смолы) и держит так, может сутки, может и больше, а потом высушит, и вот обувь легкая становится и не промокает. На праздник мама всегда шила нам наряды из своих сарафанов.

Я помню, был у нас посреди деревни на столбике подвешенный отрезок чугуна или кусок рельсы и по нему били железной штукой. Ведь в те годы не у всех жителей деревни были часы, вот это и были деревенские часы. В 6 утра били 6 раз, в 7 – 7 раз, в 12 дня – 12 раз, чтобы шли на обед. В 17 часов – 5 раз. Мне даже пришлось звонить вместо мамы. Она была уборщица в конторе, а кто уборщица – тот и звонит.

Но работали - то некоторые далеко, звон не все слышали. Поэтому летом поднимали флаг над конторой, он издали был виден. Флаг днем поднят – значит, пора на обед, вечером – кончай работу.

Огород оленсовхоза был не близко к домам. Овощеводом работала Румянцева Клавдия, мать Валентина Евстафьевича Румянцева. На огороде садили картошку, морковь, капусту, репу, турнепс, брюкву. Мы, ученики, ходили полоть мокрицу. Мне очень нравилось работать на поле, нам за это платили деньги. А осенью, после уборки урожая, в каждом доме пахло пареной репой. До чего она была вкусная, сладкая-пресладкая и сок репы пили. А хлеб был какой вкусный! С дырочками! А корочка какая хрустящая – это у белого, а чёрный хлеб был еще вкуснее.

В садик я не хотела ходить, там не нравился овощной суп с капустой. Я выкидывала капусту на пол, мне казалось, будто там червячки. И меня за это наказывали, ставили в угол.

Электричества у нас не было. У нас была керосиновая лампа. Стекло к лампе вырезали из литровой или пол-литровой стеклянной банки. Дно вырезали, а над ним сверху устанавливали железную воронку, а потом уже ламповые стёкла появились в магазинах. Стекла были разных размеров – 7-линейные, 10 линейные. Например, 20 линейные, в основном, горели в конторах, а 5-линейные (слабенькие) обычно в домах.

Однажды мама пришла с работы очень расстроенная, говорит, ходила в лес заготавливать дрова на зиму для конторы, детского сада и пр., и потеряла топор. Топор она носила за поясом. Это было во время таянья снегов, были глубокие лужи

в лесу. Ей сказал завхоз: пока топор не найдешь, денег не получишь, вычтем из зарплаты. Но к счастью, когда подсохло на улице, топор нашёлся. А было и так: мама пойдёт зарплату получать, а там рубль с мелочью. Высчитывали то за камусы, то за постель*, за неблюй**, за мясо, за рыбу. А деньги-то ведь нужны, чтобы купить хлеб, муку, сахарный песок... Тяжело мамочке доставалось растить нас. Если она и обидит меня, то за дело. Я тихонечко плачу, а сама жалею маму, понимаю, что ей трудно.

Праздники мама соблюдала: занавески повесит чистые, печку побелит, напечёт. Мы проснёмся утром, а дома так хорошо: «Мама, когда же ты это сделала?».

*Записано Евгенией Николаевной Растягаевой
2018 г.*

Постель* - шкура оленя зимнего убоя.

Неблюй** - шкура оленя в возрасте от 1 месяца до 1 года.

Парасковья Акимовна Ноготысая
п. Нельмин-Нос

Вернуться в тундру

Я родилась в семье Талеевых 28 октября 1932 года в районе реки Неруты Малоземельской тундры. До войны жили в тундре, в стойбище вместе с Вылками, Канюковыми, Талеевыми. Мы, дети, помогали собирать для костра чума неро – ветки ивняка, сэба – сухие сучья. Играли на улице, ставили чумики. У соседки было много детей. Если одна из них – Паня – обижалась на нас, бежала ябедничать матери, которая приходила и ругала нас. Потом забывались и опять играли вместе.

Училась в Табседе. В первый раз нас возили по губе не то на лодке, не то на доре, не помню. Зато запомнился стук мотора «тук-тук, тук-тук». Во второй год привезли на большой лодке с рулем и шестью веслами. Старик Саркы рулит и успокаивает плачущих. Волны большие. Возили нас так: в тундре – на оленях до Сенгейского, а там на лодке через губу. Помню, в Табседе было много домов, чумы стояли. Маяк огромный помню.

В то время многие болели цингой. У Октябрины ноги опухли, ходить не могла. Всех, кто болел цингой, увезли в Нельмин-Нос. Нас, шалунов, пугали: «Цинга тебя схватит».

О войне узнала в Табседе. В это время питались, чем могли. Ели мясо чаек, нерпы. Но я нерпичье мясо есть не могла. Хлеба не было.

Отец мой, Аким Петрович, когда ушел на войну, не помню, а возвратился в марте 1946 года. Мы в это время гостили у дяди Николая Петровича, он не так давно вернулся с войны. Отец от Нярьян-Мара до Нельмин-Носа добирался пешком. От поселка его довели на оленьих упряжках до чума дяди. Там мы все родственники и встретились. Отец рассказывал: «Из плена освободили. В плену мы копали ямы самим себе. В этот момент вспоминал свою маму, Божью мать и тундру родную».

О Победе узнала в Табседе. Утром в интернате нас будят с криком «Война кончилась!» Ели, сколько могли. Тут и хлеб, и масло появилось. Все были радостные, веселые, довольные. Я вернулась на каникулы в тундру, там и осталась, учиться больше не поехала.

Где-то после войны я заболела страшной болезнью, потеряла сознание. Очнулась в больнице. Не помню, как меня отец довел до Нельмин-Носа. Очнулась, рукой коснулась головы – она голая, без волос. И опять потеряла сознание. Долго лечили нас.

Потом мы с тундры съямдали* в Нельмин-Нос. Наш чум стоял рядом с большим домом. Там жили Пырерки - Осип да Парасковья, Лешуковы, Апицына Фекла. Несколько месяцев я работала в сепараторном. Было несколько коров. Во время плохой весны все коровы подохли. Летом с Октябриной я ездила на сенокос. Бригадиром в нашей бригаде была Неса. Зимой я выезжала в тундру, а потом стала постоянно жить и работать в тундре.

Записано Розой Ивановной Канюковой
2007 г.

Съямдать* - (ненецк.) переехать с места на место, перекочевать.

Николай Васильевич Ноготысый
п. Нельмин-Нос

Мальчики ушли на фронт

Появился я на свет в 1931 году, 22 августа, в районе Лапты Малоземельской тундры. До войны и жили в стороне Лапты. Мама была больной, а отец рыбачил. Играл с Губским Александром, Ефимом, Петькой Канюковым. Играли в городки, арканом ловили рога оленей, лежащие на земле. В Нельмин - Носе играли еще в лапту.

Учился в Табседе. В Колоколковской школе. Возили туда няпоем, ханбуем*, на возах. Детей было много. На оленях доезжали до устья Неруты, а там по морю (по губе) на лодке, на веслах. Окончил шесть классов.

О начале войны узнали от учителей. Только и слышно разговоров: «Война началась». Седьмой класс ликвидировали, мальчики все ушли на фронт. Остались мы, малышня. У нас было по шесть уроков. На улице бегали на лыжах, в спортзале делали упражнения на кольцах, турнике, играли. И в войну играли, вместо пуль были комки снега. Старшие ребята делали карабины из дерева, куда-то ходили.

На питание не жаловались. Ели хлеб по сто граммов, сайку, из сайки котлеты. Повар варил мясо чайки, нерпичье мясо. Нерпичий суп получался очень кровавым. Настоящего оленьего мяса не было, нам не привозили. Еще камбалу да навагу ели. У рыбаков брали.

Одежда была своя, меховая. За партами сидели в малицах, чернила замерзали. Лампа была в классе и в интернате.

Узнав о Победе, все стали кричать и бегать от радости. Как возвращались с войны, я не видел, но слух по тундре прошел: «Вернулись с войны Михаил Иванович Ледков и у Лизы два брата. Аким Петрович пришел пешком».

Всю жизнь работал в оленеводстве, теперь на пенсии в Нельмин - Носе.

Записано Розой Ивановной Канюковой
2007 г.

Ханбуй* - (ненецк.) – возовой олень

Анна Павловна Паршева г. Нарьян-Мар

Судьба и Бог

Родители моего папы Павла Михайловича Поздеева – Анна Федоровна и Михаил Евдокимович, участник русско-японской войны, награжденный Георгиевским крестом – жили в деревне Уег Усть-Цилемского района Коми АССР. Занимались земледелием, ловили рыбу, держали скот (коров, лошадей, овец). У них были дочь и 4 сына, все четверо защищали Родину, воевали с немецкими захватчиками. Папин старший брат Иван умер от ран, средний Артемий погиб.

Когда наша страна становилась на рельсы индустриализации и коллективизации, в деревне жить стало трудно, так как весь скот, орудия труда были изъяты у людей. В те-то времена из соседней Коми Республики появились на берегах Печоры мои родители. Они приехали, чтобы прочно, по-хозяйски обосноваться здесь. Это было в 1937 году.

Перед самой войной родители построили в поселке Сахалин дом, но до конца дело не успели довести, не было ни крыши, ни пола в коридоре. Наступила война.

Моего папу взяли на фронт, когда мне шёл четвертый год. В памяти об этом остался только один эпизод. Я вижу как сейчас: папа перед уходом из дома встает с табуретки, уже в «походной» одежде. Мне тогда показалось, что он такой большой, высокий, был одет в малицу; маличная рубашка была то ли в крапинку, то ли в полоску. У малицы на голове сума черная, на ногах тобоки с оборами, кисточки у обор красивые, мама потом говорила, что сама их плела. Подпоясан был ниже пояса.

Думая об этом эпизоде уже взрослой, я вижу папу настоящим хозяином жизни, уверенным. Ему было 36 лет. Мама потом рассказывала, что провожала папу до Тельвиски. О войне папа не любил рассказывать. Говорил, что это не сказки, а смерть, кровь, горе, страдания, мучения, ад.

7 января 1985 года я была у родителей долго (мы, их дети, жили отдельно со своими семьями), уже собралась уходить, стояла в шапке и шубе у двери. Папа сидел на диване в прихожей, мама – напротив него. Вдруг папа обернулся в мою сторону, наши взгляды встретились, и что-то пронзило меня. Я снова глянула на него и как-то сразу сказала: «А ты, папа, нам никогда не рассказывал о войне». Он спокойно ответил: «Ну, дак и расскажу». Я быстро разделась, попросила у мамы бумагу и карандаш и кратко записала папин рассказ. А 1 февраля 1985 года он умер.

Благодаря папиному подробному рассказу мы знаем его военный путь, начиная с 19 декабря 1941 года, когда из Нарьян-Мара через Тельвиску на фронт была отправлена группа – около сотни парней и мужчин. Среди них был и мой папа. Много он освобождал от фашистов сел и городов, во многих страшных боях участвовал, был не однажды ранен, тяжело контужен, но вновь вставал в строй. При освобождении Кенигсберга (Калининград), где произошло воссоединение двух Прибалтийских фронтов, мой папа встретил своего родного младшего брата Ивана Михайловича! То-то была радость, что они оба живы после такого тяжелого и долгого пути по дорогам войны!

...Перед тем, как папу первый раз ранили (под Великими Луками) моей маме приснился сон, будто папа обнимает ее кровавыми руками. Мама так сильно плакала, думая о папиной гибели, что мы, испугавшись, побежали к бабушке с бабушкой и привели их. Они пришли и успокаивали маму, мол, что ты, Пелагея, о чем думаешь, тебе детей надо поднимать, а Павла Господь сохранит. Мамины родители были верующие.

С папой был однажды поразительный случай. Он шел с донесением в штаб полка и по территории, свободной от немцев, и прошел нормально. На обратном пути территория уже была занята немцами, стояли их танки. Немцы его видят, а он - их. И никуда не свернуть. Папа посмотрел на небо, перекрестился и пошел. Ни одного выстрела не последовало. Еще был случай, когда пуля попала в орден Красной Звезды и отприкошетила, сбив у ордена верхушку одного конца. Так судьба и Бог сохранили нам папу. Мама все просила Господа Бога помочь отцу остаться в живых. Горя у нас и так было много. Были убиты уже два родных папины брата, у мамы – брат и сестра.

Мамина сестра Мария Васильевна Баракова (Носова) жила в Мурманске; когда война началась, муж-морьяк был все время на корабле, а она работала в госпитале. Мурманск непрерывно бомбили. Мария была смертельно ранена и, когда пришла в сознание, продиктовала письмо. Это письмо и принес почтальон дедушке с бабушкой. В нем была просьба: вывезти ее умереть в Нарьян-Маре. Она была молодая, и родители ее хорошо обеспечили приданым. Так она написала, мол, продайте все мои наряды: сарафаны, рукава парчовые, платки, платья, костюмы, только похороните в Нарьян-Маре. Я помню, как все дома плакали над этим письмом, обсуждали, как быть. Дедушка с бабушкой были уже пожилые, такую поездку они бы не осилили. Мама уже и согласилась ехать за сестрой, но родители ее непустили, сказав: «В Мурманск тебя вряд ли пустят, так как там постоянно бомбежки, очень опасно, а у тебя четверо малых детей, муж на фронте, неизвестно, что может случиться с тобой». Все плакали от горя и бессилия. Ехать было некому. Мария умерла, муж ее упокоил, а потом и сам погиб на корабле.

Мы, дети, с 1-го сентября до ледостава все годы войны жили одни. Мама была рыбачкой, дедушка с бабушкой тоже уезжали на путину*. Мама, когда оставляла нас, плакала и целовала. И мы оставались хозяйничать в доме. Наша старшая сестра Ира уже ходила в школу, а мы с друзьями – ровесниками - Люсей, Геной, Аликом, Надей играли, когда на улице, когда дома. В школу играли, да в куклы (мама нам их шила). Ходили гулять так: на одной руке я несла маленькую Галю 1942 года рождения, другой рукой всегда держала за ручку брата Петра. Нынешним умом я поражаюсь – живя одни, мы не сожгли дом, не умерли с голода, нас не обворовали. Правда, за нами немного приглядывали соседи Михаил Алексеевич и Федосья Яковлевна Истомины. У них была своя большая семья. Так вот они приглядывали, но жизнь мы вели самостоятельную. Может, нас спасало то, что в нашем доме было электричество – от радиостанции нам провели. Мы лампой керосиновой и не пользовались тогда. Топили печь, сестра Ира варила, я небольшое постиривала.

На Сахалине магазина не было, мы ходили в Качгорт. За карточки сначала Ира, потом я отвечала. Карточки мы носили завернутыми в бумажку. Мы подавали все карточки продавцу Аристовой, она отрезала, сколько надо, возвращала оставшееся и следила, чтобы мы их положили на место, то есть в карман.

Мы с нетерпением ждали, когда мама вернется с путины, это было как раз перед ледоставом.

Ежегодно с июня до сентября мама нас брала с собой на путину. Сядем в лодку, мама гребет, а мы и заснем. А там, у слияния двух Печор, большой и малой, утес был высокий, и всегда была большая, крутая волна. Нас всегда мама будила, не разрешала спать у этого утеса. «Вдруг волной захлестнет, дак хоть побарахтаемся» – говорила. Жили на путине мы в балаганах, чем могли – помогали, но наша помощь была очень малой, так как мы были еще дети.

3 октября 1945 года был теплый солнечный день. Дома за старшую была я (мне

7 лет), брат Петр (6 лет) и сестренка Галя, родившаяся уже после ухода отца в армию (ей шел четвертый год). Двенадцатилетняя Ира была в школе. Мама была на путине под Сопкой, на Чайкино. Мы всегда дверь закрывали на замочек (металлический засов), так как много ходило цыган и просящих. А у нас и у самих не ахти что было. Мама всегда строго наказывала, чтобы никому постороннему дверь не открывали. И вдруг кто-то в дверь постучал. Я спрашиваю, кто пришел. Слышу мужской голос: «Доченька, открой, это папа пришел с фронта». Я не поверила, ведь мы не знали, что он должен приехать. Дверь я не открыла и ушла в комнату, боюсь открыть. Посмотрела на сестру и брата, оглядела комнату, все ли в порядке, переодела сестру в другое платье и стою - думаю. А мужчина стучит, не уходит. Я снова иду к двери, но ее не открываю. Он просит открыть, и я решаюсь. В дом вошел статный могучий мужчина и поцеловал нас. Это был наш папа, но он был не таким, каким я его запомнила. Я стала греть самовар, а Галю с Петей папа держал на коленях. Нас он накормил тем, что привез – хлебом, консервами, сахаром угостил. После чая папа пошел к Семену Семеновичу Овчинникову – надо было съездить до нашей мамы с вестью, что муж перед отправкой на Дальний Восток пришел ненадолго в отпуск. Семен Семенович проехал 20 километров до бакенщика Дмитрия Ивановича Чипсанова, чтобы следующие 20 километров съездил он. А ведь моторов тогда не было, ездили на веслах! Добрые люди и довели до мамы весточку, и она приехала домой. Пока папа был в отпуске, его демобилизовали, и он остался с нами.

В первые послевоенные годы папа берется за постройку лодок, барж, карбасов, «кавасак» в Печорской МРС для колхозов и различных организаций. Человек старой закалки, настоящий мастер своего дела, он работает на совесть, вдохновенно и с любовью к ремеслу. Не случайно лодка его работы была представлена на выставке деревянных лодок в г. Ниде (Литва).

Мама после войны на производстве не работала, а занималась домашним хозяйством, следила за детьми, ухаживала за своими родителями и папиными. Помню, сядем делать уроки за большой стол, и мама с нами рядом. Сама неграмотная, а подсказывает, помогает нам, причем верно. Был у нее природный ум. И руки золотые, – она была рукодельница, мастерица, быстрая на дела...

Папа с мамой Пелагеей Васильевной прожили в ладу и согласии более 50 лет! Они построили дом, много внимания уделяли огородничеству, благоустройству. Папа все годы жизни на Сахалине следил за состоянием мосточков у озера, куда женщины ходили полоскать белье. Каждый год весной папа подновлял мостки. Всегда старался что-то сделать для людей, и жизнь-то им прожита для них. Был скромным, умным, рассудительным, тактичным. Внутренняя культура и степенность исходили из него. А еще папа очень красиво пел старинные устьцилемские песни... Мама ему подпевала. Любил читать газеты, журналы, хорошо читал и церковные книги.

Записывая воспоминания папы и свои воспоминания о военном времени, я посчитала – шестеро из 14 ушедших на фронт близких родственников мамы и папы погибли на войне. Страшным колесом война прокатилась и по многим другим семьям. Все перетерпели общее горе.

Мы, дети военного времени, были дружными, сочувствовали друг другу. Я до сих пор жалею подружку Люсю Тетеревлеву (Каневу), они очень тяжело жили. Мы переживали вместе, плакали, ведь ее отец Иван Петрович Канев погиб, защищая Ленинград.

Я благодарю судьбу, что мой папа вернулся с войны. Родителями мы были научены – на первом месте труд, порядочность, чистоплотность и порядок во всем. Если ты

пошел двор подметать – чтобы льдинки не осталось. Они говорили, что дом начинается с порога, поэтому уже на мостовой должен быть полный порядок. Потом, надо ведь было и за коровами, за овцами следить. Так что не до баловства. Слово «погулять» не говорили. Когда было время – мы играли в лапту, казаки-разбойники, рассыпную, волейбол, качались на качелях. Хотелось просто играть в короткое свободное время. И совсем не хотелось, чтобы было горе.

2007 г.

Путина* - (печорск.) - время рыболовного промысла

Мария Степановна Пономарева (Корепанова)
д. Лабожское

Люди одной струны

Родилась я в деревне Сопка в 1925 году. В семье нас было шестеро детей, выжило двое.

В школу я пошла семи лет. Окончила 4 класса. С 12-ти лет помогала родителям. Родители работали в сельском хозяйстве и на рыбалке. Отец круглый год рыбачил, а мама управлялась с домашним хозяйством. У папиных родителей из 16 детей выжило только двое – папа и тетя Дуся.

Я из детей была старшая, с 13 лет пошла в бригаду, которая рыбачила в Голодной губе. Ловили тягловым неводом и сетями нагишей и ершей. Меня взяли поваром. Напарницей моей была Ольга Ивановна, постарше меня, ума-разума мне прибавляла. Но и мужчины-рыбаки были нам как родные отцы.

Весной рыбачили на участке, к нему от деревни пешком добираться 10-12 километров, там жили в землянке – бугре. Летом работали на сенокосе. Осенью снова рыбалка и так время шло.

В 1941-ом исполнилось мне 16 лет – и вот я уже полноправный член колхоза «Искра» д. Сопка. Поехали на рыбалку на участок Дресвянка, по дороге услышали, что началась война.

Из деревни на фронт ушло 17 молодых мужчин, остались только те, кто был на брони. Им была работа в тылу – кормить фронт. Пришлось подменять ушедших на фронт. Ни с какой работой не считались, не делили работу на мужскую и женскую. На лошадях - сенокосилках косили (была у меня напарницей Нина Андреевна Чуклина) – днем одна, ночью другая. Мужчины пожилые, в основном, более тяжелую работу делали.

В 1942 году стали привозить переселенцев. Принимали мы их как родных приняли бы родные. У нас были из Ленинграда, из-под блокады, две семьи. Очень им трудно было и через какое-то время они уехали ближе к теплым местам. Но остались еще Николай Чурин с женой и дочкой, Шумилова Александра – тетя Шура - с четырьмя детьми – Валей, Лидой, Катюшей и Володей. Все жили у нас, чем могли, мы помогали материально и морально. Тетя Шура работала на ферме, а дети учились в сопочной школе. Потом кто куда поразъезжались, приобрели профессии, а старшая Валентина учила детей в щелинской школе, часто бывала в Лабожском и считала меня за родную. С ее дочкой Надей, проживающей в Великовисочном, мы иногда встречаемся.

Из переселенцев еще была Лиза Головина, она первое время - года два - жила у нас. Она была мне как сестра. Потом она ушла в семью В.И. Кожевина, у нее рос сын Виталик. Он был для нас своим и родным, ели и пили вместе. До сих пор он имеет связь с нами.

В Большой Сопке и Малой Сопке одной струны люди были. Все уважали друг друга и помогали.

Во время войны была карточная система: рабочим давали 500 граммов хлеба, детям – 400 грамм. Но и талонная система была – рыбаков отоваривали талонами (мука, сахар, мыло). Мы общим трудом и дружбой выжили. Одно жаль, что не стало нашей Сопки. Она выкормила – выпоила не одно поколение людей. Ягоды, рыба – это было основное.

За мою жизнь я благодарная всем, кто помог стать на ноги в трудное довоенное

и военное время. Благодарна старшим, многих из которых уже нет в жизни – Таисье Александровне Слезкиной (Федотовой), Анне Андреевне Чуклиной, Агрипине Дмитриевне Кармановой, Ефиму Хрис... Карманову, Ольге Викторовне Чуклиной и другим, которые приучили наше поколение к труду.

Я до конца войны все работы переработала и со всеми справилась. Молодежь была ранняя, мужественная не по годам.

Война кончилась, немногие вернулись – Степан Николаевич Чуклин (был председателем колхоза), брат мой Саша Корепанов, Изосим Иванович Чуклин...

Во время войны немец был очень коварен, всячески пытался уничтожить советский народ и частично ему это удалось сделать. По всему берегу северного моря мог пролететь самолетом, выбрасывал отравленные продукты паками, бочками, бросал конфеты, печенье, консервы по рыболовецким участкам Чёрная, Верхний Сенгейский, Дресвянка, Варандей. Там везде были рыбаки, оленеводы и они трудились, как солдаты выполняли свой долг. Они первое время подбирали немецкие «посылки», оказавшиеся опасными для жизни. Много людей погибло, отравилось опасной продукцией. Погибли из нашей деревни Федор Николаевич Филиппов, мой отец Степан Матвеевич Корепанов, из других деревень – Лабожского, Носовой, Осколково, Тошвиски, много и оленеводов. Трудно было пережить такое горе. Я потеряла родного отца в июне 1943 года и думаю, если бы погиб на фронте, было бы легче пережить.

В 1945 году меня направили на 4-х месячные курсы бухгалтеров. После 4-х лет работы бухгалтером в колхозе «Искра» перевели в колхоз «Родина» д. Лабожское и 37 лет я там проработала. В Лабожском оказалась моя судьба. С мужем Иваном Семеновичем Пономаревым вырастили 9 детей. У нас теперь живых – здоровых 7 детей, 19 внуков и 3 правнука. У всех мы во внимании. Наша дружба и любовь с мужем за 57 лет супружества не остыла и не остынет до конца жизни.

2007 г.

Нелли Фёдоровна Попова г. Нарьян-Мар

Родное лицо

Мой отец Рочев Федор Дмитриевич родился в 1904 году в деревне Пустыня Ижемского района. Женился на Галине Ивановне Семяшкиной, уроженке деревни Вертеп.

После окончания партийной школы в Перми папа был направлен парторгом на хозяйственную базу Хоседа - Хард Ненецкого национального округа. Там он обосновался с женой и двумя сыновьями. Там в 1938 году родилась я. Папа мне дал имя Нелли. Это немецкое имя мне было дано в честь заключения пакта о ненападении между Советским Союзом и Германией.

В начале 1941 года папу направили работать в окружную столицу, в окрисполком, секретарем парторганизации. Вскоре началась война. Германия все-таки напала на Советский Союз. В последний день перед отправкой папы на фронт, родители сделали фотографию нашей семьи.

Папа ушел на фронт, а мы с мамой и братьями Аликом и Колей переехали жить в Щельяюр Коми АССР к родственникам, ведь без отца в Нарьян-Маре нам было бы не прожить. Мама устроилась помощником повара в рабочую столовую леспромхоза. Братья учились в школе. Я трехлетним ребенком оставалась дома одна. Любила играть лоскутками на русской печке. Однажды играя куклами, села на край печи и упала, долго плакала, а старший брат Алик, который раньше обычного пришел из школы, утешал и жалел меня. Больше я на печи не играла.

Как-то пришла незнакомая женщина и спросила: «Дома ли мама?» Я сказала, что она на работе. Тогда женщина спросила: «Где мама хранит продукты?». Я открыла сундучок, где было немного крупы, муки и сахара. Она все взяла и ушла. Мама, конечно, очень расстроилась, поплакала и строго-настрого наказала не открывать дверь чужим.

От отца получали письма очень редко. Когда весть пришла, что война закончилась, все ходили по соседям, радовались, плакали, обнимались. По радио слышали, что раз война кончилась, живые буду возвращаться.

Весной 1946 года слух прошел, что идет пароход, на котором едут солдаты домой. Это было днем, мама была на работе, я побежала на пристань, очень волновалась и все думала, узнаю ли я папу. Выходят солдаты, кто с солдатским мешком, кто с чемоданчиком, и среди них высокий худой солдат в кителе, с чемоданчиком. У меня было такое чувство, что это лицо мне знакомо и что я его где-то видела. Я подумала: «Пойду-ка я за этим дяденькой. Если к нашему дому подойдет, то значит отец». И правда в нашу сторону направление держит, а я скорей бегу к маме на работу, в столовую. Прибежала и говорю, что много военных приехало и среди них, наверно, наш папа, он к нашему дому пошел. Мама очень обрадовалась, отпросилась у заведующей. Когда мы подбежали к дому, то увидели этого высокого солдата. Он сидел на крыльце и курил папиросу. Отец крепко обнял маму и поцеловал, а меня взял на руки и с улыбкой на лице сказал: «Доченька, какая ты большая у меня стала». Мне очень хотелось сказать папе, что я бегала на пристань, что узнала его, но постеснялась.

*Записано Ириной Михайловной Климиной
2007 г.*

Елена Петровна Сахарова
г. Нарьян-Мар

Мой первый год жизни

Родители мои из Коми Республики, по национальности – коми. Они приехали в округ, в поселок Шапкино до войны, в 1939 году. Отец работал в оленеводстве, мать в школе стирала белье, потом трудилась в совхозе.

С началом войны была организована оленно - транспортная бригада, куда входили и пастухи шапкинских оленбригад, более 25 человек. Там были Артеев Афанасий Михайлович, Рочев Николай Григорьевич, Рочев Григорий Захарович, Выучейский Яков Григорьевич, Чупров Иван Иванович, другие пастухи, в том числе мой отец Рочев Петр Васильевич. Их направили на фронт, в район Мурманска и они возили на передовую мясо-оленину, боеприпасы, а оттуда привозили раненых наших солдат – в госпиталь. И вот однажды сани, на которых ехал папа, перевернулись, а на боку у него висел острый нож, который выпал из футляра. Падая на снег с саней, спутав вожжами руки, папа попал на свой нож, который перерезал ему сухожилия на левой руке. Папу комиссовали, и он вернулся домой. Рука у него со временем высохла, но он долго работал в совхозе, а после пенсии более 14 лет трудился в опытной сельхозстанции. А многие не вернулись – кто погиб, а кто пропал без вести.

Я родилась в 1944 году. Когда война окончилась, мне было чуть больше года. Кто-то скажет, она, мол, войну почти не застала. Да, личных воспоминаний того времени у меня почти нет, многие эпизоды знаю по рассказам родителей. Но я самый настоящий ребенок войны! Я родилась ни до, ни после войны, а во время! И никто не сможет «украсть» у меня мой первый год жизни, который пришёлся на предпоследний год войны!

Я знаю, что моим родителям было очень нелегко вырастить нас. Взрослые трудились много, при мизерной зарплате, почти без выходных, да еще надо было часть отдавать государству, отрабатывать трудовни. Всё, что в семье было добыто трудом – яйца, молоко – почти всё сдавали государству. Хотелось кушать, а мама говорила, больше нельзя, сдать надо. Одежду друг за другом донашивали – я третья, мне одежда доставалась уже двумя старшими ношенная. А семья росла, до войны было двое детей, а стало одиннадцать. Наша мама получила медаль «Мать-героиня»!

В нашей деревне все жили дружно, мы, дети, чувствовали, что нас взрослые любят. Было трудно, но весело. Спасибо моим родителям – они приучили меня к труду, уважению старших, помощи младшим, честности, любви к музыке – мама любила петь, отец был первым гармонистом. Мой трудовой стаж более 40 лет, и столько же лет я являюсь участницей вокальных коллективов.

Я выросла на рассказах отца – о войне, о друзьях. Однажды на фронте им довелось озеро переходить, и тонкий лёд не выдержал тяжести нагруженных саней. Сани провалились, обоз стал тонуть в озере. А был сильный мороз. Пастухи стали обоз вытаскивать, пришлось нырять в холодную воду, в том числе и папе. Спасли обоз, но сами насквозь промокли, замерзли до костей. Грелись у костра, сушили одежду попеременно, вставляли на колени и под горячей мочой оленя грели руки.

Еще он рассказывал случай: папа уже домой ехал, а вместе с ним везли раненых солдат, и один из них стал терять кровь от тряски саней. От потери крови солдат мог ведь и умереть! Мой папа не растерялся и выданное ему чистое бельё – кальсоны и майку – разорвал на ленты и раны перетянул. Так доставили солдата до места. Папе

даже дали благодарность.

В 1953 году мне было восемь лет. В Шапкино, в центре деревни стоял высокий столб с большим чёрным репродуктором. И вот мы стоим с мамой в толпе односельчан и слушаем сообщение о смерти вождя и учителя Сталина – так его народ оценивал. Плакали, рыдали, мол, умер наш любимый вождь, что Победа – его заслуга. Но это и заслуга наших родителей! А те, кто не вернулся, вечная им память!

Первую рюмку в Шапкино всегда пили за погибших. Их вдовы десятками лет замуж не выходили! Я помню, у нас дома, когда вечерами собирались женщины, всегда рассуждали: а может, они не погибли, может живы и живут в другой стране... Всю жизнь у них была надежда... Своих ровесников, у кого отцы погибли, мы уважали, у нас за них была гордость. Клава Рочева, на три года меня старше, всю жизнь ждала своего отца, понимаете, всю жизнь!

*Записано Еленой Ивановной Вергуновой
2007 г.*

Анастасия Деомидовна Семяшкина
с. Тельвиска

Радости мало

Я родилась в 1938 году в селе Щельябож Коми АССР. Папа Чупров Деомид Дмитриевич, мама – Чупрова (Терентьева) Домна Ивановна. Меня там и крестили. В семье было 13 детей – 7 сестер и 6 братьев. Один умер маленьким, без имени.

Мы кочевали в Большеземельской тундре. Папа был оленеводом, работал в колхозе. Каждый день Божий мы ямдали, поэтому все были заняты работой.

Помню очень отчетливо, незадолго перед войной (мне было 3-4 года) мы с братом Федором ехали на оленях. Ему было 18-19 лет. Он остановился, увидел гнездо куропатки, пометил его кусочком мха, думал, я не гляжу. Потом сказал мне: давай прокатимся кругом. Мы прокатились, он остановился и говорит: иди-ка, посмотри, нет ли поблизости гнезда куропатки. Конечно, я его нашла. Старший брат меня стал хвалить, какая я молодец, маленькая, а сама смогла гнездо найти... В 42 году мой брат Федя погиб под Москвой. Через год вернулся с войны его друг Митрофан, с которым брат вместе воевал, и подтвердил, что на его глазах наш Федор голову сложил.

В первый класс я пошла в деревне Бакур Ижемского района Коми АССР. Ели мясо да рыбу-ерш, нечем было заправлять суп, ели пустовару. После войны листья рябины, траву, вместе с пылью муки перемалывали, из этой смеси пекли шанежки. Поймаем ерша и едим его целый день. Весной едим картошку-матку, выжимаем ее и кажется ее сок – крахмал таким вкусным. Однажды нас в школе настоящим супом накормили, мы так обрадовались, было очень вкусно!

Через полгода меня с сестрами Клавой и Аней вывезли в поселок Просундуй, к родственникам. Жизнь в Просундуе показалась богатой. Если в Бакуре рыба не ловилась, за ягодами было идти далеко, то здесь для нас был рай.

С осени до весны жили в интернате в Тельвиске. Клава занималась шитьем для оленеводов, а мы с Аней учились. В Тельвиске нас кормили по времени, голодно не жили. Одевались обувью и одеждой из интерната – шапки, платки, валенки, но часть одежды была своей. Русский язык выучили в Тельвиске. До этого говорили только на коми.

В моем детстве особо радости не было. Иван, Григорий – у отца братья погибли. Помню, когда сообщили о Победе, моя дядина Анна так ревела, мне казалось, лес на корню ломается...

Записано Еленой Ивановной Вергуновой
2007 г.

Василий Фёдорович Семяшкин с. Тельвиска

Дёль Вась

Нас у родителей было девять – пять братьев, четыре сестры. Первой сестра Людмила родилась, она с 36-го года, а я – второй, с 38-го. Родился я в Коткино, там был наш дом. Родители мои – Аграфена Федуловна (из рода Хозяиновых) и Фёдор Ильич Семяшкины, оба коми. Отец был в оленеводстве.

Про начало войны я ничего не помню. Отца взяли на фронт в 41-ом году, и мы первое время жили в Каменке у Батманова Алексея, в его семье. Нас было много, мама из-за этого нигде не работала, и мамин отец взял нас в тундру.

Дед Федул был хороший человек, учился в церковной школе, знал все молитвы. Он до войны вступил в колхоз, но у него оставалось и своё хозяйство (олени). Семья у него была большая – 14 детей (потом-то 6 осталось – кто маленьким умер, кто на войне погиб). Да у матери сестра умерла, дед Федул к себе её троих детей взял, да нас еще взял. Так мы и росли у деда. Дедушка с утра проводил службу, а потом мы только за стол садились. Жило много народу, да еще часто приезжали, стол у бабушки не убирался – все время она кого-то обхаживала, всем старалась угодить. Была мудрая, хоть и неграмотная. Что ели? Мясо да рыбу, хлеба было мало, редко удавалось мясо обменять на хлеб. Мы, маленькие, морошку собирали.

Помню, мне было года четыре, над нами пролетел самолет, очень низко, мы бросились врассыпную. Потом говорили, самолет – разведчик.

Сызмальства я стал сам ездить на оленях, ещё и шести лет не было; дали хорей маленький, ну, не хорей даже, а палочку, ветку какую-то. Смиранных оленей дали, сказали за дедушкой ехать, я и поехал. Ямдаты* -то надо, а править некому, вот я и еду. Что могли – помогали. Топор маленький дадут, надо еру собрать и привезти. Вот занимаемся, каждый себе костер наподобие дровяника из еры делает...

Всё, что скажут, то и делаем – камусы делать дадут, мы и сидим, трём, пока мездра** не побелеет. А дела нет – тогда играем, а игрушек – только рога оленьи. Вот и играем, будто бы на оленях едем, или караулим их, клички им даём.

Мама показывала нам благодарственные письма отца – из части посылали. Мама учила: на войне и то хвалят; так и вы нас слушайте, как папа командиров.

Воевал у нас не только отец, дядья тоже воевали. Они были неграмотные, - дядя Иван и дядя Петра, а по-русски вообще не разговаривали и писем писать не могли. Видимо, пришли похоронки на них, и дед все не верил. Он верил в сон, что они живы.

Как-то к нам дядя Гоша приезжал на побывку. Несколько дней пожил и уехал. «Куда, бабушка, он поехал?» - я спрашиваю у бабушки. Она говорит: «Этих худых людей убивать, а то они на нас идут». Так и говорили – худые люди, мы не понимали, что такое фашисты. Дядя Гоша у нас был подводником и он вернулся.

Отец в 45-ом году приехал, кто-то привез его. И я к нему забрался на колени, мне сказали, что это отец. Помню, медаль у него была на груди.

Папа нас забрал, мы переехали во второе стадо (Ненецкий оленсовхоз) и продолжали жить в тундре. Отец работать начал, паек ему стали давать, жить стали получше. У нас, детей, настоящая работа была – взрослые привозили еру, мы около чума рубили ее на дрова и все делали, что взрослые скажут, что нам под силу.

Отец был строгий – не наказывал, но был крутой. Сильно не спросишь у него, скажет чего - без оглядки бежишь. Его все ребята боялись. Вечером шалим в чуме, он

как крикнет, дак нас всех как косою скосит. Так и жили. Я, как и отец, и дед, всю жизнь работал в оленеводстве – в Ненецком совхозе, потом в ОПХ. Там наверно, помнят, дель Вася. У нас три Василя было: бабушкин брат – большой Вась, бабушкин младший сын – средний Вась, а я – младший, по коми – дель Вась.

*Записано Еленой Ивановной Вергуновой
2008 г.*

Ямдать* - (ненецк.) – переезжать с места на место, перекочевывать
Мездра** - кожа, из которой произрастает мех

Марфа Андреевна Семяшкина
п. Нельмин-Нос

Ни одного огонька

До войны-то особо ничего не помню, маленькой была. В тундре жили, на острове Сенгейском. Там родилась в 35-ом. Родители ездили на охоту за песцами, а мы оставались в чуме. Готовили лед с озера. Целый день одни. Вар жуем играючи. Родители вечером приедут, все соберутся. По настоящему едим вечером, обедаем, пьем суп из пиал через край. Потом и спать ляжем, из пожилых кто-то поет песни - хынабцы, сказки рассказывает. Мы, дети, слушаем и засыпаем.

Потом жили на Верхнем Шару до войны. Родители ловили камбалу, на рыбалку ходили.

А потом, в недолгих-то и война. Все мужчины уехали, и папа наш тоже. Остался Андрей Иванович Выучейский, у Луизы отец. Остальные все в армию ушли. С моим отцом ушел его двоюродный брат Яков Иванович.

Мама пастушила, ведь не осталось пастухов. В чуме – две семьи. Мама с Анной Дмитриевной уедет и целый день в стаде, а мы опять одни. Мотя, старшая сестра, чаем напоит, я и Ося уходим бродить по тундре. Потом русская Наталья Волкова учила мою маму печь хлеб. Пока война-то не кончилась, мама работала в пекарне в Верхнем Шару.

В восемь лет я пошла в школу. Нас увезли учиться в поселок Табседу. Летом, во время каникул, матери ходили на рыбалку. Все женщины. Уйдут на двое – трое суток камбалу ловить. Пока их нет, мы вместе – я, Ирина, Неко и ее братик Сергей – бродили по тундре, по твердому берегу губы, студенистых медуз ловили. Когда созревала ягода, морошка, ходили собирать их.

Мамы наши говорили: «Если услышите гул самолета, сразу ложитесь на землю». А мы, как увидим самолет, наоборот, бежим к чуму, в деревню. И морошка у нас рассыпается...

Один раз немецкий самолет очень долго летал над поселком, кружил. Мы в деревню прибежали, а никого там нет. Все люди оказались на горе. Тогда был заготовитель Голубков Санко – Александр. Морошку он принимал, на продукты менял. И вот все люди оказались на берегу. Нам говорили: «Если громить будут, сразу бросайтесь в воду». Самолет летал, летал и ушел, пролетел. Был немецкий самолет, мы кресты видели.

Женщины сами на зиму дрова заготовливали. Мы с родителями летом ходили за реку, по берегу губы. Дрова складывали вместе, а потом увозили.

Пароходы вдалеке ходили. Один раз всю ночь мы не могли спать. Всю ночь на море-то шел бой. Шум, взрывы, как в кино бывает. Не спим, родители все встревожены. Мы все одетые, наготове куда-нибудь идти.

Анисьин отец со стороны Табседы пешком шел, с войны возвращался. Губа-то неширокая, дак с другой стороны губы его крик доносился, раненый он, наверное, был.

В Табседе, когда зимой учились, окна закрывали чем-то черным, говорили, чтобы ни одного огонька с улицы и с моря не видно было. Вот у нас одна повариха была, маленькая такая, дрова собирать пошла, потом рассказывали: встретился ей немец – не немец, мужчина подозрительный. Спрашивает: «У вас пушки есть?» и про другое военное спрашивает. Она очень испугалась. Не зря говорили, чтоб вечером ни одного огонька не было видно. У нас лампы были, а в чуме – сальники. И наши матери шили

при этих сальниках.

Соли не было, мыла не было. Для того, чтобы еду варить, использовали морскую воду. Болели еще чесоткой в Верхнем Шару, а лекарств не было. Соленой водой нас все мазали. А так вроде другими болезнями не болели.

У нас дед Егор Матвеевич был охотником, помогал нам. Песцов много добывал. Вот продукты получит да нам даст, а мы поможем Агафье - бабке, у нее Осип тоже на войне. В одном чуме жили, дак все помогали. Дети у нее маленькие были.

В сорок третьем году в Табседе, в самый тяжелый год войны-то даже не все время учили, зимой дров не было, свету не было, керосина тоже. Кто как мог, делали сальники – свечи из жира животных. В интернате мы только лежали на койках, до той поры, пока нам из Нельмин-Носа не послали обоз дров для школы. Старших девочек постали грузить, пилить эти дрова, нас на помощь отправили. Когда дрова появились и начали топить печи, у нас и учеба началась.

Первой моей учительницей была Вера Ильинична Баданина. Ксения Петровна, Татьяна Степановна были, фамилии не помню... Кузнецова Мария Георгиевна... Мужчин - учителей не было. В войну старшеклассников было немного, почти всех забрали в армию.

Нам, оставшимся, очень тяжело было, конечно. Нерпичьи пимы носили, другой обуви не было. Ходили в паницах да малицах. Когда в Нарьян -Мар в 47-ом году поехали, тоже в меховой одежде были. Вместо сумочек у нас были ящички, сколоченные из фанеры.

Вспоминается, во время войны в Табседе рыбаки ловили навагу да сайку. Вечерами мы ходили чуть ли не всем интернатом за навагой. Есть хотели, брали наволочки с собой. На морском льду много куч наважьих. Подальше пойдём, со старшими набираем рыбку в наволочки. Сторожа-то кричат. Мы бежим. А трещины такие большие. Старшие ребята нас за руки возьмут и помогают прыгать. Страшно, очень страшно было мне! С этими наволочными мешочками много ли - немного ли наберем, чтоб покушать.

В самый тяжелый год войны-то лошадей даже убивали, варили суп. Лошадиный суп варили, так не все мы ели. Кашу манную утром давали. Тарелка большая, глубокая, каша манная едва донышко закрывает. А если каши нету, дак кусочек хлеба давали. В самый тяжелый год войны с питанием очень тяжело было. Мама моя пекарела в Верхнем Шаре, так хлеб пошлет иногда да сала кусок морского зайца. Сало белое, прозрачное. Мы всей комнатой черный хлеб макаем. Женщины сами не охотились на морских животных. Их моряной* на берег выбросит, вода спадет, и женщины тогда уж все вместе забивали их. Нерпичьи – то пимы оттуда.

Девятого мая рано утром в интернате двери комнат открыли и закричали «Победа! Победа! Идите все в школу!». Радио-то не было тогда. Все в школу побежали, гуртом. В школе учительская маленькая была. И голос-то слышно: «Победа». В учительской было радио. Оттуда все слушают. В тот день нас кормили хорошо. Праздничный обед был. А что говорили, не помню.

Где-то стали с войны приходиться. Старшие девочки говорят, что моего отца видели в Нарьян - Маре, скоро приедет. Вот мы ждем с Мотей, старшей сестрой. К середине или к концу мая мой папа вернулся домой в тундру. Добирался где пешком, а где на оленьих упряжках. Меня из школы увез в чум. С отцом поехала. Радости-то сколько было!

После войны жили в Верхнем Шару. В доме жили. Отец мой мастерил деревянные койки, ложки, нарты мужские и женские для тундровиков. У нас же не было кроватей,

он нары делал. Он был мастеровой.

В доме было две комнаты. Одну занимала счетовод Шура Вокуева. А другую комнату занимали мы. Комната была большая, и вместе с нами жили семьи: Апполинария (мама Ирины Михайловны) с сыном, Федосья Семеновны мама – Сэре - бабка, еще две женские семьи. Все вместе жили. Домов-то порядком было, больше десяти. Баня была. Туда ходить боялись, говорили «Привидения в той бане». За баней озеро было. Летом туда купаться ходили.

Во время войны кто-то из мужиков вернулся. Четыре лося приносили и на всю деревню лосиное мясо делили, чтобы каждый мог суп сварить. Война дак. Со всей страны лоси на Север двигались. Утром рано целым стадом лоси мимо деревни пройдут. Звери бежали. То и песца во время войны тут много было, волков. Летом около пекарни на озере птички плавали, их из ружья били. Еще ходили силки ставили на куропаток. Весной, когда из школы придем, далеко ходили. Женщины куропаток ловили. Чуть не забыла: летом на каникулы домой приедем, а там ведра, полные чайных яиц. За губой на островах гнезда почти друг на друге расположены. Женщины собирают эти яйца. Они такие большие... Как - ли выживали. Дружно жили, друг другу помогали.

На всю деревню была одна корова. Катя - бабка во время войны её доила. Бык был один, Орлик. Женщины поедут рыбу ловить. Маленькая Светлана, может, кушать хотела, плакала, а ей мы говорили «Не плачь, а то Орлик придет». В тундре тоже по вечерам, когда не могли уснуть, страшили «Спи, не разговаривай, а то страшный Нялыбук** придет, вылизет твой зад». В чуме за подушку осторожно поглядываешь, смотришь, не пришел ли страшило.

Однажды, когда ехали учиться в Табседе с Верхнего Шара до Нижнего шара на лодках, едем, сильный ветер, а наши бабы - Сэре Бабка, моя мать, да Саня - бабка гребли веслами. На море показалась спина и хвост. Хвост как у кита, а спина как пила. Может, это был кит. Он плывет. Мы все испугались. Наши мамы говорят «Молчите, а то приплывет он к нам и распилит нашу лодку». Такая рыба плавает в наших местах.

Когда-то весной с каникул, пока губа стоит, на оленях нас перевозили. С Нижнего шара когда едем на каникулы, бывает тепло уже, солнышко. На губе-то трещины. Мы губу переехали в Верхний шар, оглянулись, а лед уже на кусочки раскололся и ушел. Хорошо, что успели переехать через шар. Родители переживают. Вот-вот лед переломается. Могли все перетонуть. Перешли как-то удачно. Вот такой случай был. После войны уже.

В Табседе учились тоже при лампах. На стол положат табуретку, не нее лампу. Одна лампа на весь класс. Писали чернилами. Хорошо, чисто писали. Тетради были. После уроков писать не было бумаги. Вот и старались писать чисто, чтобы не переписывать.

После войны, в сорок седьмом году, увезли нас в Нярьян-Мар. Поехали с Верхнего шара через Оксино. В Нельмин-Носе и Трех Буграх болели брюшным или сыпным тифом. Детей из этих деревень не везли в школу, а нас привезли через Оксино. До Оксино на оленях ехали, а в Оксино – на лодках, а с Оксино – на пароходе. Пароход нам казался большим, да еще с колесами. В Нярьян-Мар приехали в паницах и малицах. Встретил нас Авенир Авенирович Торков, – молодой, тоненький, в солдатской форме. Он впереди идет, мы за ним. Пыль столбом от наших ног. Все на нас смотрят. А потом постепенно мы стали нормально одеваться. Сначала все свое было, а потом все выдавали. Все нормально было, весной сажали овощи. В базовой школе свой огород был. Сажали капусту, морковку, много чего. Мы помогали на кухне,

ложки на улице песком чистили. В школе-интернате хорошо было. Физкультурник Саламатов зарядку со всеми на улице в любую погоду проводил. Ветер, дождь – он нас гонял на улицу зарядку делать. Стадион рядом был. По стадиону круговую хочешь - не хочешь, бегали. Это хорошо было. А все же, видимо, не хватало иногда еды. В Кармановку ходили, на опытную станцию. Картошку воровали, морковку да репку. Репу в соленой воде вымочим (горечь чтобы убрать) и сырком едим. Утром техничка печки растопит – мы картошку жарим. Хорошо!

*Записано Розой Ивановной Канюковой
2007 г.*

Моряна* - (поморск.) - высокий уровень морского прилива, вызываемый ветром большой силы северных, северо-западных направлений; ветер, как правило северных румбов, нагоняющий морскую воду в устья рек.

Нялыбук** - мифическое ненецкое чудовище, шаман.

Роза Ивановна Семяшкина
г. Нарьян-Мар

Без слез – невозможно

Родилась я в Коми АССР, в деревне Росвино Усть-Цилемского района. В семье было 6 детей, но после войны осталось только двое, я и моя старшая сестра Акулина. Конечно, мы не видели снарядов, не слышали бомбежек, но вспоминать то, как мы жили во время войны, очень трудно.

Как началась война, не помню. Во время войны я жила у бездетной тетушки, мужа у неё забрали в армию. Жила я у неё и доила корову. А было мне 6 лет, я в 35-ом родилась.

Все лето работали на косилках, а зимой сено вывозили. Уедут, приедут поздно, я корову подою. Эта корова такая умная была, как сейчас помню, Звездочкой звали. Я надою целое ведро (ну, что там ручонки в шесть лет – то), а корова даже не шелохнется. Я от работы устану и засну тут же. Соседи придут за молоком и обычно скажут: «Молока нету и доярки нету». Соседи меня занесут, молоко занесут, процедят молоко, а потом говорят: «Доярка, просыпайся».

Один раз позвала я ребят к себе, трудно жили тогда, во время войны ребята очень голодали, а у тетушки и корова и овцы были, жила - то тогда она неплохо. Обычно тетушка печку топила и ставила в чугунный казан репу парить. И вот она приезжает с сена и говорит: «Ты че, девка, чего так много репы - то съела?». А я ей говорю, что не одна я ела и перечислила всех ребят, кого в гости пригласила. Она меня отлупила. Своих детей у нее не было и вот этой доброты, материнской ласки в ней не хватало. Я думаю, ладно...

На следующий день, когда она опять уехала за сеном, я, недолго думая, надела малицу, одела коты, увидела - почтовые лошади идут – и думаю: «Я все равно уеду от тетушки». Села я на сани, а потом оказалось, что они не почтовые были. Привезли меня обратно, рассказали тетушке, она меня снова отлупила.

Я задумала – тоже настырная была: «Нет, я все равно уеду к маме!» Мне тогда всего 7 лет было. На следующий день все по хозяйству сделала, собралась и вышла на улицу. Смотрю, действительно, почтовые лошади едут. На первой лошади почтовый едет и последний тоже почту везет. Я на сани заскочила и кувырком в сено свалилась.

Приехали в Хабариху, а я в сене - то зарылась, видимо, уснула. Меня будят, слышу, один мужик другому говорит: «Посмотри, у нас бесплатный заяц». Я заплакала. Они стали спрашивать: «Откуда ты, девочка? Куда ты едешь?». Я только сквозь слезы прошу: «Не возвращайте меня к тете, доведите меня до Бугаева, пожалуйста».

– А в Бугаеве-то у тебя кто?

– Там у нас дедушка Никифор, у него борода белая - белая и зубы у него белые, у них там один только дом за курганом.

Ну, они и довели меня до Бугаева, до дедушки, и говорят: «Принимай живую посылку. Это твоя внучка, Васильевич». Я плачу, а он меня обнял и начал успокаивать. Я где-то неделю у него прожила, а потом меня отвезли в Росвино. Приехали мы утром на постоянный двор недалеко от школы. Внучка тетки Марии завела меня в школу. Смотрю, мама сидит около печки, дрова кладет, плачет и тихонько сама себе говорит: «Да, Лина со мной, а Роза - то моя где?». А у меня ума-то! Я как закричу: «Мамочка, я здесь!» и ведь даже не подумала, что мама сердечницей была, могло ведь просто сердце не выдержать. Она повернулась и заплакала. Я подбежала к ней. Она начала

меня целовать и спрашивать: «Как ты здесь оказалась? Откуда ты?» Потом она печку истопила, и мы пошли домой, вот после этого я с мамой жила. Но все равно на лето меня почему-то забирала тетка. Но уже тогда она меня не обижала!

У нас такого не было детства, чтоб мы бегали, играли. Не было у нас времени поиграть, кукол у нас не было, это было самая тяжелая пора... Когда к нам пришло письмо, что папа умер, собрались женщины, много женщин. У нас в деревнях принято было: где похоронка придет, там соберутся и плачут. Мы с сестрой возвращались из школы и, подходя к дому, услышали плач (вой). Сестра зашла домой, а я (хорошо помню) схватила санки, и пошла кататься на горку. Я не могу объяснить, отчего я так сделала, мне было неприятно туда идти, не знаю даже.

...Однажды рано утром (радио у нас не было, а висел набат – это такая железная рельсина) в набат люди били и кричали: «Победа! Победа!». Мы все побежали к магазину. Вся деревня собралась, все радуются, плачут, смеются. Ну, а мы стоим с сестрой и радости у нас мало... очень тяжело это вспоминать... без слез невозможно...

*Записано Ириной Михайловной Климиной
2007 г.*

Анна Ивановна Слюсарь
г. Нарьян-Мар

Как чайки

Я родилась в деревне Осколково Ненецкого округа. В Носовую родители переехали, когда мне было примерно 3 года. Мой отец Дуркин Иван Николаевич родом из Бугаево, мама Дуркина Анна Федоровна из Лобазово. Это Усть-Цилемский район Коми АССР. В семье было четырнадцать детей.

Родители были неграмотные, вместо подписи ставили клеймо. Вся их жизнь – это тяжелый каждодневный труд. Папа был кадровый охотник, не воевал, имел бронь. Мы очень мало видели отца, он все время в тундре бил пушного зверя, а летом работал еще и на сенокосных участках.

Отцова изба находилась в 20 км от Носовой, и я, хоть и мала была, представляла тундру, как отец бредет по снегу в свою избушку, совсем один, и так его жалко становилось.

Мама, как и многие другие женщины, все время рыбачила. Во время войны маминой долей стал тяжелый неженский труд на воде, холод, голод, почти что разлука с детьми. Наши родители жили, как чайки: летом – на воде, зимой – на льду. А мы, дети, были предоставлены сами себе.

Когда началась война, мне было пять лет. Я очень жалела маму, которая все время плакала по сыну. Брата Ивана в 18 лет забрали на войну. От Архангельска до Вологды парни шли пешком, потом брат написал, что до дыр проносил тобоки. Ивана определили на курсы пулеметчиков. В последнем письме он написал, что скоро отправят на фронт. А в недолгих пришло извещение, что брат пропал без вести. Тяжело было смотреть, как мама убивается.

В моей памяти хорошо сохранился день, когда мы узнали, что война закончилась. В холодном клубе женщины ремонтировали рюжи, все были в малицах, только переселенки с Кировской области – в фуфайках. Кто-то заскочил в клуб и сказал: «Война закончилась!» Все бросились в правление колхоза, женщины заплакали, закричали, поднялась суматоха. А мой брат Федор тоже с криком «Война кончилась!» сорвал один из красных флагов, которые по случаю Первомая были развешаны на углах домов, быстро вскарабкался на крышу и, радостный, водрузил флаг на князек дома в честь такого великого события.

Все снова плакали, а вечером собрались за столом. Мама хорошо пекла, и я помню ее вкусные плюшки в тот день. И ее слезы – мама все плакала по погибшему Ване. Этот день Победы навсегда остался в моей памяти праздником со слезами на глазах.

Записано Надеждой Алексеевной Ярковой
2007 г.

Зоя Павловна Сторожик
г. Северодвинск Архангельской области

Твори молитву

...Однажды, незадолго до окончания войны, мама рассказывает мне свой сон: «Мне приснилось, будто свекор дал мне белого коня. Я его пыталась удержать, но он был строптивый, вырвался и стал бегать. Я его ловила, очень долго ловила, и все-таки поймала». Я спросила, что же этот сон значит. «Это значит, папа с войны придет» - сказала мама...

Мой папа Павел Иванович Терентьев был из Брики Коми АССР, из зажиточной семьи, у них был свой заводик кожевенный. Папа знал финский язык, потому что его мать Анна была финкой. Про папину семью говорили, что они были такими трудолюбивыми, что работали даже в воскресенье. Мама Анфиса Петровна тоже была из коми, из рода Каневых. В маминой семье (они жили в Бакуре) было 14 детей, все трудились. Отец её был писарем в церкви, братья пели в церковном хоре.

Я родилась в 1934 году. Мама меня крестила. Как и многие, мои родители приехали в Нарьян-Мар начинать новую самостоятельную жизнь. Жили сначала в бараке, после в здании типографии, на улице Смидовича. На первом этаже были цеха, а на втором жили все работники. Наша семья - мама с папой, нами, детьми, жила в маленькой комнате, в которой умещались две кровати, два стола, сундук, маленький навесной шкаф для посуды, а под ним бочка с водой, ящик для белья, умывальник и вешалка. А когда отец сделал шифоньер, то его поставили почти посреди комнаты – не было места.

У мамы было больное сердце, она работала уборщицей. Мама хорошо знала писателей Маремьяну Голубкову, Николая Леонтьева, других работников может быть оттого, что труд уборщицы не ограничивался в ту пору только уборкой. Мама вставала ни свет - ни заря, растапливала в здании печи, готовила дрова, а их много надо было, носила воду из колодца. В течение дня надо было разжигать примусы, готовить сотрудникам чай, быть курьером. Мама тяжелые моторы носила на берег заряжать, туда, где дебаркадер стоял. А еще ведь полы надо было мыть! Коридор был некрашенный, помню, как с мамой тёрла его голиком да с песочком, горячей водой, чтобы он отдавал янтарной желтизной. А если мыть без голика и песка, то пол был синеватым. Мама вставала ни свет – ни заря, растапливала в здании печи, готовила дрова, а их много надо было, носила воду из колодца, и мы ей помогали. В течение дня надо было разжигать примусы, чай готовить сотрудникам, выполнять. А еще она тяжелые моторы носила на берег, где дебаркадер стоял, заряжать. А еще полы надо было мыть. Маме приходилось и за курьера быть, ей в других учреждениях говорили: «Ну, Анфиса Петровна, хорошо живешь, чулки нарядные носишь». А они одни-то всего и были, она только на выход их берегла, а все остальное время так, без ничего ходила.

Мама была труженица, её уважали. Часто приходили и рассказывали ей свои беды, а она только слушала и молчала. И мне говорила, вот видишь, Зоя, мне секреты люди доверяют, знают, я никогда ничего не пересказываю. Еще мама шила очень чисто, качественно, вся наша одежда была ею сшита. И на заказ шила. Со шкурами оленьими заправски справлялась – так на косе их обрабатывает, что они как шелковые становятся, и бурки сошьет. Всё шила и меня научила. Говорила, главное – терпение, аккуратность и красота. Любила, чтобы даже тайный шов был как на показ. У неё был вкус.

Папа попал на Карельский фронт, был ефрейтором, стрелком 31 отдельной горно-стрелковой бригады. Освобождал Кольский полуостров, Финляндию, Норвегию, Польшу, Чехословакию, потом их перебросили на Дальний Восток (война с Японией) и была еще тяжелая зимовка на Чукотке... Домой он вернулся в только в 46-ом. И мы жили без папы – мама, я, маленький Юра, он в 36-ом родился. Жили, конечно, трудно, как все в то время. Мама во время войны участвовала в строительстве военного аэродрома. Его, считай, женщины и построили, а ведь основную работу у них никто не отменял. Мама сильно уставала, но виду не показывала.

Летом и осенью ходили в лес. С утра до вечера мама работала, а ночью мы собирали ягоды, грибы. Возвращались в город к началу комендантского часа, то есть к 6 часам, чтобы маме до работы можно было ещё чуть-чуть поспать. Но ведь точно не подгадаешь без часов, иногда придёшь немного пораньше и просишь дежурного пропустить (комендантский пункт у Дома культуры, в районе стадиона был). Некоторые и пропустят. А когда дежурил один мужчина из редакции, работала мама с ним вместе, на одном этаже жили, ни за что не пропускал. Уж просят его, просят, ведь знакомые же, не враги, с детьми маленькими, только через дорогу перебежать – и вот он, дом, а дежурный - ни в какую. Боялся за себя.

Из детских лет что мы вынесли? Перед нами мамин пример был, а она трудилась, всегда много. Говорила, всегда делай так, чтобы не было стыдно. Мы на маму смотрели, как она жила – терпела, прощала, не осуждала.

Мы маме помогали, а когда время было свободное, играли. Дети во дворе жили дружно, например, брат Юра дружил с Кимом, сыном редактора «Нярьянки» Андрея Гурьевича Рочева. В школу ходили, старались хорошо учиться. Но, конечно, знать, что идет война и твой отец на этой войне, очень тревожно. Я боялась. Мне помогли девочки-устьцилемки. Одна девочка Настя на мои слова, что я боюсь за отца, сказала: «А ты молитву твори, и не будет страшно». И я молилась, как могла. А мама моя ежедневно молилась. Наверное, не зря.

Однажды вечером, когда укладывались спать, я вдруг сказала маме – не знаю, почему, безо всякой причины: «Сегодня папа приедет». Мама ответила: «Ой, Емеля! Мели, Емеля!». Тогда я подбежала к медсестрице Кате – ее подселили к нам жить: «Катя, сегодня мой папа приедет». Катя отмахнулась: «Ну, приедет, так приедет». И мы легли спать. В 23 часа теплоход подошёл к пристани, мы слышали его громкие гудки, но никто не обратил на них внимания. А ночью нас разбудила мама. Мы открыли глаза, а перед нами стоял папа.

Оказывается, его еще месяц назад демобилизовали, и он сразу поехал к своему отцу, в Брику. Помогал ему дом поправить. Кто-то, приехавший из Нарьян-Мара, сказал ему, что у мамы есть ночлежники. Папа решил приехать без предупреждения, проверить, какие такие ночлежники у его жены. И мама сказала: «Вот, смотри, какие: медсестра Катя, да Зоя с Юрой. С вечера спорят, кто со мной спать будет. А я скажу - не спорьте, я лягу посерединке. Так и спим».

...Папа вернулся другим человеком. Раньше не курил, а стал курить, пить. Иногда у него бывал очень тяжёлый взгляд. В такие моменты я его боялась. Один раз он пришёл домой поздно вечером, а у нас стоит постиранное белье, которое мы с мамой хотели развесить утром. Папа велел мне идти на чердак развешивать. Ослушаться нельзя. Я вышла с бельем в темный коридор, а дальше идти боюсь. И обратно – боюсь. Стою, плачу. Вдруг кошкины глаза в темноте увидела. Схватила кошку в одну руку, таз – в другую и пошла. Кошка кричит, вырваться хочет, а я крепко держу её, с ней мне не страшно. Так и дошла до чердака.

Мы папу очень любили, а люди его ценили. Оленеводы-однопольчане, их родственники, знакомые, а то и незнакомые люди у нас часто останавливались, в любое время дня и ночи приезжали. Мы никому не отказывали.

Папа в школе-интернате работал учителем труда. У него руки были золотые. Он был очень талантливый плотник. Его мебель до сих пор у родных стоит – лёгкая, красивая. Вот Филипп Никитич Ардеев, Иван Васильевич Выучейский всегда говорили, что мастерству учились в школе у Павла Ивановича. И девочки его помнили, говорили, что для них Павел Иванович был идеалом русского мужчины. Так и говорили – русского, хотя он был коми.

Папа никогда не говорил о войне. Он заболел в 1968-м, его положили в больницу. Там он встретил День Победы. Мы соседа по палате просили, чтобы он не заводил разговоры о войне. Но разговор был. И сердце папы не выдержало.

*Записано Еленой Ивановной Вергуновой
2001 г.*

Клара Петровна Талеева (Выучейская) п. Нельмин-Нос

Бывают ли папы?

Родилась я в 1939 году в районе Трех Бугров Малоземельской тундры. Дали мне ненецкое имя Неко, а потом уж стали звать Кларой. Помню, перед поездкой на работу матери наши оставляли в горячей золе чайники с кипятком. Мы-то думали горячий чай, а он уже холодный. Хлебушко пожуюем, иногда и замороженный погрызем, макая в жир. Видимо, нам не доверяли огонь зажигать, были ведь малыши.

Какой год, я не помню, мой дедушка приехал, сказал «Си нэбдадув хосеям'» (Нужен помощник для проветривания чума, погибать нюк). Бабушка, наверное, послала. Как-то надо занимать малышей, пока матери охотятся на песца. Несколько дней я оставалась у бабушки. Когда ездили по тундре, младший брат Володя сидел в переднем углу саней, а я в заднем.

В какие игры играли? Мы-то в основном катались на санках. Когда приезжали школьники с Колоколковской школы, они с нами играли. Мы сами не могли играть в «малемко» (пятнашки), в «коршуна», или в «куропатку с цыплятами». Зимой дедко повез меня к бабушке на рыбоучасток. Там было два чума. Наш чум да женщины с детьми. Дедушка был бригадиром. Наверное, так жила я две зимы, у дедушки. А другой дедушка был бригадиром в Ханувее. У него был сахар, по карточкам много давали, потому что они много пушнины добывали. Песцов было в то время очень много. С бабушкой целый день чистили, шкурки снимали. Тянуть с тушки шкурки я не могла, сил не хватало. Тушки-то за ночь замерзнут – вот и мои игрушки. На ноги тушку поставлю, вот тебе и олень.

Мой дядя Петя не учился, с одним больным глазом умел все делать. Хорей, вожжи мастерил для меня, нарточки, целый мюд* получался. На некоторых маленьких санках я сидеть могла, но, видимо, ломала. Петя снова мастерил и говорил «Не садись на них и не дави». А я еще нарочно сяду на них. Пакостила, хулиганила. С маленькими нарточками играла в чуме. Рассажу куклы уко по нарточкам, получается мюд. Сколько в обозе санок, не считала. Лучинки – шесты укладывала на отдельные нарты. Играла одна. У нас я одна играла в половинке чума, а в соседнем чуме девочек не было. Мальчишки уезжали с матерями, помогали волочагу таскать, рыбу ловить, а меня оставляли «си' нэ' мям' нэмбась», то есть проветривать чум с переднего угла. Ведь бабушке трудно нагибаться. Вот я и старалась проветривать чум.

Что еще делаю? Шью. Бабушка рано научила меня шить. Игрушек у меня было много, я была хозяйкой одной половины чума. Только спала около бабушки. Игрушки хранили в мешке, в настоящем мешке. Мой пад** мать обменяла на ткань для маличной рубахи. Шила из меховых лоскуточков одежду для уко - панички, малички, люльки. Для люльки брала еще бересту. Над моими изделиями посмеивались. Мать и бабушка при мне о моих игрушках говорили на коми языке. Я догадывалась по их смеху. Хорошую одежду для уко шила тетя Ольга, сестра Октябрины. Так жили в Янгутее в чумах. Домов не было.

К нам приезжали за навагой. А навагу налавливали гору, чуть ли не с чум высотой. Подальше от чума няпойники*** останются, кто-то топорик достанет, нож. Начинают строганинку кушать. Морская навага большая, вкусная, с икрой. Потом заходят в чум. Бабушка навагу варила, готовила кашицу из икры, а они предпочитали строганину. Камбалы мало было. У нас навага, а камбала в стороне Неруты. Вот они затарят рыбу

и едут в Табседу.

Отец ушел на войну в феврале сорок второго. Хотя у него бронь была, он был председателем колхоза. А отец Миши и Семена Явтысого ушел на войну по ошибке. Ему Аристарх - дедушка забыл передать бронь. У дедушки два зятя на фронт ушли. Все мы одной семьей у дедушки оказались в одном чуме.

От отца приходили бумаги - треугольники, а читать у нас умел только мой дядя Нюдя - Егор. Пять классов кончил. Он всем - своим и чужим письма читал. И переводил на ненецкий язык. Переводил так: «Как прогоним, как кончим войну, заживем хорошо. Неко (это я) после учебы будет летчицей, а Володя будет учителем». Так было написано. Я ведь бесшабашная была. Меня спрашивали «Как ты будешь летать?»

Война кончилась. Где-то зимой дедушка Лука Тимофеевич с кем-то приехали, но сначала няпоем Егорти, Егор Ильич приехал. Снял совик, стоит как русский в форме. Мы, малые, боимся. Зайдет к нам, я – за бабушку, за ее широкую спину прячусь. Потом сижу на ящике и слушаю, а он такие страхи рассказывал! На войне одна нога валяется, а человек лежит без ноги. То вдруг взрыв, и люди разлетаются в разные стороны.

Однажды приехали двое, громко разговаривают. Бабушка отправила открыть передний край чума для проветривания. Дедко кричит «Грейте чайник! Гости приехали!» Я так и передала бабушке. Бабушка спрашивает «Кто приехал?» Отвечаю: «Два человека, один из них дедушка Лука». Я играю в своей половинке чума. Как раз сделала чумик, аргиш. Взрослые чай пьют, я внимания не обращаю, играю в свои игры. Вдруг дедушка Лука спрашивает: «Неко, этого человека возьмешь в отцы?» Я посмотрела на него и ответила: «Не возьму. Он русский, в тундре таких нет». Он был бритый. Все рассмеялись. А до этого дядя Петр говорил: «У Фили и Вани папы приехали. Твой папа тоже приедет». Видимо, готовили меня к встрече с отцом. А я ответила: «Неправда, пап не бывает. Есть только дедушки». Через несколько дней мне говорят «Возьмешь его в отцы?» «Не нужен. Он русский» - отвечала я. Вечером я наигралась уже. Поужинали. Постели готовят. Бабушка не кладет шкурку мою. «Почему моей постели нет?» - спрашиваю я. «К маме поедешь». Мешок игрушек дала. «С русским не поеду» - произнесла я. Села на нарты дедушки Луки. Когда двинулись, то оказалась за спиной незнакомца. Сижу, молчу пока ехали. Приехав к своему чуму, кричу: «Мама! Меня русский привез». Спать легла в своей паничке. Утром просыпаюсь, а оказалась под общим овечьим одеялом. Рядом с мамой признала отца.

Няпойничали около моря. Много семей жило. Я уже ездила с папой. Однажды много песцов в загон попало. Их же стреляют. Тамара остановила меня около своей упряжки, иначе охотники могли бы попасть случайно в меня. В этот момент мимо наших нарт проскочил песец. Я его упустила. Вечером весело едем. Проехали два стойбища. После войны гуляния часто устраивали в наших стойбищах; олени красивые со всеми украшениями, с колокольчиками. Начинаем кружить вокруг своих чумов. Через какое-то время соседи подъедут, думают, что наши свадьбы играют. Одни едут, а другие стараются остановить упряжки. Играли, словно на свадьбе. Это после войны.

Сели чай пить, чум полон людей. Я сижу у дверей. «Что наш товарищ сидит у двери?» - спрашивают. «Вы же говорили, кто пропустит песца, тот не будет чай пить. Вот мы и упустили песца» - оправдываюсь я. Все рассмеялись.

В Трех Буграх отец был председателем колхоза. Я все за ним ходила, слушала его разговоры с колхозниками. Дедушка потом у меня спрашивает: «Как живем, каковы коровы, кони», я ему отвечаю: «Коровы наши отелились, две сучки и три бычка». Все рассмеялись. Дедушка, наверное, шутя спрашивал. Коней было много, табуном вместе с лосями бегали. Вольно бегали среди домов и чумов. Дедко Семяшкин научил работать

с конем на сенокосе. Чудеса и только. До Семяшкина сенокосчики работу выполняли вручную, а кони гуляли вольно.

Летом сенокос был на другой стороне речки. Я нянчусь с младшим братиком и все поглядываю на сенокосчиков в ожидании мамы. Все видно как на ладони. Ночью они ловили рыбу. Утром женщины успевали сходить в тундру за морошкой. Днем – на работе. Рыбалка, морошка и сенокос. А оленеводы пастушили в тундре. В Янгутее у моря рыбу ловили, в тундре оленей пасли, на лугах сено косили. Так и жили после войны.

*Записано Розой Ивановной Канюковой
2007 г.*

Мюд* - (ненецк.) аргиш, обоз с оленями в упряжках

Пад** - (ненецк.) большая, вытянутая горизонтально женская сумка для хранения одежды, обуви, шкурок.

Няпойники*** - (ненецк. – от няпой) – люди, едущие небольшим аргишом

Мария Александровна Талеева
п. Хонгурей

Одни дома

Я родилась в 1936 году в Малоземельской тундре. Отец у нас ушел на фронт летом 42-го года. Он тогда был бригадиром 3-ей бригады колхоза «Нярьяна ты». Мне сказали только, что отец уезжает. Как уезжал, не помню. Мы остались без отца, а ведь он оленей охранял, а мама беременна была. Я тогда еще не понимала, почему мама в стадо не ездит. Эта работа легла на сестру, ей тогда было 14 лет.

Осень настала, конец октября, мы приехали в Ледково. Поставили чум рядом с домом, в котором у нас была комната. В одной половине дома жил председатель, а в другой мы. Мама родила мальчика Федю. Так стали мы жить в Ледково вчетвером: я, сестра Юля, меня на три года младше, новорожденный брат и мама. Чтобы печку топить, надо было много дров. Мама ходила с санками в лес. Сухих веток привезёт и топит в чуме, там мы день проводили. А ночевали в доме, мама и там печку топила. Керосина не было, делали сальник. В масло или жир макали сукно и выкладывали на тарелочке и поджигали.

Маму заставили работать, война ведь была. Ей давали шкуры выделывать, камусы. Из шкур шила совики, а из камусов рукавицы длинные. Она их в чуме шила, а мы рядом играли.

Наша бабушка жила недалеко от нас, в маленьком чуме. Помню, как она уходила силья (силки) ставить на куропаток. Приносила полный мешок куропаток, может, сотню, может, больше. Один день в одну сторону, другой - в другую ходила, силки проверяла. Всех куропаток обрабатывает, красиво так в ящик сложит и сдает потом в рыбокооп. А рыбокооп нам за это давал муку, отоваривал. Однажды дали даже несколько метров ткани. Мама нам на руках шила штанишки, платья, тогда ведь готовых не было.

Еще помню, мама уходила и оставляла нас одних – меня - шестилетнюю, Юлю и брата 3-4-месячного. Уходила и оставляла нам по куску хлеба на двоих. Если даст весь, то мы его весь и ели, а маленькому давала жир от оленя, это если плакать будет. Жир клали в кусочек ткани, перевязывали, получался комочек. Этот комочек с жиром давали детям как соску. Уж и не знаю, как мы с ним справлялись, но плакали все вместе, - потому что брат плачет, а мы не можем его успокоить, и мы все начинаем плакать.

Зимой 43-го мне исполнилось 7 лет. Летом маму на рыбалку отправили от колхоза. На озеро Сывдорма ехали всей кучей. Мы взяли с собой чум маленький. Он был берестяной, летний, в нем печки не было, только костер. Мама на озеро большое уходила вместе с рыбаками (4 женщины и 1 мужчина). Наловят рыбу неводами, вычистят и в яму складывают до осени, чтобы не испортилась. А мы опять же оставались одни в чуме. Мама поздно приходила, брат с сестрой уже спят. Однажды сижу, маму жду, она приходит, а я говорю: «Пока тебя не было, я сварила уху, да еще и заправила мукой», а сама рыбу из ухи не достала. Она говорит: «А где рыба у тебя? Здесь ведь даже есть-то нечего». Какой из меня повар в семь-то лет?!

Маму всегда ждали, весной залезем на сани и кричим в ту сторону, откуда мама должна прийти: «Ма-ма-а!», машем ей.

Зимой маму отправляли на почтовый тракт. Тогда почту возили из Коткино до Нижней Пёши. По дороге от «Нярьяна ты» два чума стояло. Некоторые женщины, у которых по одному ребенку было, с собой детей брали. А нас трое было. Как всех нас мать возьмёт? Вот и оставались мы опять одни. Я – за старшую. Ночью в чуме темно.

Поплачем-поплачем...Если дрова были, то я подкидывала их тихонько в печку.

В 44-ом мне исполнилось 8 лет, и мама меня начала брать с собой на обмен почты, а младших детей у соседней оставляли. Если почты было много, она мне на сани мешки складывала, а если был пассажир, то он ко мне садился, и я ехала за мамой. Очень хорошо помню, как однажды везла военного. Он был огромный, а мне всего 8 лет. Я, хоть и в малице, рукавицах, тобоках, но замерзла очень. А он, наверно, давно в пути и очень спать хотел. Он засыпает и на меня наваливается, толкает, и я падаю с саней. Хорошо, что вожжа была на руку намотана, мама меня всегда заставляла так делать. Вскочу и дальше еду. Один раз подошла к маме и говорю: «Не хочу я этого дядьку везти!» Она спрашивает: «Почему?» «Потому, что он меня толкает» – говорю, а сама плачу. А мама мне и отвечает: «Нечего плакать! Ты не хочешь мне помогать! Война идёт. Папы нету». Я вытерла слёзы и опять дядьку повезла. Когда мы приехали в чум, то стали раздеваться, чтобы чай попить. Дядька увидел меня: «Но, разве это девочка была?!» А я стою, косички тоненькие, в платице каком-то... Он сразу закопошился, достал из рюкзака банку «сгущёнки» и плюшку. «Садись, – говорит, – кушай!» Я положила угощение поближе к маме: «Буду у себя в чуме с сестрой и братом кушать». А как мы ели этот гостинец, не помню.

Летом 44-го отец на двух костылях приехал после госпиталя. Добирался на морском пароходе от Архангельска до Нарьян-Мара. А из Нарьян-Мара к нам с ОПХовскими бригадами через тундру приехал. Сани остановились, он на них сидит. А я в это время с Юлей во дворе была. Я отца сразу узнала и побежала к нему, а Юля испугалась его и убежала за кочку, спряталась, легла там. Она его не помнила.

Отец был тяжело ранен, болел. Сидит на улице около костра. А мы с Юлей воды натааскаем, рыбу к нему принесём, дрова. Он костёр разведёт, рыбы отварит. Мама в этот момент рыбачит. К осени ему стало легче. Ногу его мы лечили, мазями мазали, бинты с Юлей стирали. Когда отец поправился, стали все вместе почту возить.

*Записано Людмилой Александровной Рочевой
2007 г.*

Ольга Алексеевна Тайбарей
п. Нельмин-Нос

Куда писать на войну?

Родом я из Малоземельской тундры. Отец – Ледков Алексей Павлович, мама – Аграфена Прокопьевна. Я была самая маленькая в семье. Отец в Табседе дрова возил, мама обшивала рыбаков, шила и ремонтировала тобоки. Нерпичьи тобоки трудно шить. Шкуру обрабатывать очень трудно.

Когда маленькой была, ничего не делала, только играла. Каталась на санках, играла куколками уко, в чумики, нарточки. Куколки шила сама. На улице играла в олешки, ловила носки нарт. В чуме я одна была, кто постарше, все в школе учатся. Я могла и оленя поймать. Самостоятельно ездила в упряжке лет с семи. Иногда ездила и на одном олене, в аргише.

В 41-ом году мне 7 лет было, я еще не училась, в 42-ом пошла учиться. Училась в Табседе. В школу ходила из чума, он недалеко от школы стоял. Учебники носила с собой в каком-то мешочке.

На войну из нашего чума ушли три моих брата Егор, Иван да Миша. Остались папа, мама и я с Ванькой.

Еды совсем не хватало. Хлеба часто не бывало. И сахара не хватало. Мы жили в Верхнем Шаре. Иногда мясо ели. Оленей было мало, они в тундре паслись. Мама иногда из теста пекла реску*. Она получалась продолговатой как булка. Отец ловил рыбу рюжей – навагу да камбалу. Зельдь попадалась. На Сен - реке налимы попадались. Рыбу варили, жарили, айбордали. На каком масле жарили - не помню, а камбала хорошо жарилась на своем жире, особенно крупная. Камбалу еще готовили как реску. Нанизывали на палку, которую втыкали в землю и готовили над огнем в чуме. Очаг располагали прямо на земле. Тогда не было печек и железных листов.

Мы жили у моря. Страшно было. Мимо проходили военные пароходы, подводные лодки. Мы их видели. Самолеты тоже летали. Знаки я не разбирала. Я очень боялась. Прятались среди кочек, кто как мог. Очень боялись.

Однажды на берегу оказалась бочка со спиртом, с горючим. Кто пил, все умерли. Взрослые рыбаки, оленеводы. У Федоры Лаптандер мать с отцом умерли.

Пожилые мои родители ни читать, ни писать не умели, не знали, куда на войну писать. А вести доходили разные, в основном плохие. Похоронки пришли. Старший брат погиб. Второй вестью была смерть среднего брата. Только Егор вернулся домой из госпиталя.

Видим, кто-то идет. В шинели. Только подола шинели развиваются. Мы с Танькой испугались, спрятались в чуме. Под подушки спрятались. Вокруг чума шаги слышны. Ходит и ходит. Мы подумали, что это немец. Через какое-то время двери чума распахнулись. Мы чуть не описались. Мы боимся, страшно. Он заговорил по-ненецки. По голосу узнали – это наш брат. Говорит: «Что вы тут делаете?» Отвечаем: «Играем.» Стыдно стало. «А родители где?» «Ушли рыбачить.» «Молодцы, работать надо!»

О Победе я узнала в Табседе. Однажды утром во время подъема слышу «Подъем! Вставайте, ребята, война кончилась!» Все зашевелились, все задвигались, подниматься стали. Все радостные. Вот так и узнали о Победе.

Постарше стала, стала шить, ремонтировать пимы, шить липты. Мама камусы заготовит, скроит, а я сошью. Мама кроит, я шью.

Записано Розой Ивановной Канюковой
2007 г.

Реска* - (леска-ненецк.) – хлебная лепешка из крутого теста, выпекаемая в чуме на палке у костра.

Мария Степановна Телегина с. Коткино

Красный флаг – это значит Победа!

Я родилась 25 февраля 1932 года в деревне Коткино Ненецкого округа. У нас была большая семья: отец, мать и девять детей. Я четвертый ребенок в семье. Помню беззаботное довоенное время. Я рано начала помогать маме по хозяйству, с 6 лет уже нянчилась с младшим братом.

Родители с утра до вечера трудились в своем хозяйстве и в колхозе. Жили безбедно, были у нас корова и овцы, которые нас хорошо кормили. Хлеб и остальные продукты давали без нормы. Правда, радио и книг у нас еще не было. Мы детьми часто собирались около маслозавода. Там у нас был своего рода культурный центр. Там помогали работникам крутить сепаратор и маслобойку, играли в различные игры: лапту, городки, лупки, пятнашки, догонялки. Правда, мне не часто приходилось играть, надо было помогать дома.

Помню о начале войны очень хорошо. Было ясное солнечное время. К нам пришел пешим ходом командировочный или как тогда называли «нарочный». Вот он и принес весть о начале войны. Конечно, мы узнали об этом через несколько дней, не знали, что где-то уже гремит война. Командировочному нужно было доехать на пароходе от Нарьян-Мара до Ермицы, а потом пешком через Харьягу, Гусенцы, Сулу до Коткино, а это около 80 км. пути.

Взрослых пригласили на сход. Собрались на поляне впереди дома Коткина Ивана. Мои родители Степан Михайлович и Людмила Степановна Коткины ушли на сход вместе со старшими сыновьями, а я осталась дома с детьми. После схода пришли домой и за столом повели тревожный разговор и все упоминали слово «война». Я, конечно, многое не понимала, ведь была мала - только что закончила первый класс.

За лето у нас на фронт пока никого не взяли, дали возможность отсенокосить. В середине сентября 1941 года уже стали мобилизовывать первых новобранцев. Конечно, было много слез при проводах.

Нас рано приглашали на работу в колхоз. Мы помогали взрослым пропалывать овощи (репу, турнепс) на колхозных огородах. Все чаще и чаще мужчины уезжали на фронт. В 1942 году призвали на фронт и моего старшего брата Коткина Алексея Степановича. Он воевал в десантных войсках больше двух лет, получил три тяжелых ранения, произвел 42 прыжка парашютных, приходилось ему прыгать на парашютах в тыл врага. Вернулся домой в сентябре 1945 года после госпиталя.

Все мои годы учебы (2, 3 и 4 классы) пришлись на годы войны.

Почту возили на лодках 2-3 раза в месяц. Всегда с нетерпением ждали вестей с фронта.

Мы, дети, как могли, помогали. Собирали осенью ягоды, отправляли для фронта, вернее, для госпиталей. Собирали теплые вещи (носки, рукавицы) и тоже все это взрослыми отсылалось на фронт. Собирали пустые бутылки под зажигательную смесь, маленькие бутылочки из-под лекарств.

Наши учителя рассказывали о делах на фронте, читали нам стихи о войне. Хорошо помню, как мы учили стихотворение «Жди меня» Симонова. В четвертом классе с учителем И.П. Хруевым ставили пьесу-сказку «Маленький Мук». Эту постановку с удовольствием смотрели и взрослые. Учили стихи, читали на праздничных концертах, пели песни.

В 1944 году я закончила четвертый класс с похвальной грамотой. Чтобы учиться в пятом, нужно было ехать в Великовисочное. Меня не отпустили, нужно было помогать дома. Отца тоже призвали на фронт, хотя в апреле 1943 года ему исполнилось 50 лет. Они со своим другом И. П. Безумовым заготавливали сено для лошадей военкомата в Нарьян-Маре, в сентябре их отправили в Архангельск, а там и на фронт. Но в это время вышел указ И. В. Сталина о том, чтобы 50-летних на фронт не брать. Так они вернулись домой, и их сразу отправили ловить рыбу для фронта. Поэтому мне учиться в этот год не пришлось.

С осени 1944 года я пошла работать в колхоз. Мне было 12 лет. Работала скотником на ферме, «дежурила» телят. Заменяла взрослого человека. Старшие подруги меня обучали этому делу. Всю зиму проработала на ферме. А весной телят выгнали на пастбище, и там отработала до сенокоса. А потом и на сенокосе работала до сентября, и тогда меня мама отправила учиться в височную школу, которую я закончила в 1948 году. Имею статус труженика тыла.

Да, вспоминаю военные годы, трудно они нам, детям, дались. Все время хотелось кушать, особенно хлеба. Нам, детям, давали норму хлеба по 300 гр., колхозникам (взрослым) по 500 гр. Давали все по карточкам. Нашу семью выручала своя корова. Мне приходилось с младшим братом ловить рыбу продольниками (удочки на веревочке с грузом). Хоть как-то удавалось помогать в еде.

Очень трудно было с керосином, горели коптилки, не хватало спичек. Носили головешки горящие из печки в печку и так растапливали.

Не было мыла, белье стирали щелоком. Заливали золу теплой водой, она настаивалась. Потом сливали воду и этой водой стирали. И ничего, отстирывалось. Не было ниток швейных, распарывали старые вещи и старыми нитками шили и ремонтировали одежду.

Семьям фронтовиков, хоть изредка, помогали материально. За все время пребывания на фронте старшего брата Алексея нашей семье дали пару валенок и пальто. Пальто досталось мне, и этим я очень гордилась.

Помню, как пришел долгожданный День Победы. У нас жил в одном доме радист. И договорились с ним, как только он по рации получит известие о том, что закончилась война, сразу вывесит красный флаг. Доярки пошли на ферму и увидели – красный флаг развевается. Сколько было радости! А слез сколько было! Везде сугробы, тогда майская погода была очень суровая, даже морозная. Народ собрался у недостроенного клуба, кто-то принес гармошку, началось веселье. Вся деревня пела и плясала. А вскоре стали возвращаться воины с фронта, счастливые дети и жены плакали от радости.

Долго еще получали хлеб по карточкам, до декабря 1947 года. Тогда отменили карточки на хлеб и прошла денежная реформа. Мы жили в это время в великовисочном интернате. Конечно, вне семьи жилось еще трудней.

Я закончила нарьянмарское педучилище и всю жизнь проработала в коткинской школе. Имею медаль «Ветеран труда» и множество почетных грамот.

2007 г.

Зоя Ефимовна Терентьева
г. Нарьян-Мар

Чёрное небо

В этот солнечный жаркий день у Комсомольского озера было гулянье. Народу было очень много, взрослые качались на больших качелях, пели, веселились. Мы с подругами играли, тоже веселились – ведь в этот день, 22 июня 1941 года, мне исполнилось 10 лет. Около 16 часов стало темнеть, собрались тучи. Вдруг пришел человек, сказал, что будет митинг. Люди стали подтягиваться в одно место. Объявили, что началась война. Все резко изменилось – люди заплакали, небо стало совсем черным.

А для моей семьи военные годы стали совсем беспросветными. Мой отец Ефим Трудов работал на лесозаводе, на фронт его не призвали, выдали бронь как ценному специалисту по технике. А в августе 42-го в два часа ночи за ним приехал «черный ворон». Папа был умным, добрым, заботливым отцом. На работе его очень ценили. Но в один день наша жизнь была перечеркнута. Больше мы отца не видели и даже боялись интересоваться, где он и что с ним. Мы стали семьей «врага народа». Нас сразу выселили в жилье похуже (мягко говоря) и отношение к нам резко изменилось. Каждый мог нас обидеть, унижить, задеть бранным словом, неуважительным отношением... Вы не представляете, что значит жить с постоянным страхом на сердце... Если бы отец не был осужден, не пропал, или ушел на фронт, может наша жизнь иначе бы сложилась... Но никого не хочется винить, никого, Бог судья... Потом-то, через полвека, папу реабилитировали, а тогда... Я ребенком себе дала слово никого не ранить – ни словом, ни делом, а, наоборот, помогать, чем можно, и это обещание стараюсь не нарушать. Вот почему жить-то нам было вдвойне трудно.

Люди получали карточки с отрывными талонами на продукты. Рабочим давали по 700 граммов хлеба, иждивенцам – по 300. Мы держали корову, это хоть как-то выручало нас, но все же в 3 классе мне пришлось уйти из школы. Чтобы не умереть с голоду, я пошла в няньки, меня оставляли с двумя детьми – первоклассником и двухлетним ребенком. Муж хозяйки ушел на войну, сама она работала продавцом, приходила вечером уставшая, с кучей хлебных талончиков на 100 и 200 граммов. Она ложилась отдыхать, а я за ночь должна была наклеить эти использованные талончики на специальные листы и не перепутать, где 100, а где 200, ведь с отчетностью было очень строго. За эту работу меня кормили.

Старшая сестра Лена устроилась в ФЗУ, училась на плотника, ей по талонам выдавали черное, неприятно пахнущее мясо, мы его вымачивали и варили. Выживали, как могли.

На лесозаводе раньше не было металлических тросов и бревна связывались толстыми канатами. Обрывки мы распускали, и я вязала крючком салфетки, прошвы к наволочкам, рубашкам – вместо кружев, подвесы, покрывала. Мама пешком ходила по деревням и обменивала вещи, которые еще оставались в доме да мое вязание на продукты. Даже и представить невозможно, как она пешком шла по нашей сложной местности, в любое время года! Любила она ходить в Нарыгу, люди там были зажиточные, ловили много рыбы, сдавали ее и получали муку. Из этой деревни она приходила с рыбой и мукой. Ходила и на рыбацкий стан Месино. Однажды она сбилась с дороги во время пурги. Ничего не видно, холодно. Измучилась, устала, села на снег, стала засыпать. Спасла ее от смерти почтовая лошадь. Возница потом рассказывала,

что лошадь остановилась возле бугорка и не пошла дальше. Возчица потрогала бугорок ногой – под снегом что-то темнело, оказалось - человек. Растолкала, взяла к себе и довезла до дома. Мама была ей очень благодарна.

Летом мы собирали лекарственные травы для аптеки. Осенью убирали овощи на школьном огороде. Потом приходили снова, искали зеленые листики после уборки, засаливали и ели.

Сестра закончила ФЗУ, работала плотником. В 7 часов утра звучал заводской гудок, толпы женщин шли на работу. Никакой техники не было, девчонки на высоту 2-го этажа вручную поднимали брус.

Жили очень трудно, тяжело. К физическим страданиям прибавлялись душевные. Мы ничего не знали о судьбе отца, а ещё, как и все, ждали вестей с фронта, верили в Победу.

9 мая 1945 года в 3 часа утра мы с мамой взяли саночки и пошли за Печору собирать сено для коровы, которое падало с возов. Набрали полные саночки, к 6 утра были около лесозавода и вдруг увидели, что от дома к дому бегают люди. Сначала испугались очень. А оказалось, закончилась война. Люди радовались, целовались, плакали. И мы радовались и плакали.

Все верили, что жизнь сразу изменится, станет легче. Но это случилось далеко не сразу.

Однажды я подошла в магазине к прилавку и вдруг, опустив руку в карман, заревела – испугалась, что карточки потеряла, а люди меня стали успокаивать, дескать, карточки-то уже отменили.

Жить стало чуть легче. После окончания 7-го класса я снова пошла в няни, потом закончила культпросветшколу и работала библиотекарем. Позднее выучилась на медсестру и работала в детском саду сельхозстанции до самой пенсии. Мы с мужем вырастили четверых дочерей. Сейчас у меня пять внучек, три внука и правнук. Я радуюсь, что их детство не похоже на мое.

*Записано Анной Павловной Вергуновой
2017 г.*

Аграпина Васильевна Торопова
с. Великовисочное**Работа день и ночь**

Родина моя – деревня Коткино, там я родилась в 1930 году, а в 38-ом поступила в первый класс школы. Закончила всего четыре класса и началась война. Пошла работать в колхоз, на ферму. Работала сторожем, телятницей. Семья-то у нас большая была, 13 человек. Три брата ушли на фронт, остались женщины и маленькие дети. Поэтому пришлось работать день и ночь.

На ферме не было света, ночью работали под свет лучин. Ходить было не в чем: шили из коровьих шкур латы или ступни, обувь такую, которая в сильный мороз даже примерзала к ногам. Приходили домой, не могли раздеть их; оттаивали в горячей воде и только так снимали.

Норма хлеба была детям – 150 грамм, а работающим 300 грамм. В магазинах продуктов не было. Не видали ни чая, ни сахара. Вместо чая заваривали чагу. Спасало только свое подворье: от коровы – молоко да мясо. Но большую часть сдавали государству, на фронт. В год нужно было сдать с каждого работающего в семье по 25 килограмм мяса, с каждой семьи – 220 литров молока.

Всю жизнь проработала в колхозах – сначала в коткинском, потом – в великовисочном. Родила и подняла на ноги 9 детей и племянницу удочерили, вырастили с мужем её, как родную. Помогала растить внуков, их у меня 23, уже и правнуков 10 малышей. Я желаю, чтобы в их жизни никогда не было войны, а были мир и спокойствие.

Записано Ольгой Николаевной Тороповой
2007 г.

Галина Евлампиевна Торопова
с. Великовисочное

Тонны груза на себе

Моя родина – деревня Василево Ярославской области. Там я появилась на свет в 1927 году. Девичья фамилия – Синицына. В 41-ом закончила 4-ый класс и пошла на фарфоровый завод ученицей. С 42 по 44-ый работала формовщицей на заводе. Время было страшное, трудное и голодное. Мама завербовалась на Север.

7 июня 1944 года мы приехали в Великовисочное. Летом работали на сенокосе, а в зимний период трудились на рыболовецких участках. Жили очень трудно, теплой одежды не было, обуви тоже не было. Рыбу ловили почти босиком в ледяной воде. Рыбачила в Болванской губе, Табседе, Гусенцах. Два года рыбачила в Алексеевке, затем на два года колхоз меня направил в Варандей. Когда рыбы не было, выгружали морские пароходы. Тонны груза переносили на себе. После Варандея ловила на местных водоемах, в самой Виске.

С 51-го приняла на ферму дояркой, а через 6 лет по надоям молока заняла 1-ое место по Архангельской области и была направлена в Москву на ВДНХ. Имею звание «Лучшая доярка Архангельской области». Все мои пятеро детей, десять внуков и семь правнуков живут в округе.

Не дай Бог никому испытать то, что пережили мы.

Записано Лукией Павловной Мартьяновой
2007 г.

Мария Константиновна Торопова (Шевелёва) г. Нарьян-Мар

Маленькие радости

Я родилась в деревне Просундуй в 1942 году, но зимой 43-го семья была вынуждена переехать в Тельвиску. В большой семье, где было шестеро детей, я самая младшая и очень слабая. Еще во время переезда в Тельвиску маме говорили, что я не выживу, но в пути мама согревала холодную воду своим дыханием и спасла меня. Когда приехали в деревню, люди посчитали меня мертвой, а я была жива. В моем детстве это было не единственное испытание.

Своего жилья у нас не было, приютили родственники. Этот маленький домик на краю деревни стоит до сих пор и, глядя на него, удивляешься, как мы все в нем помещались: хозяйка Выучейская Евдокия с тремя детьми и нас семеро. Жили тесно, зато дружно.

Не сразу, но мама Шевелёва Дарья Мартыновна устроилась работать техничкой в клуб, а позже и в библиотеку. Работа была тяжелой: ежедневно мыла некрашенные полы, хотя, скорее, скоблила их, вытирала пыль с диванов, чистила стекла к семилинейным, десятилинейным лампам, готовила дрова и топила две печки – голландки. Я, когда стала постарше, старалась помочь маме. Зарплата 92 рубля в месяц, на большую семью этих денег не хватало.

Жили мы голодно, особенно во время войны. Мама умела выделывать шкуры и камусы, хорошо шила изделия из меха: бурки, табаки, малицы. Работа спорилась в ее руках, могла за одну ночь сшить бурки. Платили за работу продуктами, в основном, хлебом, иногда сахаром, еще реже мясом. В тяжелое голодное время спасала и швейная машинка «Зингер». Когда был жив отец, семья жила хорошо, у мамы были сарафаны, репсовые платки, золотые украшения. И всё это она обменяла на продукты или продала, чтобы купить одежду детям. Обмен осуществлялся в деревне Нарыга, за 30 километров от Тельвиски, куда мама с женщинами ходила зимой пешком.

Зимой мама ходила в лес, рубила ивняк и потом на саночках привозила его в деревню, где продавала кубометр за два рубля. Когда появлялись деньги, можно было купить сливочное масло, которое выдавали по норме, но его все равно могло не хватить, поэтому всю ночь стояли в очереди. С одеждой тоже было туго. Я почти до самых холодов ходила босиком, а валенки были одни на двоих с братом, конечно, он в них больше и бегал. С теплотой вспоминаю, как девушки, живущие в интернате (к сожалению, не помню их имена), пожалели меня, накормили и даже сшили мне на руках платье. Я была очень рада и долго его носила. Большое спасибо добрым людям.

В школу пошла с восьми лет, а с семи меня не взяли, была так слаба. А маме помогала. Работала в няньках и носила воду с реки чужим людям. За это мне давали простоквашу и корочку хлеба. Однажды, убирая с хозяйского стола грязную посуду, я не выкинула в помойное ведро обглоданную корочку хлеба, а положила себе в карман платица. Хозяйка вытащила эту корочку и при мне выкинула ее в ведро. А я эту корочку хотела сестре унести, знала, что она голодная. Эта семья жила хорошо, у них на столе и копченая колбаса была, что было большой редкостью в то время. Бабушка в этой семье была добрая, когда никого не было, тайком давала мне простоквашу. В другой семье мне платили за работу 3 рубля в месяц, это было очень много, хотя в этой семье и у самих достатка не было.

Летом мы собирали ягоды, грибы, дикий лук, делали берёзовые веники и возили

в город продавать. В то время в Нарьян-Маре был небольшой рынок. Лодки у нас своей не было, но из Тельвиски каждый день, в любую погоду, женщины возили молоко на большой вёсельной лодке. Сразу меня не возьмут, и так лодка перегружена, но они едут, а я иду по берегу с ведром. Женщины сжалются надо мной, причалют к берегу, возьмут меня.

Обратно уже пустые идут, потому и брали меня без проблем. Пока женщины молоко сдают, я все успеваю продать, на вырученные деньги куплю хлеб, а иногда – булочку-сайку, это вообще праздник.

У некоторых подружек мамы работали на ферме, вот мы и бегали туда и иногда нам давали кусочек плитки – жмыха*. Вкусно, как печенье.

В колхозе выращивали репу и турнепс. Осенью урожай снимают и нам, детям, подкинут через огород немного, а мы и рады, бежим парить в горшках на печке. Тоже очень вкусно было. Вот такие маленькие радости.

Когда старшие сестры и брат стали работать, стало и легче жить. Но голод помню очень хорошо.

2007 г.

Жмых* - продукт, получаемый после выжимания масла на прессах из прошедших подготовку семян масличных культур (подсолнечника, рапса, рыжика, льна и др). Концентрированный корм для сельскохозяйственных животных с большим содержанием белка; один из компонентов комбикормов.

Светлана Ивановна Федянова
г. Нарьян-Мар

Моя старшая сестра

Нина – моя старшая сестра, первый ребенок наших родителей – родилась 6 декабря 1933 года в селе Оксина. С младенческого возраста жила вместе с родителями в Нарьян-Маре.

Нина росла любимым обласканным ребенком. Помнит, как отец носил ее на руках, кормил с ложечки, уводил в детский сад и забирал ее оттуда, помнит, как возил их с мамой в Ялту на отдых. Мама рассказывала, что у Нины в детстве был плохой аппетит, и, чтобы хоть как-то накормить ее, в дом приглашали детей, усаживали их за стол, и тогда вместе с детьми Нина съедала то, что подавали на обед или на ужин.

Время шло. В семье появились брат и сестра, которые прожили недолго. Брат Игорь умер на руках у отца от дифтерии в 1939 году, в возрасте 1,5 лет.

24 сентября 1941 года наш отец Иван Никандрович Иванов ушел на фронт. Нине было 7 лет. Мама осталась с двумя детьми и со мной, еще не родившейся. Отец был партийным работником. Работал заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации и заведующим парткабинетом в Нарьян-Марском горкоме КПСС. Партийные работники имели бронь, но наш отец ушел на фронт добровольцем.

Уже в отсутствие отца, 11 января 1942 года умирает сестра Светлана, которой только - только исполнилось 2 годика. У меня в архиве есть фотография, где у гробика стоят мама, Нина и бабушка. А в феврале, через месяц с небольшим, родилась я и меня тоже называют Светланой. Шла война, мама Александра Федоровна Иванова работала телеграфистом - радиооператором в окружном узле связи без выходных дней и отпусков (был ли у нее декретный отпуск?) Естественно, что основной уход за мною выпал на долю старшей сестры. Помогала маме и ее тетя Анна.

Наш отец погиб 30 июля 1942 в Карелии в должности старшего политрука. Нине уже исполнилось 8 лет. 1-го сентября 1942 года она пошла в школу, в первый класс.

Мама работала сменами. Я совсем маленькая. По всей стране карточная система. Маме по магазинам ходить не удавалось, и всеми карточками и деньгами заведовала Нина, сама еще ребенок. Обеспечение семьи продуктами, которые давали по карточкам, было на ее плечах. В магазинах ей приходилось выстаивать большие очереди, причем, занимать очередь приходилось накануне вечером, проверяться ночью, а утром до школы надо было карточки отоварить, подкрепиться кусочком хлеба и идти в школу

Мама рассказывала, что Нина нашла в магазине продуктовые карточки на чью-то семью, почти на месяц. Кто-то, может быть, эти карточки и отоварил бы, а Нина отдала их продавцу, для того, чтобы их передали потерявшему. Это был поступок рано повзрослевшего ребенка, узнавшего, что значит кушать не досыта, а по чуть-чуть, осознающего всю горечь того человека и той семьи, которые так пострадали. Потеряла карточки женщина, уже отчаявшаяся их найти, готовящаяся к тому, что жизнь до конца месяца всей семьи будет голодной. Много слез и слов благодарности было у этой женщины в адрес моей сестры и мамы. Она приходила к нам домой поблагодарить их.

В эти трудные годы Нина научилась содержать дом в чистоте и порядке. Надо было приносить в дом воду и дрова, мыть полы, гладить белье (на белье не было никаких дырочек, все они Ниной были зашиты, на носочках и чулочках заплатки были поставлены), да и постирать хоть мелкое белье тоже надо было. В моей памяти сохранился такой эпизод: тетя Анна лежит больная на постели, а Нина в тазике

недалеко от кровати что-то стирает. Тетя и говорит ей: «Опять мылом стираешь!» «Золой» – ответила Нина. Мыла-то было мало или не было вовсе. Готовить обеды, кормить меня и присматривать за мною, справлять все домашние дела – все было на Нине. А встреча мамы с работы (особенно с вечерней смены) была обставлена самым настоящим ритуалом: обязательно кипящий самовар и на столе то, что удалось купить в магазине по карточкам. А я-то, маленькая, маму с работы, кажется, ждала всегда и эти, особенно, вечерние чаепития, врезались в мою память очень глубоко. Помню и такой случай: самовар перед приходом мамы закипел, и вдруг из него пошла белая пена. Испуг был большой. Думали, самовар испортился. А в послевоенные годы где другой – то взять? Как потом выяснилось, Нина налила в самовар воду, в которой вымачивалась соленая треска (она настолько была соленой, что без вымачивания этот продукт в пищу употреблять было нельзя).

Вечерний ритуал чаепития остался в нашей семье на многие годы, пока была жива мама, пока мы жили вместе с нею.

Несмотря на все жизненные трудности, выпавшие на долю детей в военные годы, им надо было еще и в школе учиться. Нина хорошо помнит школьные годы. Помнит, как в школе было холодно до такой степени, что сидели на уроках в пальто и рукавичках (отопление было печное), писали перьевыми ручками, а чернила в чернильницах замерзали. Писали на газетах, потому как не было тетрадей. Не хватало учебников, и занимали очередь, кто за кем будет ими пользоваться. Часто уроки проходили при свете керосиновых ламп. В сильные морозы не учились по 2-3 недели. В школе детей «подкармливали»: давали кусочек хлеба и ложечку сахарного песка и они этому были очень рады. Недостаток питания и витаминов (не было никаких фруктов, молока, яиц...) отрицательно сказалось на здоровье сестры, у нее так заболели ноги, что она не смогла ходить. Видимо была цинга, которую тогда не лечили. Вылечила Нину мама настоями и натираниями. Из чего она делала настои? Сейчас не узнаешь.

Как бы тяжело ни было, дети всегда остаются детьми. Нина училась, участвовала в школьной художественной самодеятельности, занималась общественной работой в пионерской и комсомольской организациях, принимала участие в школьных мероприятиях, шила с мамой для себя новогодние костюмы из того, что в семье еще было... Раньше на школьных концертах дети показывали акробатические номера, строили спортивные пирамиды. Все были худенькие, гибкие, прыгучие. Меня ставили наверх какой-нибудь пирамиды, если до этого я с Ниной ходила на репетиции.

В военные и послевоенные годы появилось много песен. Помню самодельный Нинин песенник. Толстый, сшитый из разных тетрадей, с рисунками (красивые цветы, разные зарисовки, памятные надписи...). На первой странице была записана песня «Прощайте, скалистые горы». Подруги, приходившие к Нине, садились на кровать рядом, худенькими спинками опирались о стену (тогда у большинства семей не было диванов) и начинали петь. А я, маленькая, с ними пела и сейчас помню мотивы всех тех песен, хотя слова многих уже забыты. Очень хорошо запомнились песни: «За дальнею околицей», «Расцвела сирень-черемуха в саду», «Фонарик», «Одинокая бродит гармонь». Очень жалко, что этот удивительный песенник не удалось сохранить. Ностальгия по нему есть. Слова и мотивы песен, видимо, запоминали, когда их транслировали по радио.

Нина увлекалась рукоделием. Много вышивала. С подружками на пяльцах делали очень красивые коврики из ниток. Фотографии раскрашивали (одна из них у меня до сих пор хранится), а реактивы покупали в аптеке. Все это с ними проходила и я. Они никогда не гнали меня от себя, хотя я была младше их на 8 лет.

Так и прошло детство рано повзрослевшей моей старшей сестры, которая никогда больше не увидела своего отца, не вернувшегося с войны.

Нина закончила Нарьян-Марскую среднюю школу (ныне школа № 1), Архангельский медицинский институт (лечебный факультет)... Уже больше 50 лет Нина работает в больнице г. Кириллова Вологодской области. Её труд отмечен многочисленными почетными грамотами руководства района и Вологодской области, медалями «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина» и «За трудовую доблесть», «Ветеран труда». Удостоена звания «Почетный гражданин города Кириллова». Нина с мужем воспитали двух дочерей, они пошли по стопам родителей, работают врачами.

2007 г.

Мария Петровна Чупрова
г. Нарьян-Мар

Нужда заставит

Родилась в Большеземельской тундре в 1933 году. В семье было девять детей - четыре мальчика и пять девочек. Родители Анна Григорьевна и Петр Яковлевич Вокуевы были оленеводами. До смерти отца жили в чуме около рыбных озер, у нас было свое небольшое стадо. Оленей держали да рыбу продавали, так и жили. Когда мне было 6 лет, всех частных оленей забрал колхоз. Тогда и перебрались мы в Шапкино.

В три года меня крестили в Ижме. Мне кажется, я это помню, хотя может, и представляю по рассказам мамы.

В 8 лет направили в шапкинскую школу. Окончила всего 2 класса. Отец умер (старый был), и мне пришлось вернуться домой.

Когда началась война, нам всем стало очень трудно – было голодно и одеть было совсем нечего. У матери приданое богатое было, вот она из своих сарафанов и шила нам платье (одежду). Старшие девочки к этому времени вышли замуж и жили отдельно. Маме было очень тяжело. Чтобы получить 700 граммов хлеба, нужно было сшить 20 камусов. Вот я и помогала маме выполнить норму, чтобы дали детям 200 грамм хлеба и маме 700 грамм. Так и жили: детей - то у нас много было. Мои братья в два и четыре года умерли, я их даже уже и не помню.

Мы брались за любую работу. Так как я была оленеводкой, часто посылали на перевозки, например из Виски в Шапкино корм для коров перевезти. А так все шила. И солдатам шила на фронт варежки с одним пальцем, чтоб ружье удобней держать было. Меня хвалили, а я удивляюсь сейчас, как я могла так быстро научиться шить. Нужда заставила.

Замуж я вышла в 17 лет. Когда свататься стали, мама не против была, все говорила, что я бедна, измучена уже вся. Вот я и вышла замуж тоже за оленевода. У меня 8 детей.

Записано Ириной Михайловной Климиной
2007 г.

Татьяна Иосифовна Чупрова г. Нарьян-Мар

Завет отца, пример мамы

Великая Отечественная война принесла горе многим семьям, в том числе и нашей семье, потерявшей отца Иосифа Ивановича Чупрова и старшего брата Федора.

Мой папа Иосиф Иванович был из зажиточного рода Чарнышевых (в Усть-Цильме до революции многие семьи жили родами, чтобы легче обеспечивать свои семьи). До сих пор у некоторых семей сохраняются имена родов. По одной из версий, наш род Чупровых стали называть Чарнышевыми в результате того, что напротив нашего дома останавливались торговцы – чердынцы, привозившие товары из России.

Дом наш стоит на самом берегу Печоры. Ему исполнилось 126 лет. Он двухэтажный и в нём живут представители нашего рода Чарнышевых. Дед, отец нашего отца, был маслоделом, возил масло зимой продавать в Архангельск. Маслу его была присвоена марка высокого качества. В Архангельске он подхватил болезнь, скончался и там похоронен.

Папа окончил 4 класса. По тому времени это было хорошее образование. В начале 30-х годов его направили на работу – сначала в Росвино, затем в Юшино. Мама с семьей ехать отказалась. Тогда в семье были старший брат Федя, второй брат Иван и я, Татьяна, еще маленькая. В этих рыбных пунктах папа работал заведующим. Работа была связана с ледниками, на которых морозили рыбу. Лёд долбили с реки. Там он подхватил болезнь ног, ревматизм. Его перевели работать из Юшино в Нарьян-Мар, заведующим складами Рыболовпотребсоюза. В 1936 году мы всей семьей переехали в Нарьян-Мар. Сначала жили в конторе Рыболовпотребсоюза, потом получили комнатку в небольшом одноэтажном домике около болота, где жил с семьей Тимофей Мокеевич Хатанзейский, председатель Рыболовпотребсоюза. Комнатка была мала для нашей семьи и через некоторое время мы переехали в соседний двухэтажный дом, в комнату с кухней. В 1940 году родился брат Игорь.

И вот началась война. С отцом мы прожили недолго. Папу стали призывать на фронт, он сдал склады, но из-за ревматизма его оставили. Мама захотела вернуться в Усть-Цильму. Папа поехал обустроить нам жилье. В Усть-Цильме в 42 году его призвали на фронт. Все трудности легли на плечи нашей мамы. Она в это время не работала, так как Игорю был только год. Тогда Тимофей Мокеевич Хатанзейский пригласил ее на работу в нарьянмарскую колхозно-совхозную школу, где он стал директором. Дали нам большую комнату в школе (нынешнее здание паспортного стола УВД), она оказалась холодная. Мама ставила морильницу с горячими углями, чтобы нагреть помещение. Весной 42 года родилась Лена. Тогда нам дали тёплую комнату, мама сделала большой ремонт и стало уютно. Чтобы помочь, на лето приехала мамина мать, наша любимая бабушка Екатерина Васильевна Малышева. Ведь маме с братьями надо было ехать на сенокос. Мама работала конюхом, жили крайне бедно. Семья ветврача Стрелкова помогла нам купить корову (дали денег в долг).

В это лето в Нарьян-Мар прилетал немецкий самолет – разведчик. В морском порту стоял военный корабль, который дал сильный залп по самолету, но не попал. Самолет ушел. У нас во дворе было вырыто бомбоубежище. Нас, детей из дома загнали туда, но все обошлось. А люди, работавшие на сенокосе, испугались и скорей поехали домой.

Старшему Феде пришлось оставить школу (он учился в 9 классе школы № 1) и устроиться учеником рабочего на причал морского порта. В 1943 году и Федю, нашего

помощника, взяли на фронт. Остались помощники - Иван и я. Мы после учебы пилили дрова для колхозно-совхозной школы. Иван после школы учился в рыбтехникуме. Он был переведен в Нарьян-Мар из какого-то города и многие учились в нем. Мне приходилось торговать молоком на рынке (в районе конечной остановки в городе, там, где потом был хозяйственный магазин). Там многие частники торговали парным молоком стаканами. Прохожие или моряки покупали и пили молоко. Надо было еще возвращать долг за корову Стрелковым. Это были ленинградцы, после войны они вернулись домой. Мы долго с ними поддерживали связь и были им благодарны, так как младшие Игорь и Лена могли хоть питаться молоком.

В 1945 году забрали в армию Ивана, отправили пешком до Ираеля, но вернули обратно, так как пришла бронь, как на учащегося рыбтехникума. Он пешком вернулся в Нарьян-Мар. Через полгода техникум расформировали (разные курсы – по разным городам) в Мурманск, Махачкалу, Ростов-на-Дону. Иван уехал, хотя мама и не хотела его отпускать, ведь он был помощником. В 46 году в Ростове-на-Дону жить было голодно, Иван пытался подрабатывать. Он с другом решил вернуться домой, подкопили денег, чаю и уехали поездом до Ираеля, а оттуда в январе – пешком в Нарьян-Мар. В деревнях на ночлег останавливались и расплачивались чаем. А вскоре их призвали в армию, в военно-воздушные войска, где он прослужил 5 лет.

Жить во время войны было трудно, в первую очередь из-за неизвестности: вести с фронта от папы и Феде были редкими. Сколько слез было пролито нами, особенно мамой и бабушкой! Сколько радости, когда получали треугольнички. Они беспокоились о нас, а мы – о них. Папа в письме спрашивал о Феде, а Федя – о папе. На каких фронтах они воюют, мы не знали, так как это было засекречено. Узнали только после войны. Помог папин двоюродный брат Аким Петрович Чупров. После ранения приезжал к нам в отпуск. Он остался служить в армии, и после войны разузнал, что папа воевал на Украинском фронте. В районе Донбасса были жестокие бои, папину часть разбили. Много было раненых, в том числе и наш отец. Должны были его доставить на санпункт, но не доставили. Видимо, он так и умер от потери крови. А о Феде получили в 1944 году извещение, что был ранен и умер от ран в Белоруссии, при Витебском сражении. Мы с Игорем разыскали братскую могилу, где он похоронен. Местные жители рассказали, что погибло много таких ребят, слабо обученных. Санитаров не хватало, поэтому многие раненые не получали помощи и умирали.

Жизнь была тяжела и заботами о том, как прокормить и одеть большую семью. Пришлось маме свои устьцилемские старинные наряды променять рыбакам на хлеб и муку. У них же купили небольшой невод на две семьи – нашу и Дуркиных. Осенью после школы ездили рыбачить в Городецком шаре. Было темно, свет падал только от морского причала. Главным нашим рыбаком был Иван (16-17 лет), мне – 13 лет и столько же Лене и Вале Дуркиным. В основном, попадались ерши, караси, сороги, мы были рады и этой рыбе. Её делили на две семьи. Ершей мама парила или варила из них уху. Нам казалось это вкусным.

Хлеб был по карточкам, а кроме хлеба не было ничего. Хорошо, что хоть немного оставляли молока попить с хлебом. Однажды в магазине у меня из кармана вытащили карточки сроком на неделю. Пришлось вообще жить голодом. Как-то раз маленький Игорь стоял в окне и увидел мужчину, несущего две буханки хлеба. Он закричал: «Мама, мама, сколько хлеба несет дяденька!» В то время радовались не конфетам и пряникам, которых мы почти не видели, а хлебу. А сейчас мой младший брат Игорь – доктор технических наук, Лауреат Государственной премии СССР (разделил ее между всеми работниками своей лаборатории), профессор. Награжден орденом Трудового Красного

знамени, медалями ВДНХ. Его приборы установлены в космических аппаратах, на подводных лодках...

Наша мама как могла, пыталась нас поддержать. Научилась хорошо шить мужские рубашки, а я помогала – обметывала петли, пришивала пуговицы. Перешивала она сыновьям рубашки, а нам с сестрой – платья из своих нарядов. Шила мама по ночам, ведь вечером надо было управляться по хозяйству, ухаживать за коровой. А днем она работала конюхом в школе, возила воду с колодца на школьную кухню, бревна с берега. Мы вечером с Иваном пилили, кололи и укладывали в костры. Когда Иван уехал, пришлось мне пилить с Игорем. Ему было 5 лет, и он только держался за пилу, вся тяжесть ложилась на меня. Вечером надо было успеть подготовиться к урокам, да еще мама меня устроила техничкой в школу. Надо было вымыть классы и весь коридор. Еще успевала помогать маме.

За учебой нашей маме некогда было следить. Только говорила, что отец оставил наказ – учиться. И мы все учились хорошо, так как мама говорила, что любую работу надо делать так, чтоб людям нравилось. Она была для нас примером, любую работу выполняла так качественно, что было приятно посмотреть: хоть шила, хоть на сенокосе метала зароды (стога) для сена. У нее они отличались высотой, тонкостью; сено просыхало, а ведь погода часто была дождливая. Меня заставляла рубить тройные подпоры для зарода, а сверху мы вешали связанные ивовые вицы, чтобы сено не сносило ветром. Сено заготавливали на свою корову и казенную лошадь, помогал нам младший брат Игорь. Все уже уедут с сенокоса, а мы еще работаем. Ездили на сенокос на лодке с веслами до Мокеева шара (дальше деревни Макарово). Вперед едем против течения Печоры, поэтому я иду по берегу, бечевой (веревкой) тащу лодку, мама управляет на корме. Заезжаем в шар и больше часа еще едем до места. Осенью привозим сено.

Так мы жили, так мы ждали и не дождались ни папы, ни брата Феде. Им было немного еще лет: папе – 39, а Феде – 19. Такими молодыми они погибли, защищая нашу Родину.

Завет отца, который нам передала наша мама, мы выполнили, все хорошо учились, по конкурсы поступили в институты, как бы трудно нам не было. Мама заболела и не смогла работать, пенсии на младших детей были маленькие и мы начали работать. Но все же заочно закончили институты: я – Архангельский педагогический, Иван – Ленинградский, физической культуры им. Лесгафта, Игорь – Ленинградский университет, факультет физики, Лена – Ленинградский строительный. Она работала архитектором, считалась хорошим специалистом. Теплица в Нарьян-Маре – ее проект. Брат Иван работал физруком в школе № 1, председателем окружного комитета физкультуры и спорта, разработал Программу национальных видов спорта. Был судьей многих окружных, областных, российских соревнований, воспитал нескольких мастеров спорта. Праздник «Северное сияние», созданный им, сейчас носит его имя.

Я проработала в просвещении округа 50 лет. Как спортсменка, защищала честь округа на различных соревнованиях, в том числе – всероссийских. Занимала призовые места. Имею много грамот, звания «Отличник просвещения», «Ветеран округа», «Ветеран города», «Ветеран труда», «Ветеран спорта», «Ветеран Великой Отечественной войны».

Всем нашим успехам мы обязаны нашей маме Ирине Васильевне, которая в трудное военное и послевоенное время вырастила нас достойными людьми.

2007 г.

Таисья Калистратовна Чупрова
г. Нарьян-Мар

Полежать бы на траве

Я родилась 14 мая 1942 года в деревне Сопка. Мои родители: Калистрат Иванович и Евдокия Ивановна Дуркины. В 1937 году они приехали из деревни Абрамовка Усть-Цилемского района Коми АССР. Отца направили (или захотел сам – не знаю) работать бакенщиком на реке Печоре, в район между деревнями Сопка и Макарово.

Наша семья рано лишилась отца. В конце 1941 года отец был репрессирован. В один из черных дней приехали два человека, скрутили ему руки и увезли неизвестно куда. Из тюрьмы было одно письмо о том, что он заболел и умер. Ему было дано 10 лет тюрьмы за то, что он не все выплатил налоги.

Мама осталась одна в лесу, беременная мной, с пятерыми детьми на руках. Пришлось ей идти в Малую Сопку со всеми детьми, чтобы как-то выжить. Нашлась добрая женщина Агриппина Александровна Чуклина, она и приютила всю нашу семью, выделила нам комнату. Старшему брату Ивану и сестре Татьяне пришлось бросить школу. Мама вступила в колхоз «Искра». Так и проработала дояркой до 65 лет. Труд был адский. Было по 14 коров в группе, всю работу выполняли вручную (доили, носили парево пить вручную – на каждую корову ведра по два, разносили корм). Помню, она вставала в 4 часа и шла на утреннюю обрядку до 9 часов, а с 12 до 14 часов – дневная дойка, в 17 часов – вечерняя обрядка. Летом, кроме всего этого, заставляли ходить на сенокос для колхозного скота, а еще и для личной коровы и овец нужно было поставить сено на зиму.

Мама была у нас очень спокойная и никогда не жаловалась на трудности. Мы видели, что ей тяжело, старались ей помогать. Старшие Иван и Татьяна уже в это время самостоятельно работали на сенокосе, на маслозаводе. Мы, младшие: Зоя, Петя и я тоже рано познали тяжесть труда.

В военные годы все молодые мужчины ушли на фронт, а вернулись совсем немногие, и то раненые и контуженные. Поэтому после войны вся тяжесть труда и всей жизни легла на плечи детей – подростков и женщин. С семи лет в летнее время ходили на заготовку сена, а зимой после школы пилили дрова для колхозной парилки и бани. Брату Пете было 10 лет, так он считал себя мужиком: помогал женщинам сметывать сено в стог, рубил подпоры для стогов, подвозил кучи сена на лошади.

А мы, девочки 7-9 лет, загребали за ним, сгребали сено в кучи. Помню, как мы уставали, как хотелось побегать, покупаться, просто полежать на траве, но нам было стыдно перед взрослыми женщинами и мы работали с ними наравне, с утра и до заката солнца. Часто поглядывали на небо и думали: «Хоть бы дождик прошел, хоть бы отдохнуть».

В послевоенные годы не хватало хлеба. Помню, даст мама кусочек хлеба, а я думаю, как его съесть: сразу или размочить в молоке или кипятке и съесть как кашу.

Для колхозных коров привозили комбикорм плитками, так мы всегда ждали, когда привезут его, чтобы набрать полные карманы. И как мы радовались этому и, кстати, какой он был вкусный!

После окончания учебного года (мне было 11 лет) меня направили рыбачить в Тонкую. Из деревни туда идти километров 12: шесть километров дорога хорошая, а 6 километров – болото. Я была в большущих бродовых сапогах. Так с полдороги я шла босая, а сапоги несла в руках.

После окончания четырех классов мы продолжали учебу в с. Оксино. Хотя мы учились хорошо, а брат Петя был круглый отличник, мы чувствовали себя униженными. Большинство детей питались бесплатно в интернате, а наша мама должна была платить за наше питание, так как наш отец погиб не на войне, а был репрессирован. Многим выдавали бесплатно валенки и теплую одежду, а нам нет. На каникулы из Оксино нас увозили на лошадях. До Сопки едешь часа четыре. Помню, едешь в мороз, в ветер, а пальцы у ног торчат из валенок. Соскочишь с саней и бежишь сзади, сядешь – опять холодно. Приедешь домой – мама нам сама подошьет валенки, носки. И назад едем опять теплые.

Только где-то в 1956 году мы стали жить и питаться в интернате бесплатно.

Какой бы ни была в те военные годы жизнь, она не сломила нашу семью. Старшие Иван и Татьяна (ныне уже покойные) были хорошими работниками. Средний брат Петр закончил Ленинградскую аспирантуру, получил звание доктора педагогических наук, стал профессором. Работает заведующим кафедрой физического воспитания в АГТУ. Сестра Зоя закончила Кировский экономический институт. А я закончила Архангельский техникум дошкольного воспитания.

2007 г.

Пётр Ефимович Чупров
г. Нарьян-Мар

Тябышек

Родился 15 августа 1935 года в деревне Коржа Куйского сельсовета. Мой отец Ефим Васильевич родился в 1895 году в деревне Кривая Виска, а мама Парасковья Петровна - в 1894 году в Усть-Цильме. Сейчас бы сказали, что оба они из Республики Коми.

Родители приехали в Коржи в 1934-ом, привезли в карбасе корову и овец. Семья была большая – приехали с семерыми детьми, да мы с сестрой в Коржах родились. Меня назвали Петром в честь маминого отца, он в Усть-Цильме служил урядником. Крестил меня Евгений Чупров, он потом на фронте погиб.

В Коржах мы жили до 1939 года. Хозяйствовали единолично. Отец занимался рыбалкой, охотой. Сестры помогали отцу – косили сено, рыбу ловили и увозили на продажу на лесозавод. Тогда моторов не было, ездили на веслах. Весной 1939 года отца сосватали в колхоз «20 лет Октября» и мы переехали в Носовую. Перевезли всё – дом, хлев, корову, лошадь.

Дом наш был маленьким, с русской печкой. На единственной деревянной койке спали мать и отец, а мы – на полатах. Я – у стенки, младшая – в середке, старшая сестра – на краю. Другие сестры были взрослые, уже своими семьями жили. Когда обозы с навагой шли, люди останавливались у нас, мать им перины на пол кинет – и спят. Мать вела домашнюю работу. Отец в Носовой рыбачил и сестры рыбачили, а зимой отец охотился на песцов в районе реки Мелкой. Он был кадровым охотником.

Я был маленький, все ходил за матерью. Игрушек у нас не было, все камушки да палки. Правда, мне сестры из города мишку плюшевого привезли. Я его очень берег. Я же был единственный сын, один парень среди девочек - меня жалели все, старались побаловать. Днем-то я не заметил, а ночью посмотрел на мишку и заревел – глаза у него в темноте светились. Мама переполошилась, кинулась успокаивать.

Родители были верующие, молились; дома был красный угол с иконами. Мама соблюдала посты, знала все праздники. Отец тоже посты соблюдал, а потом пришлось отказаться – работа не способствовала. Детей крестили в домах знающие люди – старoverы; я сам троих детей держал при крещении. Первого - в 41-ом году, племянника своего Гришу Поташева. Он был первый внук у матери моей. Мне в то время шел шестой год. Я гордился, что мне доверили малыша держать.

Родители и сестры любили петь устьцилемские песни. Старшие девочки бегали в клуб на танцы. Танцевали под балалайку Алексея Чупрова. Мы подглядывали, смеялись. Только в 15 лет я стал на танцы ходить, тогда уже под гармошку танцевали. Были у меня друзья закадычные – Михаил Филиппов и Виктор Чупров. С ними и другими детьми играли в «лапту», «чижика», «городки».

Как о войне узнали – не помню, мал был. На моего отца бронь наложили. Как зятя Кузьму провожали и плакали, помню. Стол накрыли – рыба, бражка. Спирт продавался, но дорого. Мы со взрослыми за столом не сидели, смотрели на них с полатей, не пихались. У нас законно было – обед, ужин, – в одно время. Мы с отцом ели из одной эмалированной миски, а мать с сестрами из другой – так привыкли. Чашки были на всех, ложки. Первую вилку я купил себе в 1952 году. Хлеб ели сразу с противня.

Увозили мужиков осенью 41-го – на лошадях по льду Печоры. Первым председателем колхоза был Гаврил Матвеевич Вылка, а с 1941 по 1948 годы –

Поташев Емельян Архипович. Трудно им было руководить, ведь большинство работали женщины, мужиков мало.

Отец много и трудно работал, сестры Акулина, Степанида и Анастасия – тоже. В Носовую приезжали зимой со всего округа, порой по 300 человек, в том числе и поморы с Архангельска. В 1943, 44-ых привозили вербованных – татар, узбеков, удмуртов, русских, словом, людей разных национальностей. Ведь рабочей силы не хватало. После войны большинство уехали, только трое молодых мужиков осталось, потому что семьи здесь создали.

Зимой рыбачили на губе, ловили навагу, а летом – семгу. Били ставные (их еще называли японскими) ящики, штук по 25 за раз, вбивали вручную колья, техники не было. Работали-то, в основном, одни девки молоденькие, женщины да подростки. Ветер, лодка хлещется, а ты попробуй, забей 30 кольев! А рыбзаводские рыбу обрабатывали – в сырости, холоде да изо дня в день... Ой, очень тяжело! Когда так трудились, то в перерыв погрызут мерзлую навагу, и снова за работу.

Но мы не голодали. Ели, в основном, рыбу. У нас отец рыбак был, а рыбакам талоны давали на мыло, муку, сахар, табак. Одежда была теплая – валенки, тобоки из нерпы, малицы, кухаечки (фуфайки). Конечно, одевались скудно, кто как мог, но не замерзали. Мои обязанности были небольшие – носил воду, чистил снег, колол лед, а дело сделал – гулял.

Играли в «наших» и «немцев». Делали себе сабли деревянные. «Немцы» прятались, «наши» их ловили. Привозили нам кино немое. Учительница Сараева комментировала фильмы. На «Чапаева» много раз бегали. Были у нас клички свои. У меня – Коржа (я из Коржей приехал), у друга Мишки – Яранчик (папа у него - ненец). Дусю Бобрецову, она маленькая ростиком была, Чипочкой звали (Цыпочкой), паренька Вараксина – Варакой... В Носовой все жили дружно, не делились на своих и чужих, помогали, чем могли. Кто - то приходил, просил хлеб, муку. Мама давала. Один рыбак заходил, вроде не просил ничего, но мама, видно, знала, что ему кушать хочется, давала ему тябышек (пудовый хлеб).

Кажется, в 44-ом, летом, дождь только что прошел, мы на улицу вышли. Было тихо-тихо. И мы услышали шум в небе. Низко-низко, над соседним домом пролетел немецкий самолет с крестами, мы даже лицо летчика видели. Он ничего не обстреливал, потому мы не испугались. Слухи ходили, что сбили его, но точно мы не знаем.

Об окончании войны нам сообщил приемник «Родина» – был такой в колхозе. Все обрадовались, плакали. У нас в семье никто не погиб на войне.

Стали приходиться мужики – кто раненый, кто инвалид. Пришли Чупров, Терентьев, Носов, Поташев, Семенов. Тогда колхоз стал подниматься. В июле 45-го в Носовую провели телефонную связь. Раньше была рация.

Я закончил четыре класса и дальше не захотел учиться. Всю жизнь трудился.

*Записано Ниной Степановной Котовой
2007 г.*

Фатей Прокопьевич Чупров
г. Нарьян-Мар

Защитники

Моё детство, в основном, прошло в деревне Носовая и оставило в душе незабываемые впечатления. Помнится, в довоенные годы повсюду в деревне шла активная трудовая жизнь. Одни занимались рыболовством. Когда приезжали к берегу около рыбзавода, лодки стояли вплотную, так, что некуда было ступить, да еще все было заполнено рыбой. Настроение у рыбаков в разговорах, движениях чувствовалось бодрое, приподнятое. Другие занимались возведением жилых домов. Везде в заметном количестве были мужчины.

В первый класс я пошел в 1939-ом году в новую просторную школу. В этот год началась война с Финляндией. По призыву на войну уходили рослые, крепкие ребята в возрасте 19-20 лет. В ту войну погиб мой дядя Михаил, интересный, с большими способностями молодой человек. За героический подвиг он был награжден орденом Красной Звезды.

Жизнь в Носовой продолжалась в хорошем созидательном духе; 1940, 41-ые годы встречали весело, с нарядными елками, привезенными из района Нарьян-Мара. Выступали школьники, учителя, играли в игры. Для меня это была как сказка, я впервые увидел интересные завораживающие игрушки. Вся эта полноценная, радующая жизнь круто изменилась с нападением на нашу страну фашистской Германии. Удар был тяжелым, наша армия отступала, о чем ежедневно сообщало радио. Началась массовая мобилизация мужчин. Некоторые с отдаленных участков уходили в военкоматы, так и не побывав дома и не попрощавшись с семьей.

Недостаток мужской силы, а также суровость военного времени и тревога за общую судьбу резко увеличили напряжение рыбацкого труда, который выполнять пришлось женщинам. Мы, их дети, старались помогать. Участвовали при погрузке сетей в лодки. Выносили на рыбзавод наловленную рыбу. Когда в деревню привозили на барже сено, мы вместе со всеми участвовали в выгрузке.

В то время было плохо с дровами. Поэтому после каждого штормового ветра я с братом, как и многие деревенские ребята, шли по берегу губы в поисках принесенных бревен, да и любой деревянной вещи, годной на дрова. На каждую находку ставили свои инициалы (клеймили), а потом увозили на лодке к дому.

В нашей семье к началу войны росла сестричка Женя, ей было 4 годика. Потом, в 1942-ом родился братик Аркадий. Мама Марфа Михайловна долгое время работала поварихой. Утром готовила завтрак, а когда бригада возвращалась с рыбой, кормила её обедом из наваристой, ароматной ухи и рыбы. Между этими моментами мы с мамой ходили по берегу, собирали камни, подходящие в качестве грузил сетей. Мама топором делала насечки на камнях и обвязывала их то веревкой, то хоботом сетки; потом их на лодке увозили к дому.

Война становилась все более угрожающей. До деревни уже доносились раскаты взрывов на море. Из разговоров взрослых мы узнавали, что это связано с караванами судов, ведущих нам помощь из Англии. С этим же мы связывали пролетающие в сторону моря наши самолеты. Ходили в Носовой слухи, что около устья Печоры в поисках русла ходила немецкая подводная лодка, и что она обстреляла то ли рыбаков, то ли метеостанцию, или то и другое.

Однажды в пасмурное утро низко над деревней пролетел самолет. Всмотривались

в него, надеясь увидеть звезду, а увидели черный ломаный крест. В тот же день по радио сообщили, что над Нарьян-Маром пролетал немецкий самолет. Настроение у нас, ребят, стало очень тревожным. Чем будем защищаться, когда придут немцы? У моего отца Прокопия Николаевича (на фронт он не попал из-за посохшей в результате производственной травмы левой руки), было два охотничьих ружья и нас, ребят, это ободряло. Мы стали готовить самоделки, заострять разные прутья, то есть готовиться защищать деревню наравне со взрослыми. Стрелять из ружья я мог. Летом по договору я стрелял чаек. С них снимали шкуру и солили. Потом в бочках куда-то увозили.

Жизнь сельчан становилась все труднее. Рыбный обед стали выдавать по норме и в одной столовой. Понимая тяжесть положения, подростки после четвертого класса шли работать в колхоз. Конечно, для взрослых это была желанная помощь. Так поступил и мой брат Петр.

Старший брат Андрей Прокопьевич ушел на фронт в 1942 году. В марте 1943-го он погиб, вечная и светлая ему память.

Брат Петр, благодаря хорошему физическому развитию и присущей ему энергичности, успешно работал летом на сенокосе, зимой – на ловле наваги. Настало время, когда его вызвали в райвоенкомат в с. Оксино и в составе других допризывников направили достраивать сельский клуб. Эта работа была выполнена в кратчайший срок. После кратковременного отдыха Петра направили на курсы ветеринаров. Колхоз имел несколько коров и лошадей, надо было следить за их здоровьем. Успешно окончив курсы, он стал заведовать ветеринарным пунктом. Брат принимал участие и в строительстве телефонной линии Нарьян-Мар – Носовая. Связь требовалась, так как к тому времени Носовая стала важным рыбоучастком, где лов рыбы вели многие колхозы.

Полный опасностей и трудностей воинский подвиг солдат на фронте, неумный труд в тылу увенчались победой нашего народа.

Девятое мая я встретил в Никитце, учась в 6-ом классе. Жил на квартире у Дуркиной Агафьи. Рано утром пришел председатель сельсовета Виктор Иванович Васильевич и сообщил о Дне Победы. Попросил нас пойти в дома и сообщить о Победе и о том, чтобы все шли в клуб на митинг. Мы, ребята, обрадовались и стремительно побежали разносить радостную весть. Погода была тёплая, блестели лужи, под которыми еще не растаял лед. Я побежал по лужам стремглав, поскользнулся и полетел навзничь. Успел повернуться и ударился лицом об лед. Из глаз посыпались искры - как салют! До крови повредил зуб, который потом долго и неоднократно напоминал о Дне Победы. Хорошая память и теперь сверкает коронкой.

...А тогда я все же не повернул обратно, а с разбитым лицом бежал по деревне и разносил весть о Победе. ...День Победы был очень радостен, хотя у многих и текли слезы.

2007 г.

Александр Иванович Чуклин
г. Нарьян-Мар

Колотили целый день

Я, Чуклин Александр Иванович, родился в деревне Сопка в 1938 году. Родители мои трудились в колхозе «Искра» деревни Сопка. Отец Чуклин Иван Петрович был рыбаком, а мать Чуклина Августа Яковлевна - колхозница.

В семье у нас было трое детей. Во время войны отца моего забрали на трудовой фронт. Он рыбачил сначала в Мурманске, потом в Архангельске.

Жили в войну тяжело. Помню, как приходили люди из НКВД и считали живность, чтоб обложить налогом. Мать плакала и говорила: «Чем я детей кормить буду?»

Летом в деревне никого не оставалось. Только старики да малые дети. Все работали на сенокосе. Когда стал чуть постарше, сам ходил с матерью на сенокос.

Во время войны к нам в деревню приходили похоронки. Мы слышали это слово, но смысла не понимали. Потом мать объяснила, что этот человек больше никогда не вернется.

Очень ярко остался в моей памяти и День Победы. Пришла домой мать и сказала, что война закончилась. Все пошли на площадь. Там собрались жители деревни. Все плакали, кричали «Ура!» Многие говорили, что теперь будем жить хорошо. Потом разошлись по домам.

Помню, как возвращались мужчины в деревню с войны. Мы с ребятами бегали смотреть на них. Мужчины радостные сидели за столами. Некоторые выходили на крыльцо и из ружья стреляли вверх - делали «салют».

Во время и после войны годы были одинаково голодные и трудные.

Я помню, как я маленький упал с полатей и сильно надкусил себе губу. Медика в деревне не было. Губу зашивали бабушки. Обработывали народными средствами, но губу сохранили.

После войны болели дети скарлатиной. Больные, они лежали в школе. В деревне назначили человека, который ухаживал за детьми. Врачи приезжали только посмотреть, а потом уезжали обратно. Помню, как соседская девочка умерла от скарлатины.

В 1947 году вернулся в деревню с трудового фронта отец. Он приехал под вечер. Света в избе не было. Пришла мать с работы и обняла его.

Я часто рыбачил с отцом. Рыбы ловилось много. Бывало, двенадцать человек невод тянут. Вытянут невод – и карбас полон нельм. Все это для государства. Себе взять нельзя. Не дай бог возьмешь, обязательно посадят. А рыбачить было тяжело. Сколько в реке воды, столько в сапоге.

За любой труд ставили трудодни. Была такая поговорка: «Колотили целый день пень о пень – не выходит трудодень».

Помню еще, что любили мы, дети, встречать обозы со жмыхом, который везли для скота. Мы подбегали и отламывали кусочки. Это нам казалось большим лакомством.

В голодные послевоенные годы чудом выживали люди, несладко приходилось и скотине. От голода лошади и коровы так слабели, что их подвешивали, стараясь удержать их на ногах. А умерших лошадей хоронили в ручье, который назывался Кониный. Шкуры снимали и сдавали государству. Переселенцы, которые жили в деревне, брали мясо мертвых лошадей, варили и ели.

Тяжелые были времена, но мы находили время для игр. Играли в лапту, в «чижика» и обязательно в войну. Сами были партизанами, а из мешков с сеном

делали «фашистов» и били их. Лазили по крышам домов. Мне не надо было лестницы. Я забирался на самые высокие крыши и прыгал вниз. А однажды прыгнул и ступню вывернул, так пришлось везти в город к бабушке – костоправке, которая мне ступню на место поставила.

Дети наряду со взрослыми переносили все тяготы и невзгоды. И как трудно бы ни было, мы оставались просто детьми с шалостями, играми, забавами.

*Записано Надеждой Алексеевой Ярковой
2007 г.*

Галина Ивановна Шалькова
г. Нарьян-Мар

Юрий Долгорукий

На свет я появилась за три года до начала войны; в свидетельстве записано, что место моего рождения – Нарьян-Мар, а так-то мама говорила, что Щельяюр. Это мамина родина. Мама – Канева Клавдия Кузьминична, была рабочей в морском порту, поваром. Рассказывала, что когда делегация Шмидта останавливалась в Нарьян-Маре, то столовались они там, где мама работала (в столовой на улице Набережной, у пристани дебаркадера).

Папа – Иван Филиппович Коломинов, был начальником погрузочно-разгрузочного участка в морском порту. Поэтому, когда война началась, папе дали бронь, ведь он работал на ответственном участке.

Дом, где мы жили, и сейчас стоит у пристани, и когда я с внуками мимо него прохожу, всё говорю, смотрите, вот здесь я росла.

В нашем доме жили разные по достатку люди, но между всеми были хорошие отношения. Помню, примерно в 43-ем году отец приехал из командировки, вроде бы ездил за лесом, и привез какие-то конфеты. Он нас угостил и прошёл по всем квартирам - всем детям разнёс гостинцы.

У морпорта были бараки, и там был наш детский сад (потом сад перешел в другое здание, нынешний сад «Кораблик»). Мне запомнилось, как у нас появилась новая воспитательница – молоденькая, беленькая, симпатичная Анна Александровна Шкрябина. До сих пор у меня её образ перед глазами.

Взрослые о войне постоянно говорили, но мы маленькие, разве что понимали? Мать гадала с соседками. Жгли бумагу на тарелке, ставили к печке, угадывали – какую форму тень имеет. Помню, кто-то увидел мужчину без рук. Еще брали гранёный стакан с водой, туда опускали обручальное кольцо. У нас кольца не было, брали у соседки тётки Шуры Румянцевой и смотрели, что появится в кольце. Мама смотрела-смотрела и не выдержала, ушла, говорит, ничего не вижу, а я посмотрела и увидела – вода раздвинулась словно наполовину, а там - гроб. Я побежала маму звать – пришли все смотреть, тоже увидели и заплакали. И с отцом вскорости случилось.

Послали его лететь в командировку в Троицко-Печорск, в Коми. Мы с сестрой Ирой (мне было 5, ей 7 лет) пошли папу провожать. У старого рыбокомбината, по дороге к Тельвиске, где сейчас рыбинспекция, был аэропорт. Там мы папу оставили и ушли домой. И вдруг он вернулся обратно – ещё один плохой знак. Уехал и там погиб. В морпорту, вопреки правилам, не создали комиссию и не стали разбираться в причинах гибели. Поехала одна мама, нас всех оставила в Щельяюре у тётки. В Троицко-Печорске вскрыли отцову могилу, оказалось, что у папы свернута назад голова. Там, может, и знали, кто отца убил, но никто не разбирался. Местные говорили, что, скорее всего, пленные – там, на лесозаготовках работали немцы, румыны.

Когда отца не стало, жизнь усложнилась. Помню, как мама с покупателем мерили от стенки до стенки, от окна до окна, темно-синий шевиот*. На эти деньги купили ботинки и еды. Ботинки мы, дети, носили по очереди, а нас было трое – две сестры и брат. Мать ездила на рыбалку, привозила рыбу. Помню, щука лежит на столе, рот раскрыт и так хочется ей в пасть палец засунуть! Не сдержалась и запихала. А щука палец прикусила. Вот плачу было!

Мамина мать, бабушка Агафья ходила по квартирам, собирала милостыню. Люди

давали корки хлебные, обрезки какие-то. Мы всё ели. Чувство голода до сих пор помню.

Я не знаю, как услышали про Победу, помню только момент: мы все сидим на кровати, и брат говорит: ну всё, война закончилась, теперь папу сделают из глины и нам пошлют. Ему еще не было 5 лет. Не знаю, почему он так сказал...

В 45-ом я пошла в школу. Сохранилось впечатление, что 1 сентября был таким праздничным и радостным, как Новый год.

Когда война кончилась, на машинах с морского порта возили жмых (отжимки масляные), прессованный брикетами. Иногда куски выпадали, а мы бежали за машиной, хватали, что падает. Твердые кусочки мы грызли, жевали... ой, как вкусно было! Кисель из овса был вкусный, но лакомились им редко (иногда варили, иногда просто заливали кипятком с-под самовара).

Вот говорят, дети войны страдали. Ну и что? Мы страдали как все, а наши матери больше других. Представьте, сегодня женщины разгружали бы баржи с углём? Не кранами, а лопатами, руками! А наши мамы несколько лет надрывались! А мы оставались детьми, во дворе играли в лапту, «чижика», мальчики иногда в войну, девочки – в куклы. Куклы были самошитные. Наша мама нам шила кукол. А еще она шила их детям, которые воспитывались в детдоме. Сошьет, и мы вместе отвезём их в детдом и подарим.

Одежду нам мама, в основном, переделывала из старопрежней. Носили, что придётся. В школе меня называли Юрий Долгорукий, я ходила в маминой кофте с длинными рукавами. Бегу, а рукава развеваются...

Зато мы жили дружно, друг за друга стояли горой, на деньги ничего не мерили. И предательств не было. В нашем доме разные семьи жили, но не делились – ты из семьи начальника порта, а ты из простой семьи, где восемь детей. Мы до сих пор дружим!

...Когда начали возвращаться мужчины с фронта, на них был большой спрос. Они ходили в гости к женщинам, к вдовам, присматривались, кто лучше накормит, напечет, так и выбирали. К нам один приходил. Мы, дети, его руки так ласкали, так гладили, так к нему жались, нам хотелось отцовской заботы. Но он больше не пришёл, видимо, нашёл другую.

*Записано Еленой Ивановной Вергуновой
2007 г.*

Шеввиот* - (англ. cheviot) — плотная, тонкая, ворсистая, как правило, костюмная ткань, производимая из шерстяной или смешанной пряжи.

Матрёна Федуловна Шевелёва
п. Хонгурей

А мы войну понять хотели

Родилась в 1934 году в Малоземельской тундре, в районе Коткино.

Когда война началась, мне было 7 лет, но я тогда ещё не училась. О том, что война началась, я узнала, когда первого брата стали в армию провожать. Отец упряжку собрал. Мой отец был очень верующим, его попом в тундре называли. Собрал он всех в чуме. И вот брат на колени перед отцом встал, проститься. Отец его благословил, чтобы Бог сохранил, чтоб он жив остался. Так по очереди: в один год одного брата забрали, в другой – другого. На войне двое погибли, двое вернулись.

А мы жили в чуме и войну не знали. Вечером, бывало, выйдем на улицу, по хозяйству занимаемся, отец нам показывает на небо, там плывут, меняются облака. Он и рассказывает: «Вот тут наступления идут... Вот какие сильные наши солдаты...». У нас радио в тундре не было, а войну мы понять хотели. Вот нам отец так и объясняет.

Письма с фронта нам отец вслух читал. Помню, как отец читает письмо от брата: «...будь проклят, кто нас родили на свет белый, такая страшная война...». Письма те складывали в круглое лукошко, а сохранить не могли, потерялись где-то.

Оленей брали в амию. Начальники какие-то приезжали, юрковали* оленей и быков брали.

В чуме в войну не страшно было, только норму знали. Рыба была, олени были. Мы мясо да шкуры продавали, так что не скажу, что плохо совсем жили.

А когда дадут хлеба да сахар, мы, дети, его в свой мешочек складывали. У нас у каждого свой мешочек был. Туда сложим свою норму и подвесим на шест. Без записи знали, где чей мешочек висит. Вот и тянем оттуда понемногу. Смотришь – ага, у него больше, чем у меня, значит, надо придержать...

Записано Людмилой Александровной Рочевой
2007 г.

Юрковать* - гнать

Тамара Васильевна Шевелёва
г. Нарьян-Мар

Гитлера убили!

В начале войны мне было три года. Жили мы в Тельвиске. Играли, помню, всё в военные игры. Мальчишки трещотки делали из дерева. Бегают по деревне, крутят, только треск стоит, будто это автоматы. А мы, девочки, «перевязывали раны». Тоже за хлебом стояли. Наденем малицы, чтобы теплее, стоим с ночи, ждём, когда привезут хлеб. А уйдёшь погреться, в очередь больше не пустят. Ели - мололи рыбы кости, пекли блинчики.

Помню, как война закончилась. Поутру прибежала бабушка. Забежала в малице в дом, всех будила, кричала: «Ой-ё-ёй, гашке*! Гитлера убили, убили!»

Записано Ириной Михайловной Селиверстовой
2007 г.

Гашке* – (коми) – наверно, может быть.

1. Сёстры Ульяна и Полина Истомины, 1941 г. Из архива Истоминой У.А.
2. Нина Иванова, 8 лет, 8 апреля 1942 г. Из архива Федяновой С.И.
3. Анна Андреевна Рочева с детьми. В верхнем правом углу дочь Лена, 10 лет. В п. Шапкино приехал фотограф, съёмки происходили в сельском клубе, 1954 г. Из архива Сахаровой Е.П.
4. Петя Чупров со старшей сестрой, 1940 г. Из архива Чупрова П.Е.
5. Дети села Тельвиска, прим. 1940-е гг. Из архива Бабикова М.П.

6. Нина Иванова с мамой Александрой Фёдоровной, 1942 г. Последняя фотография, отправленная на фронт отцу Ивану Никандровичу. Из архива Федяновой С.И.
7. Анна Бабикова (Кислякова) (слева) сестрой Ольгой, прим. 1947- 49 гг. Из архива Бабиковой А.Т.
8. Миша Бабиков (внизу слева) с родственницами, прим. 1936-38 гг. Из архива Бабикова М.П.
9. Ученики Никитцынской школы, осень 1941 г. Из архива Истоминой У.А.

10. Семья Михеевых:
Владимир Степанович,
Евдокия Ивановна, их
старший сын Вячеслав,
прим. 1934 г. Из архива
Михеевых Л.В. и М.В.

11. Галя Шалькова
(Коломинова) (справа) с
сестрой Ирой, прим. 1948 г.
Из архива Шальковой Г.И.

12. Анна Ларионова
(Семёнова), 3 года, с
родителями Филиппом
Кирилловичем и Евдокией
Артамоновной, и Натальей
Ивановной Чупровой,
1939 г., д. Носовая.
Из архива Ларионовой А.Ф.

13. Лёня Михеев (верхний ряд в черной
рубашке), рядом сестра Маргарита. 2-ой ряд
слева направо: бабушка Манефа Екимовна
держит на руках Юру, папа Владимир
Степанович, мама Нина Андреевна. 1-й ряд
слева направо: Стёпа, Люда, Аркаша, 1951 г.
Из архива Михеевых Л.В. и М.В.

14. Анна Паршева (Поздеева) (крайняя
справа) с мамой Пелагеей Васильевной,
братом Петром, сёстрами Ириной и Галиной,
прим. 1943 г. Из архива Паршевой А.П.

15. Воспитанники городского детского
сада в годы войны. Из фондов Ненецкого
краеведческого музея.

16. Петя Чупров с бабушкой и родителями
Парасковьей Петровной и Ефимом
Васильевичем, прим. 1941 г.
Из архива Чупрова П.Е.

17. Воспитанники детского сада морского
порта, 1941 г. Из фондов Ненецкого
краеведческого музея.

А МЫ МЕЧТАЛИ О СЧАСТЛИВОМ ДЕТСТВЕ

Воспоминания жителей Ненецкого автономного округа
о детстве и юности в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов

Составитель: Е.И. Вергунова
Макет, оформление: Л.Ю. Широкая

ГБУК «Этнокультурный центр Ненецкого автономного округа»
г. Нарьян-Мар, ул. Смидовича, д. 20А
etnonao@mail.ru

Сборник издан на средства бюджета Ненецкого автономного округа в рамках
государственной программы НАО «Развитие культуры и туризма»

Подписано в печать 00.00.2020. Формат 330x215
Бумага офсетная. Гарнитура Georgia.
Усл. печ. листов ... Тираж ___ экз.
Полиграфическое исполнение.....